

**ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ**

КРЭНФОРД

Элизабет Гаскелл

Крэнфорд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25274814

Отечественные Записки, No№ 7–9: 1855

Аннотация

«Во-первых, Крэнфорд находится во владении амазонок; все, нанимающие квартиру выше известной платы – женщины. Если новобрачная парочка приезжает поселиться в город, мужчина каким бы то ни было образом исчезает; или он перепугается до смерти, что, кроме него нет никого из мужчин на крэнфордских вечеринках, или отсутствие его изъясняется тем, что он должен находиться при своем полку, на своем корабле или заниматься всю неделю делами в большом, соседнем торговом городе Дрёмбле, отстоящем от Крэнфорда только на двадцать миль по железной дороге...»

Содержание

Часть первая	4
I. Наше общество	4
II. Капитан	21
III. Старинная любовь	43
IV. Визит старому холостяку	57
V. Старые письма	74
Часть вторая	90
I. Бедный Питер	90
II. Вечер в гостях	106
III. Ваше сиятельство	122
IV. Синьор Брунони	142
V. Страх	157
VI. Самюль Броун	178
Част третья и последняя	194
I. Помолвлены	194
II. Банкротство	207
III. Истинные друзья	223
IV. Счастливое возвращение	249
V. Мир Крэнфорду	267

Элизабет Гаскелл

Крэнфорд

Часть первая

I. Наше общество

Во-первых, Крэнфорд находится во владении амазонок; все, нанимающие квартиру выше известной платы – женщины. Если новобрачная парочка приезжает поселиться в город, мужчина каким бы то ни было образом исчезает; или он перепугается до смерти, что, кроме него нет никого из мужчин на крэнфордских вечеринках, или отсутствие его изъясняется тем, что он должен находиться при своем полку, на своем корабле или заниматься всю неделю делами в большом, соседнем торговом городе Дрёмбле, отстоящем от Крэнфорда только на двадцать миль по железной дороге. Словом, что бы ни случилось с мужчинами, только их нет в Крэнфорде. Да что им там и делать? Доктор объезжает своих больных на тридцать миль в окружности и ночует в Крэнфорде; но не всякий же мужчина может быть доктором. Чтоб содержать красивые сады, наполненные отборными цветами, без малейшей дурной травки, чтоб отгонять мальчишек при-

стально-смотрящих на эти цветы сквозь забор, чтоб спугнуть гусей, пробирающихся в сад, если калитка отворена, чтоб решать все вопросы литературные и политические, не смущая себя ненужными причинами или аргументами, чтоб узнавать ясно и правильно дело всех и каждого в провинции, чтоб содержать своих опрятных служанок в удивительном повиновении, чтоб быть добрыми (несколько повелительно) к бедным и оказывать друг другу нежные услуги в несчастьи, слишком достаточно одних женщин для Крэнфорда.

– Мужчина, как одна из них заметила мне однажды, всегда такая помеха в доме.

Хотя крэнфордским дамам известны поступки друг друга, они, однако ж чрезвычайно равнодушны к мнению друг друга. Действительно, так как каждая обладает своей собственной индивидуальностью, чтоб не сказать эксцентричностью, порядочно сильно развитою, то ничего не может быть легче, как платить колкостью за колкость; но какая-то благосклонность царствует между ними в весьма значительной степени.

Крэнфордские дамы имели только одну случайную ссору, разразившуюся несколькими язвительными словами и колкими киваньями головой, именно на столько, чтоб не допустить ровный ход жизни сделаться слишком однообразным. Одежда их совершенно независима от моды. Они говорят:

– Что за беда, как бы ни одевались мы в Крэнфорде? ведь здесь всякий нас знает.

А если они выезжают из Крэнфорда, то причина их рав-

носильно-убедительна:

– Что за беда, как бы мы ни одевались там, где никто нас не знает.

Материалы, из которых сделана их одежда, вообще хороши и просты; но я отвечаю, что последние огромные рукава на китовых усах и последняя узкая натянутая юбка, в Англии, были видимы в Крэнфорде и видимы без улыбки.

Я могу указать в одном великолепном семействе на красный шелковый зонтик, под которым премиленькая девица, оставшаяся одна от многочисленных братцев и сестриц, обыкновенно отправлялась в церковь в дождливую погоду. Есть ли хоть один красный шелковый зонтик в вашем городе? У нас сохранилось предание о первом таком зонтике, виденном в Крэнфорде; мальчишки с громкими криками указывали на него пальцами и называли: «палкой в юбке». Может быть, это был тот самый красный шелковый зонтик, описанный мною, который некогда держал сильный отец над толпой деточек; бедненькая девушка, пережившая всех, на силу может с ним сладить.

Здесь есть правила и постановления для церемониальных визитов и визитов запросто, и они объявляются всем молодым людям, приезжающим в Крэнфорд, со всей той торжественностью, с какою старинные мэнские законы читались раз в год на Тинвальдской Горе¹.

---

¹ Остров «Мэн» между Англией и Ирландией, где жители некогда собирались раз в год слушать публичное чтение законов. *Примеч. перев.*

– Друзья наши прислали осведомиться, как вы себя чувствуете после путешествия, душенька (пятнадцать миль в покойной коляске); они дадут вам отдохнуть завтрашний день, а послезавтра, я уверена, они приедут; так будьте же свободны после двенадцати часов; от двенадцати до трех ваши приемные часы.

Потом после посещений:

– Сегодня третий день; вероятно, ваша маменька вам говорила, душенька, что никогда не надо пропускать более трех дней между визитом и контрвизитом и также, что вам не надо оставаться более четверти часа с визитом.

– Но разве я могу смотреть на часы? Каким образом я узнаю, что прошло четверть часа?

– Вы должны помнить время, душенька, и не позволить себе забыть его в разговоре.

Так как каждая держит в памяти это правило, принимая или делая визиты, то, разумеется, никогда не говорится о каком-нибудь серьёзном предмете. Мы держимся кратких фраз отрывистого разговора и пунктуально наблюдаем время.

Я думаю, что многие из крэнфордской знати бедны и не без труда сводят концы с концами; но они похожи на спартанцев: они скрывают горе под улыбающимся лицом. Никто из нас не говорит о деньгах, потому что этот предмет отзывается торговлей и ремеслом, и хотя между нами есть бедные, однако мы все аристократки. Крэнфордианки имеют

этот дружественный *esprit de corps*, заставляющий их не обращать внимания на неуспех некоторых старающихся скрывать свою бедность. Когда мистрисс Форрестер, например, давала вечер в своем жилище крошечном, как игрушечный домик, и маленькая служанка беспокоила дам, сидевших на диване, просьбой позволить ей достать поднос из-под дивана, все приняли этот новый образ действия за самую натуральную вещь на свете и говорили о домашних формах и церемониях, как будто мы все верили, что у нашей хозяйки есть настоящая людская, второй стол², ключница и дворецкий, вместо небольшой девчонки для прислуги. Маленькие красные ручонки этой девочки не сладили бы отнести поднос наверх, если б ей не помогала сама хозяйка, которая теперь чинно сидела, притворяясь будто не знает какое пирожное ей прислали из кухни; хотя она знала и мы знали, и она знала, что мы знали, а мы знали, что она знает, что мы знаем, как она целое утро была занята стряпаньем пирожков к чаю.

От этой всеобщей, но непризнаваемой бедности, и этого весьма признаваемого аристократизма происходят несколько последствий, которые недурно бы ввести в многие круги общества к их великому улучшению. Например: жительницы Крэнфорда уходят из гостей рано, стучат калошами по улице, в сопровождении служанки с фонарем около девяти

---

² В Англии в знатных домах есть обыкновенно несколько столов с разными подразделениями. Первый для господ, второй для ключницы и дворецкого, третий для слуг низшего разряда и т. д. *Примеч. перев.*

часов вечера; и целый город лежит в постели и спит в половине одиннадцатого. Кроме того, считается «пошлым» (слово ужасное в Крэнфорде) подавать что-нибудь дорогое на вечерних угощениях. Вэфли, хлеб с маслом и сухари – вот все, что подавала её сиятельство мистрис Джемисон, а она невестка покойного графа Гленмайр, хотя отличается такой «изящной экономией».

«Изящная экономия!» Как естественно впадаешь в крэнфордскую фразеологию! Здесь экономия всегда была «изящной», и расточительность всегда «пошлостью и чванством» – что-то в роде зеленого винограда, делающего нас спокойными и довольными. Я никогда не забуду всеобщего смущения, когда некий капитан Броун приехал жить в Крэнфорд и открыто говорил о своей бедности – не шепотом, не короткому приятелю, старательно заперев окна и двери – но на улице, громким воинским голосом, ссылаясь на свою бедность как на причину, что он не может нанять такого-то дома. Крэнфордские дамы уже несколько тужили о вторжении в их владения мужчины, да еще джентльмена. Он был капитан на половинном жалованьи и получил место на соседней железной дороге, против которой было подано прошение в парламент от маленького городка; а если еще в добавок к своему мужскому роду и соотношению к противной железной дороге, он был так бесстыден, что говорил о своей бедности – ну, тогда, точно, его не надо принимать нигде. Смерть так же истинна и так же обыкновенна как бедность; однако о ней никогда не

говорилось громко на улицах. Это было слово непризносимое для благовоспитанных ушей. Мы безмолвно согласились не знать, что тех, с которыми мы соединены общественными связями, не допускала бедность делать то, что они желали. Если мы шли пешком с вечера или на вечер, это потому, что ночь была *так* прекрасна или воздух *такой* освежительный, а не потому, что портшезы стоили дорого. Если мы носили ситцевые, а не шелковые платья, это потому, что мы предпочитали вещи, которые моются; и все таким образом, покуда не ослепили самих себя насчет того пошлого обстоятельства, что все мы люди с весьма умеренными средствами. Стало-быть, мы не знали, что нам делать с мужчиной, который мог говорить о бедности так, как будто она не была для него бедствием. Однако, каким бы то ни было образом капитан Броун заставил уважать себя в Крэнфорде, и все сделали ему визиты, несмотря на намерение не делать их. Я удивилась, услышав, что его мнения приводятся как авторитет, приехав в Крэнфорд год спустя после того, как он поселился в городе. Друзья мои были самыми горькими оппонентами против всякого предложения посетить капитана и его дочерей, только за двенадцать месяцев перед тем, а теперь его принимали даже в возбраненные часы, до двенадцати. Конечно, это было затем, чтоб узнать, почему дымится камин прежде чем его затопят; но все-таки капитан Броун ходил по дому неустрашимо, говорил голосом слишком громким для комнаты и шутил совершенно как домашний человек.

Он был слеп ко всем маленьким пренебрежениям и упущениям тривиальных церемоний, с которыми его приняли. Он был исполнен дружелюбия, хотя крэнфордские дамы были холодны; отвечал на саркастические комплименты добродушно и своей мужской откровенностью пересилил всю неприязнь, встреченную им как человеком, который не стыдится своей бедности. Наконец, его превосходный мужской здравый смысл и способность придумывать способы к решению домашних затруднений, приобрели ему авторитет между крэнфордскими дамами. Сам он продолжал идти своей дорогой, также не замечая своей популярности, как прежде не замечал противного; и я уверена, что он изумился однажды, найдя совет свой так высокоценимым, совет, данный в шутку и принятый чрезвычайно серьёзным образом.

Вот в чем было дело: у одной старой дамы, была альдернейская³ корова, которую она любила как дочь. Вы не могли сделать ей самого короткого визита, чтоб вам не рассказали об удивительном молоке или об удивительной понятливости этого животного. Целый город знал и ласково смотрел на любимицу мисс Бетти Баркер; следовательно, велики были симпатия и сожаления, когда, в неосторожную минуту, бедная корова провалилась в яму с негашеной известью. Она застонала так громко, что ее скоро услышали и спасли; но все-таки бедная потеряла много шерсти и была вытаще-

---

³ С острова Альдерней привозятся коровы, пользующиеся такою же известностью, как у нас холмогорские. *Прим. перев.*

на почти голою, холодной, в самом бедственном положении, с обнаженной кожей. Все жалели о корове, хотя немногие могли удержать улыбку при её смешной наружности. Мисс Бетти Баркер решительно заплакала от горя и беспокойства и говорила, что она думала попробовать сделать корове ванну из деревянного масла. Может быть, это средство посоветовал кто-нибудь из тех, к кому она прибегала за советом; но предложение это было совершенно убито решительными словами капитана Броуна:

«Наденьте на нее фланелевую фуфайку, если хотите сохранить в живых. Но мой совет: тотчас убить бедняжку».

Мисс Бетти Баркер отерла глаза, с чувством поблагодарила капитана; принялась за работу и через несколько времени весь город толпился на улице, чтоб видеть альдернейскую корову, кроткоидущую на пастбище в темно-серой фланели. Я сама видела ее несколько раз... Видали ли вы когда-нибудь коров, одетых в серую фланель?

Капитан Броун нанял небольшой домик в предместьи города, где жил с двумя дочерьми. Ему, должно быть, было более шестидесяти в то время, когда я в первый раз посетила Крэнфорд после моего переселения из него. Но у него был мощный, мускулистый, упругий стан; голову он держал прямо, ходил живо и все заставляло его казаться моложе своих лет. Старшая дочь его на вид была так же стара, как и он, и открывала тайну: он был старше чем казался. Мисс Броун, должно быть, было лет пятьдесят; она имела болезнен-

ное, мучительное, озабоченное выражение в лице; казалось, что веселость молодости давно исчезла у ней с лица. Но даже и в молодости она должна была иметь безобразные и грубые черты. Мисс Джесси Броун была десятью годами моложе сестры и лучше её в двадцать раз. Лицо её кругло, с ямочками. Мисс Дженкинс сказала однажды, рассердившись на капитана Броуна (а за что, я сейчас вам расскажу), что она полагает, мисс Джесси уж пора оставить свои ямочки и не пытаться целый век казаться похожей на ребенка. Это правда; в лице её было что-то детское и будет, я полагаю, до самой её смерти, проживи она хотя сто лет. Глаза её огромны, вечно чему-то удивляются, голубые, прямо-смотрящие на вас; нос некрасивый, вздернутый; губы красны и влажны; она носит волосы небольшими рядами буклей, подкрепляющих эту детскую наружность. Не знаю, была ли она хороша, но её лицо нравилось и мне и всем, и не думаю, чтоб она была виновата в своих ямочках. У ней было что-то отцовское в привлекательности походки и приемов, и каждый наблюдатель женского рода миг открыть легкое различие в одежде двух сестер; наряд мисс Джесси стоил двумя фунтами в год дороже наряда мисс Броун. Два фунта были огромной суммой в годовых расходах капитана Броуна.

Таково было впечатление, сделанное на меня семейством Броунов, когда я в первый раз увидела их в крэнфордской церкви. Капитана я встречала прежде, по случаю дымящегося камина, который он исправил простым изменением в

трубе. В церкви он держал у глаз двойной лорнет во время утреннего гимна, а потом прямо поднял голову и пел громко и внятно. Он читал отповеди громче дьячка, старика с пискливым, слабым голосом, который, я полагаю, обижался звучным басом капитана и поэтому затягивал все выше-и-выше.

При выходе из церкви, бодрый капитан оказал самое любезное внимание двум дочерям своим. Он кивал и улыбался знакомым, но не подавал руки никому до тех пор, покуда не помог мисс Броун распуścić зонтик, не освободил её от молитвенника и терпеливо не подождал покуда она дрожащими, нервными руками, приподнимет платье, чтоб пройти по мокрой дороге.

Я желала знать, что крэнфордские дамы делали с капитаном Броуном на своих вечеринках? Мы часто радовались в прежнее время что не было мужчин, за которыми надо ухаживать и придумывать разговор за карточными партиями. Мы поздравляли себя с интимностью наших вечеров и с нашей любовью к аристократизму, и с несочувствием к мужскому роду, мы почти уверили себя, что быть мужчиной значит быть «пошлым»; так что, когда я узнала, что моя приятельница и хозяйка мисс Дженкинс собиралась дать для меня вечер и капитан с дочерьми был приглашен, я ломала голову, желая знать, что может происходить на этом вечере? Ломберные столы, покрытые зеленым сукном были поставлены еще до сумерек, по обыкновению; ноябрь был в исходе; начинало смеркаться около четырех часов. Свечи и но-

венькие колоды карт были приготовлены на каждом столе. Камин разведен; опрятная служанка получила последние наставления, и вот мы, нарядившись как можно лучше, и каждая с зажигательной спичкой в руках, стояли наготове разом зажечь свечи, как только послышится первый стук. Крэнфордские вечеринки были торжественными празднествами; дамы чванно сидели в лучших своих нарядах. Как только приехали трое, мы сели за преферанс; я была, по несчастью, четвертая. Приехавших вслед за тем четверых немедленно усадили за другой стол и тотчас чайные подносы, которые я видела выставленными в кладовой, проходя мимо утром, были поставлены в середине каждого карточного стола. Фарфор был превосходный и тончайший, старомодное серебро сияло чистотой; но съдаемое было весьма легкого свойства. Пока подносы были еще на столах, явились капитан и обе мисс Броун, и я могла заметить, что капитан был любимцем всех присутствовавших тут дам. Нахмуренные лбы разгладились, колкие голоса понизились при его приближении. Мисс Броун казалась нездорова и уныла почти до мрачности. Мисс Джесси улыбалась, как обыкновенно, и казалась почти столько же любима как и её отец. Он немедленно и преспокойно присвоил себе мужское место в комнате; обслуживал каждому, избавлял от труда хорошенькую служанку, наблюдая за опорожненными чашками и дамами без бутербродов, и делал все это так свободно, так благородно, показывая, что сильному ухаживать за слабым дело обыкновен-

ное, что был истинным мужчиной во всем. Он играл по три пенни поэн с таким же сильным интересом, как будто это были не пенни, а фунты, и между тем, при всем своем внимании к посторонним, наблюдал за больною дочерью, потому что она была больна – я в том уверена, хотя многим могла показаться только раздражительной. Мисс Джесси не играла в карты, но разговаривала с той дамой, которая ожидала своей очереди в игре, и до её прихода была несколько склонна к брюзгливости. Она также пела, аккомпанируя себе на старом расстроенном фортепьяно, бывшем, я полагаю, клавибордами во время своей юности. Мисс Джесси пела шотландскую песню не совсем согласно, но из нас никто не был музыкантшей, хотя мисс Дженкинс была такт не совсем впопад, чтоб показать, будто она знает толк в музыке.

Со стороны мисс Дженкинс это было очень хорошо, потому что я видела, как за несколько времени перед тем, она была оскорблена неосторожным признанием мисс Джесси Броун (по случаю шотландской шерсти), что её дядя, брат матери – лавочник в Эдинбурге. Мисс Дженкинс пробовала забыть это признание сильным кашлем, потому что её сиятельство мистрисс Джемисон сидела за карточным столом ближе всех к мисс Джесси – и что бы она сказала или подумала, узнав, что находилась в одной комнате с племянницей лавочника! Но мисс Джесси Броун (у которой не было такта, как мы все согласились на следующее утро) все-таки упорно повторила мисс Поль, что она может легко достать ей точно

такую же шотландскую шерсть, какую ей было нужно: «через моего дядю, у которого самый лучший выбор шотландских товаров в Эдинбурге». Для того-то, чтоб заставить нас заесть эту горькую пилюлю и изгладить звук этих слов в нашем слухе мисс Дженкинс и предложила заняться музыкой, поэтому, и говорю опять, очень хорошо было с её стороны бить такт пению.

Когда подносы явилась снова с бисквитами и вином, акkuratно без четверти в девять начался разговор об игре и взятках, но вскоре капитан Броун вставил словечко о литературе.

– Видели вы выпуски «Записок Пиквикского Клуба?» сказал он. (Они тогда издавались выпусками). – Капитальная вещь!

Мисс Дженкинс была дочерью умершего крэнфордского пастора и, основываясь на нескольких рукописных проповедях и порядочной библиотеке из духовных книг, считала себя почти ученой и смотрела на всякий разговор о книгах, как на лично к ней обращенный вызов. Поэтому она и отвечала:

– Да, видела, даже могу сказать, читала.

– А что вы о них думаете? спросил капитан Броун: – не отличнейшая ли это вещь?

Понуждаемая таким образом мисс Дженкинс не могла не отвечать:

– Могу сказать, не думаю, чтоб они могли сравняться с сочинениями доктора Джонсона. Может быть, еще автор мо-

лод. Пусть его продолжает; кто знает, что из него выйдет, если он возьмет себе за образец великого доктора.

Это очевидно было уж слишком для капитана Броуна. Он не мог перенести спокойно, и я видела, как слова вертелись у него на языке, прежде чем мисс Дженкинс окончила свою фразу.

– Это вещь совершенно – другого рода-с! начал он.

– Я очень это знаю, отвечала она: – и поэтому-то не слишком взыскательна, капитан Броун.

– Позвольте мне прочесть вам сцену из нынешнего номера, упрашивал он: – и получил его только сегодня утром, и не думаю, чтоб здешнее общество успело уже его прочесть.

– Если вам угодно, сказала она, садясь с видом покорности.

Он прочел описание «вечера», который Сэм Уэллер давал в Бате. Некоторые из нас смеялись от души. Я не смела, потому что жила у мисс Дженкинс, которая сидела с терпеливой важностью. Когда капитан кончил, она обернулась ко мне и сказала с кротким спокойствием:

– Принесите мне «Расселаса», душенька, из библиотеки.

Когда я принесла, она обернулась к капитану Броуну:

– Теперь позвольте *мне* прочесть вам сцену, и тогда пусть общество судит между вашим любимцем, мистером Боцем, и доктором Джонсоном.

Она прочла величественным пискливым голосом разговор между Расселасом и Имелаком и, кончив, сказала:

– Полагаю, что теперь предпочтение, отдаваемое мною доктору Джонсону, как романическому писателю, оправдано.

Капитан закусил губы и забарабанил по столу, но не сказал ничего. Она подумала, что может нанести окончательный удар.

– Я считаю пошлостью и совсем не литературным достоинством издавать сочинения выпусками.

– А как был издан «Странник?» спросил капитан Броун тихим голосом, который, я полагаю, мисс Дженкинс слышать не могла.

– Слог доктора Джонсона должен служить образцом для начинающих писателей. Отец мой велел мне ему подражать, когда я начала писать письма. Я образовала по нем свой собственный слог; советую сделать то же вашему любимцу.

– Мне было бы очень жаль, если б он переменял свой слог на такой напыщенный, сказал капитан Броун.

Мисс Дженкинс сочла это личной обидой в таком смысле, о котором капитан и не воображал. В эпистолярном слоге она сама и друзья её считали ее весьма сильной. Множество копий с множества писем видела я написанными и поправленными на аспидной доске прежде, чем она «воспользовалась оставшимся до почты получасом», чтоб уверить своих друзей в том-то или в этом-то, и доктор Джонсон был, как она сказала, её образцом в этих сочинениях. Она выпрямилась с достоинством и отвечала только на последние за-

мечания капитана Броуна, но с заметной выразительностью на каждом слове:

– Я предпочитаю доктора Джонсона мистеру Боцу.

Говорят (не ручаюсь за справедливость), будто капитан Броун сказал sotto voce:

– Черт побери доктора Джонсона!

Если он сказал это, то раскаялся впоследствии. Он стал возле кресел мисс Дженкинс и пытался обольстить ее разговором о некоторых приятных предметах, но она была неумолима. На следующий день она сделала, упомянутое мною выше замечание, о ямочках мисс Джесси.

II. Капитан

Невозможно было прожить месяц в Крэнфорде и не знать ежедневных привычек каждого обитателя; задолго до окончания моего посещения, я знала многое относительно бронуовского трио. Ничего нового нельзя было открыть касательно их бедности, потому что они говорили об этом просто и открыто с самого начала. Они не делали тайны из своей необходимости быть экономными. Оставалось только открыть бесконечную доброту сердца капитана и разнообразные способы, которыми он, бессознательно для себя самого, обнаруживал ее. Рассказывались маленькие анекдоты об этом вскоре после того, как случались. Так как мы читали немного и так как все дамы были довольны своими служанками, то в предметах к разговору был недостаток страшный. Мы, вследствие этого, разбирали обстоятельство о капитане, взявшем из рук бедной старухи её ношу в одно ненастное воскресенье. Он встретил ее возвращающуюся с рынка, когда шел из церкви, и заметил её неверную походку; с важным достоинством, с которым он делал все, освободил ее от ноши и отправился вдоль по улице с нею рядом, донеся её овощи бережно домой. Это сочли очень эксцентричным и надеялись, что в понедельник утром он сделает визиты, чтоб изъяснить и извиниться в преступлении против крэнфордского приличия, но он этого не сделал; и тогда было решено,

что ему стыдно и он прячется. В ласковой жалости к нему мы начали говорить:

– Впрочем, этот случай в воскресенье утром показывает большую доброту сердца; и решили, что капитана должно успокоить при первом его к нам появлении. Но, увы, он явился к нам без малейшего чувства стыда, говоря, как обыкновенно, громким басом, закинув голову назад, с париком таким же миловидным и завитым, как обыкновенно, и мы принуждены были заключить, что он забыл все относительно воскресенья.

Мисс Поль и мисс Джесси Броун заключили род короткости по случаю шотландской шерсти и нового вязанья. Так случилось, что когда я ходила посещать мисс Поль, я больше видела Броунов, чем во все то время, когда я гостила у мисс Дженкинс, которая никогда не могла прийти в себя от того, что она называла унижительными замечаниями капитана Броуна о докторе Джонсоне, как писателе легких и приятных романов. Я узнала, что мисс Броун была серьезно-нездоровая какой-то медлительной, неизлечимой болезнью, и мучительное ощущение этой болезни придавало чертам её то беспокойное выражение, которое я принимала за неутомимую брюзгливость. Она точно была брюзглива в то время, когда первая раздражительность причиняемая её недугом, превосходила её терпение. Мисс Джесси переносила эту брюзгливость даже гораздо терпеливее, нежели горькие упреки, которые больная делала себе всегда после этого. Мисс Броун

привыкла обвинять себя не только в вспыльчивом и раздражительном характере, но также и в том, зачем отец и сестра были принуждены экономничать, чтоб доставить ей небольшую роскошь, необходимую в её положении. Она так охотно приносила бы им жертвы и облегчила бы их заботы, что врожденное благородство её характера прибавляло раздражительности к расположению её духа. Все это переносилось мисс Джесси и отцом более чем с кротостью, с совершенной нежностью. Я простила мисс Джесси её пение без такта, молоджавость её одежды, когда увидела ее дома. Я заметила, что темный парик капитана Броуна и ватный сюртук (увы! чересчур поношенный) были остатками военного щегольства в его юности, которые он носил теперь бессознательно. Он был человек бесконечных ресурсов, приобретенных в его казарменной опытности. Как он сам признавался, никто не мог вычистить сапоги по его вкусу, кроме его самого; но, на самом деле он не считал унижительным избавлять служанку от трудов разного рода, зная, вероятно, что болезнь его дочери делала трудным это место.

Он пытался помириться с мисс Дженкинс вскоре после достопамятного спора, упомянутого мною, подарив ей деревянную лопаточку для камина собственной работы, он слышал, что она говорила, как ей неприятен скрип железной. Она приняла подарок с холодной благодарностью и поблагодарила его формальным образом. Когда он ушел, она велела мне отнести лопатку в чулан, может быть, чувствуя, что по-

дарок от человека, предпочитающего мистера Боца доктору Джонсону, не может быть приятнее для уха скрипа железной лопатки.

Таково было положение вещей, когда я уехала из Крэнфорда в Дрёмбль; у меня было, однако, несколько корреспонденток, которые рассказывали мне все, что происходило в милом городке. Мисс Поль начала так же прилежно заниматься тамбурным вязаньем, как некогда занималась вязаньем на иглах, и в конце каждого рассказа о новостях являлось новое поручение относительно тамбурной работы, которое я должна была исполнить для неё. Мисс Матильда Дженкинс, которая не обижалась, если ее называли мисс Мэтти, когда мисс Дженкинс тут не было, писала милые, ласковые, бессвязные письма; время от времени отваживалась высказывать свое собственное мнение, но вдруг останавливалась и просила меня не рассказывать того, что она сказала, потому что Дебора думает не так, а *она* знает лучше, или же, прибавляла в постскриптуме, что с тех пор, как она написала это, она говорила о том с Деборой и была совершенно убеждена, что, и прочее... (тут, по всей вероятности, должно было следовать отречение от всякого мнения, высказанного ею в письме). Потом писала ко мне мисс Дженкинс, Деб́ора, как она любила, чтоб мисс Мэтти называла ее; отец её сказал однажды, что еврейское имя должно так произноситься⁴.

---

⁴ Англичане обыкновенно произносят Де́бора, с ударением на первом слоге.
Примеч. перев.

Мисс Дженкинс носила галстук и небольшую шляпку, похожую на жокейскую шапочку, и вообще имела наружность женщины с сильным характером, хотя она презирала новейшие идеи о том, что женщины равны мужчинам. Равны, как бы не так! Она знала, что они гораздо выше. Но воротимся к её письмам. Все в них было величественно и грандиозно, подобно ей самой. Я только что пересматривала их (милая мисс Дженкинс, как я ее уважала!) и сделаю выписку более потому, что она относится к нашему другу капитану Броуну.

«Ея сиятельство мисс Джемисон только что меня оставила и во время разговора сообщила мне известие, что бывший друг её супруга, почтенный лорд Маулеверер вчера сделал ей визит. Вы не легко отгадаете, что привело милорда в пределы нашего небольшого городка. Желание видиться с капитаном Броуном, с которым, как кажется, милорд был знаком во время войны и который имел счастье отвратить погибель от головы милорда, когда какая-то великая опасность висела над нею на ложно-называемом Мысе Доброй Надежды. Вы знаете недостаток нашей сиятельной приятельницы мистрисс Джемисон относительно невинного любопытства и, следовательно, не будете очень удивлены, когда я скажу вам, что она была совершенно неспособна объяснить мне настоящее свойство сказанной опасности. Я беспокоилась, признаюсь, удостовериться, каким образом капитан Броун в своем маленьком жилище мог принять такого знатного гостя, и я узнала, что милорд отправился по-

чивать, и будем надеяться, освежительным сном, в гостиницу Ангела; но разделял броуновскую трапезу в продолжение двух дней, в которые удостаивал Крэнфорд своим присутствием. Мистрисс Джонсон, жена нашего учтливового мясника, уведомила меня, что мисс Джесси купила четверть ягненка, но, кроме этого, я не слыхала ни о каких приготовлениях, для приличного приема такому знатному гостю. Может быть, они угощали его пиршеством разума и „ликованием души“; но для нас, знакомых с печальным недостатком вкуса капитана Броуна к „чистым источникам изящного английского языка“, это может послужить поводом порадоваться, что он имеет случай улучшить свой вкус, имея сношения с изящным и утонченным членом британской аристократии. Но кто свободен от некоторых мирских чувств?»

Мисс Поль и мисс Мэтти писали ко мне с этою же самою почтою. Такая новость, как посещение лорда Маулеверера, не могла быть потеряна для крэнфордских корреспонденток; это было сущей находкой для их писем. Мисс Мэтти смиренно извинялась, что пишет в одно время с сестрой, которая была гораздо способнее её описать честь, сделанную Крэнфорду; но, несмотря на несколько дурное правописание, рассказ мисс Мэтти дал мне лучшее понятие о волнении, причиненном посещением милорда; потому что, исключая людей в гостинице Броунов, мистрисс Джемисон и мальчишки, которого милорд разбил за то, что он подкатил грязный обруч под его аристократические ноги, я не слыхала ни о

ком, с кем бы милорд разговаривал.

Следующее мое посещение в Крэнфорд случилось летом. С-тех-пор, как я там была, никто не родился, никто не умер, никто не женился. Все жили в тех же самых домах и носили почти все те же самые старательно-сберегаемые старомодные платья. Самое важное происшествие было то, что мисс Дженкинс купила новый ковер для гостиной. О, как трудились мы с мисс Мэтти, чтоб отстранить солнечные лучи, когда в одно после обеда упали они прямо на этот ковер в открытое окно! Мы разложили на него газеты и сели за книгу или за работу, и вот, через четверть часа, солнце передвинулось и лучи его ударяли на другое место; мы опять стали на колени, чтоб переложить газеты. Мы тоже очень трудились целое утро перед тем, как мисс Дженкинс давала вечер, следуя её наставлениям, разрезывая и сшивая вместе куски газетной бумаги, чтоб сделать маленькие дорожки к каждому креслу для ожидаемых гостей, чтоб башмаки их не запачкали или не загрязнили чистоту ковра. Делаете ли вы бумажные дорожки для каждого гостя?

Капитан Броун и мисс Дженкинс были не очень дружелюбны между собою. Литературный спор, которого начало я видела, был чувствительной струною, малейшее прикосновение к которой заставляло их вздрагивать. Это было единственное мнение, в котором они не сходились; но этого было довольно. Мисс Дженкинс не могла удержаться, чтоб не делать намеков о капитане Броуне; и хотя он не отвечал, од-

нако барабанил пальцами, что она чувствовала и принимала за истинное унижение доктора Джонсона. Он несколько хвастался своим предпочтением к сочинениям мистера Ботца; ходил по улицам до того погруженный в эти сочинения, что однажды наткнулся прямо на мисс Дженкинс; и хотя его извинения были усердны и искренни, хотя он на самом деле ничего не сделал, кроме того, что испугал ее и сам испугался: она признавалась мне, что лучше желала бы, чтоб он сбил ее с ног, только бы занимался чтением высшего литературного слога. Бедный, добрый капитан! он казался старше, утомленнее, и платья его были так изношены. Но он был весел как прежде, пока его не спросили о здоровье дочери.

– Она очень страдает и будет страдать еще больше; мы делаем все, что можем, для облегчения её мучений; да будет воля Божия!

Он взял шляпу при этих последних словах. Я узнала от мисс Мэтти, что действительно все было сделано. Призывали доктора, пользовавшегося большой известностью в наших окрестностях, и каждое его предписание было исполнено, несмотря на издержки. Мисс Мэтти была уверена, что они отказывали себе во многом для удобства больной, но никогда о том не говорила; а что касается до мисс Джесси: «Я точно думаю, что она настоящий ангел», сказала бедная мисс Мэтти, совершенно взволнованная. «Видеть, каким образом она переносит брюзгливость мисс Броун и с каким веселым лицом встает утром после целой ночи, во время ко-

торой переносила брань, просто восхитительно. Она так мило принимает капитана за завтраком, как будто спала целую ночь в постели королевы. Душенька! вы никогда уже не стали бы смеяться над её жеманными локончиками или её розовыми бантиками, если б видели ее так, как я.» Я могла только чувствовать сильнее раскаяние и смотреть на мисс Джесси с удвоенным уважением, когда встретила с нею потом. Она казалась поблекшей и изнуренной, а губы её начали дрожать, как будто бы она была очень слаба, когда она говорила о своей сестре; но она просветлела и проглотила слезы, блиставшие в её милых глазах, когда сказала:

– Но, право, что за город Крэнфорд в отношении доброты! Я думаю, что если у кого-нибудь бывает обед лучше обыкновенного, то самое лучшее блюдо отправляется в покрытой миске для моей сестры. Бедные люди оставляют самые ранние овощи у нашей двери для неё. Они говорят резко и сурово, как будто стыдятся этого; но, право, их озабоченность часто проникает мне прямо в сердце.

Слезы воротились и потекли градом; но через несколько минут она начала бранить себя и ушла такую же веселенькой мисс Джесси, как всегда.

– Зачем, однако, этот лорд Маулеверер не сделает чего-нибудь для человека, который спас ему жизнь? сказала я.

– Ну, видите, может быть, у капитана Броуна есть на то какая-нибудь причина; он никогда не говорил ему о своей бедности и прогуливался с милордом с таким же счастливым

и веселым видом, как принц; а как они никогда не привлекали внимания на свой обед извинениями, и как мисс Броун было в тот день лучше и все казалось весело, смею сказать, милорд не знал ничего о том, как много забот у них на заднем плане. Он присылал довольно часто дичь прошлой зимой, но теперь он уехал за границу.

Я часто имела случай заметить пользу, которая извлекалась из ничтожных предметов в Крэнфорде; розовые листья собирались прежде, чем упали, чтоб сделать душистое куренье для тех, у кого не было сада; небольшие пучки лаванды посылались, чтоб усыпать ящики какого-нибудь городского обитателя, или зажигаться в комнате какого-нибудь больного. Вещи, которыми многие презрели бы, и дела, которые едва ли показались бы достойными исполнения, все наблюдались в Крэнфорде. Мисс Дженкинс утыкала сухой гвоздикой яблоко, чтоб надушить приятным образом комнату мисс Броун, и по мере того, как втыкала каждую гвоздику, она произносила фразу в джонсоновском вкусе. Точно она никогда не могла думать о Броунах, не говоря о Джонсоне; а так как теперь они беспреестанно были у ней в мыслях, то мне приходилось слышать порядочное количество длинных, высокопарных фраз.

Капитан Броун пришел однажды поблагодарить мисс Дженкинс за множество небольших одолжений, о которых я ничего не знала до тех пор. Он вдруг состарился; громкий бас его дрожал; глаза потускнели и морщины на лице сдела-

лись глубоко. Он не мог говорить весело о положении своей дочери, но разговаривал с мужественной, благочестивой покорностью и немного. Раза два он сказал:

– Чем Джесси была для нас, одному Богу известно!

И во второй раз торопливо вскочил, пожал всем руки, не говоря ни слова, и ушел.

В этот день мы заметили небольшие толпы на улице, слушающие с ужасом на лице какие-то рассказы. Мисс Дженкинс удивлялась, что бы это могло быть, прежде чем решила на не совсем приличный поступок, то есть послать Дженни разузнать.

Дженни воротилась с лицом, побледневшим от ужаса.

– О, ма-ам! о, мисс Дженкинс! капитан Броун убит на этой гадкой, ужасной железной дороге, и она залилась слезами.

Она также со многими другими испытала доброту бедного капитана.

– Как?... где... где? Великий Боже! Дженни, не теряй времени на слезы, рассказывай нам скорее.

Мисс Мэтти тотчас выбежала на улицу и схватила за ворот человека, рассказывавшего эту историю.

– Пойдем... пойдем сейчас к моей сестре... мисс Дженкинс, дочери пастора. О! скажи, что это неправда, кричала она, притащив испуганного извозчика в гостиную, где он стал с мокрыми сапогами на новый ковер и никто не обращал на это внимания.

– Эвто, сударыня, правда-с. Я сам эвто видел, и он задро-

жал при воспоминании. — Капитан вишь читал какую-то новую книгу и глаз с ней не сводил, ожидая машины из Лондона, и вот маленькая девчоночка вздумала отправиться к своей маменьке, вырвалась от сестры да напрямёшенько марш через рельсы. Он вдруг поднял голову при звуке подъезжавшей машины, увидел ребенка, бросился на рельсы и схватил его, нога поскользнулась и машина как раз проехала через него. О, Господи, Господи! Это истинная правда, ваше благородие, и сейчас послали сказать дочерям. Ребенок невредим, только ушибся плечом в то время, как он бросил его к матери. Бедный капитан был бы этому рад-радёшенек, ведь был бы? Господь с ним!

Высокий грубый извозчик сморщил свое суровое лицо и отвернулся, чтоб скрыть слезы. Я обернулась к мисс Дженкинс. Она казалась бледна, как будто готова упасть в обморок, и сделала мне знак открыть окно.

— Матильда, принеси мне шляпку. Я должна идти к этим девушкам. Да простит мне Господь, если я когда-нибудь говорила презрительно о капитане!

Мисс Дженкинс оделась, чтоб выйти, приказав мисс Матильде дать извозчику стакан вина. Пока её не было, мы с мисс Мэтти жались около камина, разговаривая тихим, пораженным испугом голосом, и плакали почти все время.

Мистер Дженкинс воротилась домой в молчаливом расположении и мы не смели делать ей много расспросов. Она рассказала нам, что мисс Джесси упала в обморок и они с

мисс Поль с некоторым трудом привели ее в себя; но, опомнившись, она попросила, чтоб которая-нибудь из них пошла к её сестре.

– Мистер Гоггинс говорит, что она проживет недолго и от неё должно скрыть этот удар, сказала мисс Джесси, затрепетав от чувств, которым она не смела дать волю.

– Но как же вы сделаете, душенька? спросила мисс Дженкинс: – вы не будете в состоянии выдержать, она увидит ваши слезы.

– Бог мне поможет... я буду крепиться... она спала, когда мы получили известие; она верно спит и теперь. Она будет так несчастна не только потому, что батюшка умер, но при мысли, что будет со мною; она так добра ко мне.

Она смотрела пристально им в лицо своими нежными, правдивыми глазами и мисс Поль после сказала мисс Дженкинс, что она с трудом могла это вынести, зная, как мисс Броун обходилась с сестрой.

Однако все было исполнено согласно желанию мисс Джесси. Мисс Броун сказали, будто отца её послали на короткое время по делам железной дороги. Они как-то это устроили, мисс Дженкинс не могла именно сказать как. Мисс Поль осталась с мисс Джесси. Мистрисс Джемисон присылала осведомиться. Вот все, что услышали мы в ту ночь, и печальна была эта ночь. На следующий день в городской газете было подробное описание рокового происшествия. Глаза мисс Дженкинс были очень слабы, как она говорила, и она

просила меня прочитать. Когда я дошла до слов: «Достопочтенный джентльмен был глубоко погружен в чтение „Записок Пиквикского Клуба“, выпуска, только что им полученного», мисс Дженкинс продолжительно и торжественно покачала головой, а потом сказала со вздохом:

– Бедный, милый ослепленный человек!

Тело со станции железной дороги должны были отнести в приходскую церковь и похоронить там. Мисс Джесси непременно хотела проводить гроб до могилы; и никакие уговаривания не могли изменить её намерения⁵. Принуждение, которое она наложила на себя, сделало ее почти упрямой; она устояла против всех просьб мисс Поль, против всех советов мисс Дженкинс. Наконец мисс Дженкинс уступила; и после молчания, которое, как я опасалась, скрывало какое-нибудь глубокое неудовольствие против мисс Джесси, мисс Дженкинс сказала, что она проводит ее на похороны.

– Вам неприлично идти одной. Если я допущу, то это будет и против благопристойности и против человечества.

Мисс Джесси, казалось, не совсем понравилось это распоряжение; но её упорство, если только оно в ней было, истощилось в решимости отправиться на похороны. Она жаждала, бедняжка, поплакать одна на могиле дорогого отца, которому она заменяла все и во всем, жаждала дать себе волю, хоть на пол часика, непрерываемая сочувствием и нена-

---

⁵ В Англии женщины высшего класса никогда не бывают на похоронах. *Прим. пер.*

блюдаемая дружбой. Но этому не суждено было случиться. В этот день мисс Дженкинс послала за аршином черного крепа и сама сшила себе черную шляпку. Окончив, она надела ее и смотрела на нас, ожидая одобрения... восторги она презирала. Я была исполнена горести, но, вследствие одной из тех причудливых мыслей, которые невольно приходят нам в голову, во время самой глубокой скорби, я, как только взглянула на шляпку, тотчас вспомнила о шлеме; и в этой-то помесной шляпке, полу-шлеме, полу-жокейской шапочке, присутствовала мисс Дженкинс на похоронах капитана Броуна, и я полагаю, поддерживала мисс Джесси с нежной снисходительной твердостью, истинно-неоцененной, позволив ей заплакаться досыта прежде, чем они расстались.

Мисс Поль, мисс Мэтти и я между тем ухаживали за мисс Броун, и тяжело нам показалось облегчать её сварливые и бесконечные жалобы. Но мы были так утомлены и унылы, думая, что там делается с мисс Джесси! Она воротилась почти спокойною, как будто бы приобрела новые силы, сняла свое траурное платье и вошла, бледная и кроткая, поблагодарив каждую из нас нежным, долгим пожатием руки. Она могла даже улыбнуться слабой, нежной, поблекшей улыбкой, как бы затем, чтоб уверить нас в своей твердости; но взгляд её заставил наши глаза вдруг наполниться слезами, более, нежели, если б она плакала навзрыд.

Было решено, что мисс Поль останется с нею на всю ночь, а мы, с мисс Мэтти, воротимся утром ее сменить, чтоб дать

мисс Джесси возможность заснуть на несколько часов. Но когда наступило утро, мисс Дженкинс явилась за чаем, в своей шляпке-шлеме и приказала мисс Мэтти остаться дома, так как она намеревалась идти сама. Она очевидно находилась в состоянии высокого дружеского возбуждения, которое выказала, завтракая стоя и разбранив весь дом на чем свет стоит.

Никакое ухаживанье, никакая энергичная женщина с сильным характером не могли теперь помочь мисс Броун. В комнате её, когда мы вошли, было что-то могущественнее нас всех, заставившее нас задрожать от торжественной, исполненной ужаса сознательности в нашем бессилии. Мисс Броун умирала. Мы с трудом узнали её голос: он был так не похож на жалобный тон, который мы всегда с ним соединяли. Мисс Джесси говорила мне после, что и в лице её было именно то, что бывало прежде, когда смерть матери оставила ее юною, исполненною беспокойства, главою семьи, которую пережила только мисс Джесси.

Она сознавала присутствие сестры, но не наше, кажется. Мы стояли несколько позади занавеса: мисс Джесси на коленях, склонив лицо к сестре, чтоб уловить последний, тихий, страшный шепот.

– О, Джесси, Джесси! как я была себялюбива! Да простит мне Господь, что я позволяла тебе жертвовать собою для меня. Я так тебя любила... а теперь думала только о себе самой. Да простит меня Господь!

– Полно, моя дорогая, полно! сказала мисс Джесси, рыдая.

– Отец мой! мой дорогой, дорогой отец! Я не стану теперь жаловаться, если Господь даст мне силу быть терпеливой. Но, о Джесси! скажи моему отцу, как я желала и жаждала увидеть его при конце, чтоб выпросить его прощение. Он не может знать теперь, как я его любила... О! если б я могла сказать ему прежде, чем умру, как горька была его жизнь и как я сделала так мало, чтоб облегчить ее!

Лицо мисс Джесси просветлело.

– Успокоит ли тебя, моя дорогая, мысль, что он знает... успокоишься ли ты, моя милая, когда узнаешь, что его заботы, его горести...

Голос её задрожал, но она принудила себя сделаться спокойнее.

– Мэри! он прежде тебя отправился туда, где кончаются все горести. Он теперь знает, как ты его любила.

Странное, но не скорбное выражение мелькнуло на лице мисс Броун. Она не говорила несколько времени, но потом мы скорее увидели, что губы её произносят слова, нежели услышали их звук:

– Батюшка, матушка, Гарри, Арни! Потом как будто новая мысль набросила тень на её помрачающийся рассудок и она прибавила: – но ты будешь одна, Джесси!

Мисс Джесси это чувствовала в продолжение безмолвия, я полагаю; потому что слезы лились дождем по щекам её при этих словах, и она сначала не могла отвечать. Потом она сло-

жила руки, подняла их к небу и сказала, но не нам:

– Да будет воля Твоя!

Через несколько минут мисс Броун лежала безмолвно и спокойно; и скорбь и жалобы прекратились навсегда.

После этих вторых похорон, мисс Дженкинс настояла, чтоб мисс Джесси переехала к ней, а не возвращалась в этот печальный дом, который, как мы узнали от мисс Джесси, она должна была теперь оставить, потому что ей нечем было платить за наем. У ней было двадцать фунтов в год, кроме процентов с тех денег, которые она могла выручить за мебель; но она не могла этим жить, и мы начали рассуждать, какими способами могла бы она добывать деньги.

– Я могу чисто шить, сказала она: – и люблю ухаживать за больными. Думаю также, что могу хозяйничать, если кто-нибудь захочет попытаться взять меня в домоправительницы, или пойду в лавку, в прикащицы, если захотят сначала иметь со мной терпение.

Мисс Дженкинс объявила колким голосом, что она не сделала бы ничего подобного и бормотала про-себя: «как некоторые особы не имеют никакого понятия о своем звании капитанской дочери», а через час после того принесла мисс Джесси чашку с аррорутотом и стояла над нею, как драгун, до тех пор, пока та не кончила последней ложки; потом она исчезла. Мисс Джесси начала рассказывать мне о планах, приходивших ей в голову, и нечувствительно перешла к разговору о днях протекших и прошедших, заинтересовав меня

до того, что я не знала и не примечала, как проходило время. Мы обе испугались, когда мисс Дженкинс появилась снова и застала нас в слезах. Я боялась, что она рассердится, так как она часто говорила, что слезы вредят пищеварению, и я знала, что она желает видеть мисс Джесси, исполненную твердости; но вместо того, она казалась как-то странной, взволнованной и ходила около нас не говоря ни слова. Наконец заговорила:

– Я так испугалась... нет, я вовсе не испугалась... не обращайтесь на меня внимания, моя милая мисс Джесси... я очень удивилась... у меня гость, который знал вас прежде, моя милая мисс Джесси...

Мисс Джесси очень побледнела, потом ужасно покраснела и пристально взглянула на мисс Дженкинс.

– Один господин, душенька, который желает знать, угодно ли вам его видеть...

– Это?... это не... вырвалось только у мисс Джесси.

– Вот его карточка, сказала мисс Дженкинс, подавая ее мисс Джесси, и пока Джесси склонилась над ней головою, мисс Дженкинс делала мне странные знаки, мигала и шевелила губами какую-то длинную фразу, из которой я, конечно, не могла понять ни одного слова. – Может он прийти сюда? спросила наконец мисс Дженкинс.

– О, да, конечно! сказала мисс Джесси, как будто, хотела сказать: – вы здесь хозяйка и можете привести гостя, куда вам угодно.

Она взяла какое-то шитье мисс Мэтти и прилежно занялась им, но я могла видеть, как она дрожит.

Мисс Дженкинс позвонила и приказала вошедшей служанке просить сюда майора Гордона. Вошел высокий, красивый мужчина, с открытым лицом, лет пятидесяти или более. Он подал руку мисс Джесси, но не мог взглянуть ей в глаза: она так пристально смотрела в землю. Мисс Дженкинс спросила меня, не хочу ли я пойти помочь ей завязать банки с вареньем в кладовой; и хотя мисс Джесси дергала меня за платье и смотрела на меня умоляющими глазами, я не смела не пойти с мисс Дженкинс, куда она звала меня. Вместо того, чтоб завязывать банки в кладовой, мы пошли говорить в столовую и там мисс Дженкинс рассказала мне то, что рассказал ей майор Гордон: как он служил в одном полку с капитаном Броуном и познакомился с мисс Джесси, в то время миленькой, цветущей, семнадцатилетней девушкой; как знакомство перешло в любовь, с его стороны, хотя прошло много лет прежде, чем он объяснился; как, получив во владение, по завещанию дяди, хорошее имение в Шотландии, он сделал предложение и получил отказ, хотя с таким волнением, с такой очевидной горестью, что не мог не увериться в её к нему неравнодушии; и как он узнал потом, препятствием была ужасная болезнь, уже тогда угрожавшая жизни её сестры. Она упомянула, что доктор предсказывал сильные страдания, а кроме её кто мог ухаживать за бедной Мэри, или ободрять и успокаивать отца во время его болезни. Они дол-

го спорили и когда она отказала в обещании отдать ему руку тогда, как все кончится, он рассердился, решился на окончательный разрыв и уехал за границу, сочтя ее женщиной холодной, которую следует ему забыть. Он путешествовал по Востоку и на возвратном пути, в Риме, увидел в «Галиньяни»⁶ известие о смерти капитана Броуна.

Именно в эту минуту мисс Мэтти, которой не было дома целое утро, вбежала с лицом, выражавшим ужас оскорбленного величия.

– О, Господи! сказала она – Дебора, в гостиной какой-то мужчина обнял рукою талию мисс Джесси!

Глаза мисс Мэтти расширились от ужаса. Мисс Дженкинс тотчас остановила ее словами:

– Это самое приличное место для руки этого господина. Ступай, Матильда, и не мешайся не в свои дела.

Слышать это от сестры, которая до сих пор была образцом женской скромности, было ударом для бедной мисс Мэтти, и с двойным оскорблением вышла она из комнаты.

В последний раз, когда я увидела бедную мисс Дженкинс, было уже много лет спустя. Мистрисс Гордон поддерживала самые дружеские сношения со всем Крэнфордом. Мисс Дженкинс, мисс Мэтти и мисс Поль, все ездили посещать ее и возвратились с удивительными рассказами о её доме, муже, нарядах, наружности; потому что с счастьем воротилось нечто из её ранней юности; она была моложе, нежели как мы

---

⁶ Английская газета, издаваемая в Париже. *Прим. перев.*

предполагали. Глаза её были по-прежнему милы, а ямочки не казались неуместны на щеках мистрисс Гордон. В то время, о котором я говорю, когда я в последний раз видела мисс Дженкинс, она была уже стара и слаба и лишилась несколько своей твердости. Маленькая Флора Гордон гостила у мисс Дженкинс, и когда я вошла к ним, читала вслух для мисс Дженкинс, которая лежала на диване, слабая и изменившаяся. Флора отложила в сторону «Странника», когда я вошла.

– А! сказала мисс Дженкинс – вы найдете во мне перемену, душенька. Я не могу видеть, как прежде. Когда Флоры здесь нет, чтоб читать мне, я не знаю, как провести день. Читали вы когда-нибудь «Странника?» Это удивительная книга... удивительная! и самое поучительное чтение для Флоры... (в чем я совершенно согласилась бы, если б она могла читать хоть половину без складов и понимала бы хоть третью часть)... лучше чем та странная книга с диким названием, которая была причиной смерти бедного капитана Броуна, то сочинение Мистера Боца, знаете... Старого Поца. Когда я была молоденькой девушкой, я сыграла Лучию в старом Поце...⁷ Она болтала так долго, что Флора имела время прочесть почти всю «Ночь пред Рождеством», которую мисс Мэтти оставила на столе.

---

⁷ Мисс Дженкинс смешивает *Боца* псевдоним Диккенса с «Старым Поцом», комедией мисс Эджеворт. *Прим. перев.*

III. Старинная любовь

Я думала, что, вероятно, мое сношение с Крэнкомом прекратится после смерти мисс Дженкинс, или по крайней мере ограничится перепиской, которая имеет такое же сходство с личными сношениями, как книги с сухими растениями («гербарий», кажется, их называют), с живыми и свежими цветами в долинах и на лужках. Я была приятно удивлена, однако, получив письмо от мисс Поль, у которой я всегда оставалась одну лишнюю неделю после ежегодного пребывания у мисс Дженкинс. Мисс Поль предлагала мне погостить у ней и потом, спустя дня два после моего согласия, я получила только от мисс Мэтти, в котором с некоторыми околичностями и очень смиренно она говорила мне, какое большое удовольствие я ей сделаю, если могу провести с ней недельку или две прежде или после того, как я буду у мисс Поль. Она говорила: «после смерти моей милой сестры, я очень хорошо знаю, что не могу предложить никакой привлекательности; я обязана обществом моих друзей только их доброте.»

Разумеется, я обещала приехать к милой мисс Мэтти, тотчас после окончания моего посещения к мисс Поль, и через день после моего приезда в Крэнфорд пошла с ней повидаться, сильно желая знать, каково у них в доме без мисс Дженкинс, и несколько опасаясь измененного положения вещей. Мисс Мэтти заплакала, увидев меня. Она очевидно находи-

лась в сильном волнении, потому что предвидела мой визит. Я успокаивала ее сколько могла, и мне казалось, что самое лучшее утешение, которое я могу предложить ей, была чистосердечная похвала, вырвавшаяся из моего сердца, когда я говорила об умершей. Мисс Мэтти медленно качала головой при каждой добродетели, называемой и приписываемой её сестре; наконец, не могла удержать слез, которые долго лились безмолвно, закрыла лицо носовым платком и громко зарыдала.

– Милая мисс Мэтти! сказала я, взяв ее за руку: – я, право, не знала каким образом выразить ей, как мне прискорбно за нее, что она осталась на свете одна. Она спрятала носовой платок и сказала:

– Душенька, я бы лучше хотела, чтоб вы не называли меня Мэтти: она этого не любила; я боюсь, что я много делала того, чего она не любила... а теперь её уж нет! Пожалуйста, моя дорогая, называйте меня Матильдой!

Я обещала искренно и начала называть ее новым именем с мисс Поль в этот же самый день; мало-помалу чувства мисс Матильды об этом предмете сделались известны всему Крэнфорду и мы все пытались покинуть дружеское имя, но так unsuccessfully, что мало-помалу оставили покушение.

Посещение мое мисс Поль произошло очень спокойно. Мисс Дженкинс так долго предводительствовала в Крэнфорде, что теперь, когда её уж не было, никто не знал, как дать вечер. Её сиятельство, мистрисс Джемисон, которой сама

мисс Дженкинс всегда уступала почетное место, была тупоумна, вяла и совершенно во власти своих старых слуг. Если им заблагорассудится, чтоб она дала вечер, они напоминали ей; если нет, она его не давала. Мы проводили время – я, слушая стародавние истории мисс Поль и работая над манишками для отца моего, а она за вязаньем. Я всегда брала с собою множество домашнего шитья в Крэнфорд; так как мы немного читали, мало прогуливались, я находила это удобным временем оканчивать мои работы. Одна из историй мисс Поль относилась к любовным обстоятельствам, смутно-примеченным или, заподозренным много лет назад.

Наконец наступило время, когда я должна была переселиться в дом мисс Матильды. Я нашла ее в робости и беспокойстве насчет распоряжений для моего удобства. Сколько раз, пока я развязывала свои вещи, ходила она взад и вперед поправлять огонь, который горел тем хуже, что его мешали беспрестанно.

– Довольно ли вам шкапов, душенька? спросила она. – Я не знаю хорошенько, как сестрица умела все это укладывать. У ней была удивительная метода. Я уверена, что она приучила бы служанку в одну неделю разводить огонь, а Фанни у меня уже четыре месяца.

Служанки были постоянным предметом её горестей; и я этому не удивлялась, если мужчины показывались редко, если о них почти не было слышать в «высшем обществе» Крэнфорда, то дубликатов их красивых молодых людей было мно-

жество в низших классах. Хорошеньким служанкам было из чего выбирать поклонников, а господам их, хоть бы они и не чувствовали такой таинственной боязни к мужчинам и супружеству, как мисс Матильда, было отчего несколько бояться: головы пригожих служанок легко могли быть вскрыжены каким-нибудь столяром или мясником, или садовником, которые были принуждены, по своему ремеслу, приходить в дом и которые, по несчастью, были вообще красивы и неженаты. Поклонники Фанни (если только они у неё были, а мисс Матильда подозревала ее в таком многочисленном кокетстве, что не будь она очень хорошенькой, я сомневалась бы, есть ли у неё хоть один) были постоянным предметом беспокойства для госпожи. Служанке запрещалось, одною из статей контракта, иметь «поклонников»; и хотя она отвечала довольно невинно, переминая в руках кончик передника: «У меня, сударыня, никогда не было больше одного в одно время», мисс Мэтти запретила даже и этого одного. Но какая-то мужская тень, казалось, посещала кухню. Фанни уверяла меня, что все это только воображение, а то я и сама сказала бы, будто видела фалды мужского сюртука, мелькнувшие в чулан, однажды, когда меня послали вечером в кладовую. В другой раз, когда остановились наши карманные часы и я пошла посмотреть на стенные, мне мелькнуло странное явление, чрезвычайно похожее на молодого человека, прижавшегося между часами и половинкой открытой кухонной двери; мне показалось, что Фанни схватила свечу

очень поспешно, так, чтоб бросить тень на часы, и положительно сказала мне время полчасом раньше, как мы после узнали по церковным часам. Но я не хотела увеличивать беспокойства мисс Мэтти, рассказами о моих подозрениях, особенно, когда Фанни сказала мне на следующий день, что в этой странной кухне являются какие-то странные тени и ей почти страшно оставаться одной.

— Ведь вы знаете, мисс, прибавила она: — я не вижу ни души с шести часов после чаю, до тех пор, пока барышня не зазвонит к молитве в десять. Однако случилось, что Фанни отошла и мисс Матильда просила меня остаться и «устроить ее» с новой служанкой, на что я согласилась, осведомившись прежде у батюшки, что дома я ему не нужна. Новая служанка была суровая, честная с виду деревенская девушка, которая жила прежде только на мызе; но мне понравилась её наружность, когда она пришла наниматься и я обещалась мисс Матильде приучить ее к домашним обычаям. Эти обычаи исполнялись благоговейно, именно так, как мисс Матильда думала, что одобрит сестра. Множество домашних правил и постановлений были предметом к тихим жалобам, сказанных мне шепотом во время жизни мисс Дженкинс; но теперь, когда она умерла, я не думаю, чтоб даже я, любимица, осмелилась посоветовать какое-нибудь изменение. Например, мы постоянно соображались с формами, соблюдаемыми во время обеда и ужина в «доме моего отца-пастора». У нас всегда было вино и десерт; но графины наполнялись только, ко-

гда были званые гости; а до того, что оставалось, дотрагивались редко, хотя у нас было по две рюмки на каждого всякий день за обедом до тех пор, пока наступал званый вечер и состояние оставшегося вина обсуживалось в семейном совете. Подонки часто отдавались бедным; но когда остатков было много от последнего вечера (хоть бы это случалось месяцев за пять), они прибавлялись к свежей бутылке, приносимой из погреба. Мне кажется, что бедный капитан Броун не очень любил вино; я примечала, что он никогда не кончал первого стакана, а многие военные пьют по несколько. Также, за нашим десертом мисс Дженкинс обыкновенно собирала смородину и крыжовник сама, а мне иногда казалось, что они были бы вкуснее, если б гости срывали их сами прямо с дерев; но тогда, как замечала мисс Дженкинс, ничего бы не осталось для десерта. Как бы то ни было, нам было хорошо с нашими двумя стаканами вина, с блюдом крыжовника спереди, с смородиной и бисквитами по бокам и с двумя графинами сзади. Когда появлялись апельсины, с ними обращались прелюбопытным образом. Мисс Дженкинс не любила их резать, потому что, замечала она, сок брызнет неизвестно куда; единственный способ наслаждаться апельсинами – сосать их (только мне кажется она употребляла несколько более отвлеченное слово); но тут было неприятное воспоминание о церемонии, повторяемой грудными малютками, потому, после десерта, в то время, как начинались апельсины, мисс Дженкинс и мисс Мэтти вставали, безмолвно брали

каждая по апельсину и удалялись в уединение своих спален наслаждаться сосаньем апельсинов.

Я пробовала несколько раз уговорить мисс Мэтти остаться, и успевала при жизни сестры. Я удерживала улыбку и не смотрела, а она старалась не делать слишком неприличного шуму; но теперь, оставшись одна, она почти пришла в ужас, когда я просила ее остаться со мною в темной столовой и насладиться своим апельсином, как только ей хотелось. Точно так было во всем. Порядок, заведенный мисс Дженкинс, сделался строже, чем прежде, потому что учредительница отправилась туда, где не могло быть никакой апелляции. Во всем другом мисс Матильда была слаба и нерешительна до чрезмерности. Я слышала, как Фанни, раз двадцать в утро заставляла ее переменять распоряжение об обеде: этого хотелось плутовке и мне иногда казалось, что она пользовалась слабостью мисс Матильды, чтоб запутать ее и заставить почувствовать себя более во власти своей хитрой служанки. Я решилась не оставлять её до тех пор, покуда не увижу какого рода женщина Марта; и если б я нашла, что можно на нее положиться, я хотела сказать ей, чтоб она не беспокоила гос-пожи своей, а сама решала все.

Марта была груба и резка на словах до чрезмерности; во всем другом она была проворная, благонамеренная, но очень несведущая девушка. Она не была с нами и недели, как мы были изумлены получением письма от кузена мисс Матильды, который был двадцать, или тридцать лет в Индии и

недавно, как мы видели из военного списка, воротился в Англию, привезя с собою больную жену незнакомую её английской родне. Майор Дженкинс писал, что он с женою проведет ночь в Крэнфорде по дороге в Шотландию, в гостинице, если мисс Матильде нельзя принять их в своем доме; в последнем случае они надеются пробыть с ней как можно долее днем. Разумеется, ей *должно* принять их, как она говорила, потому что всему Крэнфорду известно, что у ней свободна спальня сестры; но я уверена, что ей хотелось бы, чтоб майор оставался в Индии и забыл вовсе своих кузенов и кузин.

– Что я теперь буду делать? спросила она в отчаянии. – Будь жива Дебора, она знала бы, как принять гостя джентльмена. Надо ли мне положить ему бритвы в уборную? Ах, Господи! у меня нет ни одной. У Деборы были бы. А туфли, а щетки чистить платье?

Я сказала, что, вероятно, он привезет все эти вещи с собою.

– А после обеда, как мне знать, когда встать и оставить его пить вино? Дебора сделала бы это так хорошо; она была бы совершенно в своей стихии. Надо ли ему подавать кофе, как вы думаете?

Я приняла на себя сладить с кофе и сказала, что научу Марту, как служить, в чем, надо признаться, она была ужасно неискусна, и прибавила, что, я не сомневаюсь, наверно майор и мистрисс Дженкинс поймут тихий образ жизни, который дама, живущая одна, ведет в провинциальном город-

ке. Но мисс Мэтти была сильно встревожена. Я уговорила ее опорожнить графины и принести две свежие бутылки вина. Мне хотелось бы, чтоб она не присутствовала при моих наставлениях Марте, потому что Мэтти беспрестанно прерывала их каким-нибудь новым приказанием, сбивая с толку бедную девушку, которая стояла разинув рот и не знала, кого из нас слушать.

– Обноси овощи кругом, сказала я (глупо, как я теперь вижу, потому что это только доказало притязание на то, что без этого мы могли бы сделать спокойно и просто) и увидев, как она изумилась, я прибавила: – подавай овощи кругом стола и пусть каждый сам берет их.

– И прежде начинай с дам, вмешалась мисс Матильда. – Всегда, когда подаешь что-нибудь, подходи прежде к дамам, а не к мужчинам.

– Я исполню, как вы приказываете, сказала Марта: – только я парней люблю лучше.

Нам сделалось очень неловко и оскорбительно от этих слов Марты; однако я не думаю, чтоб она считала их неприличными. Вообще она очень хорошо исполнила наши наставления, кроме того, что толкнула майора, когда он не так скоро, как ей хотелось, взял с блюда картофель, который она обносила кругом.

Майор с женою были люди тихие, без претензий, томные, как все восточные индийцы, я полагаю. Нас несколько смущало, что они привезли с собою двух слуг, индееца камер-

динера для майора и степенную пожилую девушку для его жены; но они ночевали в гостинице и сняли с нас большую часть ответственности, заботясь об удобствах господина и госпожи. Удивлению Марты белому тюрбану восточного индийца и его смуглой коже не было конца, и я видела, что мисс Матильда попятилась, когда он подал ей что-то за столом; а когда они уехали, она спросила меня: не напоминает ли он мне Синюю Бороду? Впрочем, посещение окончилось очень удовлетворительно и даже теперь служит предметом к разговору с мисс Матильдой; в то время оно очень взволновало Крэнфорд и даже возбудило её сиятельство, апатическую мистрисс Джемисон, к некоторому выражению участия, когда я пошла поблагодарить ее за ласковые ответы, которые она сооблаговолвила сделать на расспросы мисс Матильды об устройстве мужской уборной, ответы, которые, я должна признаться, она дала с утомленным видом скандинавской жрицы:

Leave me, leave me to repose.

Оставьте меня в покое.

А теперь я перехожу к любовной истории.

Кажется, что у мисс Поль есть кузен, во втором или третьем колене, который предлагал руку мисс Мэтти очень, очень давно.

Теперь этот кузен жил за четыре, или пять миль от Крэн-

форда, в своем собственном имении; но его состояние было недовольно велико, чтоб доставить ему звание выше однодворца, или, скорее, от гордости, подражающей смирению, он отказался, как многие из его класса сделали это, стать в ряды сквайров (помещиков). Он не позволял себе называться Томасом Голбруком эсквайром; даже отсылал назад письма с этим адресом, говоря крэнфордской почтмейстерше, что его зовут мистер Томас Голбрук, однодворец. Он отвергал всякие домашние нововведения; хотел, чтоб дверь его дома была открыта летом и заперта зимой, без молотка и колокольчика, чтоб позвать слугу. Кулак или набалдашник трости служил ему вместо молотка и колокольчика, когда он находил дверь запертой. Он презирал всякую утонченность, которая не почерпала свои корни в человеколюбии. Если люди не были больны, он не видел необходимости смягчать свой голос, говорил местным наречием в совершенстве и постоянно употреблял его в разговоре; хотя мисс Поль, которая рассказала мне эти подробности, прибавила, что он читал вслух лучше и с большим чувством, нежели все те, кого она слышала, исключая покойного пастора.

– Как же это мисс Матильда не вышла за него? спросила я.

– Не знаю, кажется, ей порядочно хотелось; но, знаете, кузен Томас был недовольно порядочным джентльменом для пастора и мисс Дженкинс.

– Да ведь не им же надо было выходить за него, сказала я нетерпеливо.

– Нет; но они не хотели, чтоб мисс Мэтти вышла ниже своего звания. Вы знаете, она дочь пастора и как-то сродни сэру Петеру Арлею: мисс Дженкинс очень этим чванилась.

– Бедная мисс Мэтти! сказала я.

– Я не знаю ничего больше, кроме того, что он сделал предложение и ему отказали. Мисс Мэтти мог он не нравиться, а мисс Дженкинс, может быть, не сказала ни слова, это так только мое предположение.

– А с-тех-пор она его не видала никогда? спросила я.

– Нет не думаю. Видите, Уддлей, имение кузена Томаса, лежит на половине дороги между Крэнфордом и Миссельтоном; я знаю, что он производил распродажу в Миссельтоне вскоре после того, как сделал предложение мисс Мэтти, и не думаю, чтоб он был в Крэнфорде с-тех-пор больше двух раз. Однажды, когда я прогуливалась с мисс Мэтти по Большой Улице, она вдруг от меня отскочила и пошла по Графскому Переулку. Через несколько минут я встретила кузена Томаса.

– Каких он лет? спросила я после нескольких минут тайных соображений.

– Должен быть около семидесяти, как мне кажется, душенька, сказала мисс Поль, разрушив в прах мой воздушный замок.

Вскоре после того, во время моего продолжительного визита к мисс Матильде, мне случилось увидеть мистера Голбрука, увидеть тоже первую его встречу с предметом первой

любви после тридцати или сорока лет разлуки. Я помогала решить, который из новых только что полученных мотков известного шелку будет лучше идти к платью муслин-де-лен, к которому нужно было сделать новое полотнище; когда высокий, худощавый, похожий на Дон-Кихота старик вошел в лавку и спросил шерстяные перчатки. Я никогда не видела прежде этого человека, которого наружность была довольно поразительна, и рассматривала его несколько внимательно между тем, как мисс Мэтги разговаривала с лавочником. На незнакомце был синий сюртук с медными пуговицами, серые панталоны и штиблеты; он барабанил пальцами по прилавку, ожидая своей очереди, и когда наконец произнес что-то на вопрос приказчика: «что прикажете подать вам, сэр?» я видела, как мисс Матильда вздрогнула и вдруг опустилась на стул; я тотчас угадала кто это. Она спросила что-то, что надо было принести из другой лавки.

– Мисс Дженкинс спрашивает черную тафту по два шиллинга и два пенса ярд...

Мистер Голбрук услышал имя и в два шага перешел через всю лавку.

– Мэтти... мисс Матильда... мисс Дженкинс. Господи помилуй! Я вас не узнал бы. Как ваше здоровье? как ваше здоровье?

Он пожимал её руку с жаром, и доказывавшим его дружбу, повторял так часто как бы говоря сам с собою: «я бы вас не узнал!» что всякий сантиментальный роман, который мне

вздумалось бы сочинить, совершенно опровергался этим обращением.

Однако он разговаривал с нами все время, пока мы были в лавке, и потом, отодвинув лавочнику купленные перчатки с словами: «в другой раз, сэр! в другой раз!» отправился с нами домой. Мне приятно сказать, что мисс Матильда также вышла из лавки в равномерно-изумленном состоянии, не купив ни зеленого, ни красного шелку. Мистер Голбрук очевидно был полон благородной, шумной радости, встретив предмет своей старинной любви; он коснулся происшедших перемен, даже называл мисс Дженкинс: «ваша бедная сестра!» прибавив: «ну что ж делать! у всякого из нас свои недостатки». Он простился с нами, выразив надежду вскоре опять увидеться с мисс Мэтти. Она прямо пошла в свою комнату и не выходила до чая; мне показалось будто она плакала.

IV. Визит старому холостяку

Через несколько дней явилось послание от мистера Голбрука, просившего нас, беспристрастно просившего нас обеих церемонным, старинным слогом, провести день в его доме, длинный июньский день; тогда был июнь. Он упоминал, что пригласил также свою кузину мисс Поль, так что мы могли приехать все вместе в наемной карете, которая могла остаться в его доме.

Я надеялась, что мисс Мэтти обрадуется этому приглашению – не тут-то было! Какого труда стоило нам с мисс Поль уговорить ее ехать. Она считала это неприличным и даже выразила некоторую досаду, что мы совершенно не понимали, как неприлично ей ехать с двумя другими дамами к её бывшему жениху. Явилось еще более серьёзное затруднение. Ей пришло в голову, что Деборе это не понравилось бы. Это отняло у нас целые полдня на уговаривание; но, воспользовавшись первой уступчивой фразой, я написала и отправила согласие от её имени, назначив день и час, чтоб все было решено и с рук долой.

На следующее утро она просила меня пойти с ней в лавку, и там, после многих колебаний, мы выбрали три чепчика, которые велено было отнести к нам домой, чтоб примерить и выбрать один для четверка.

Она находилась в состоянии безмолвного волнения во всю

дорогу до Уддлея. Она никогда там не бывала, и хотя вовсе не воображала, чтоб мне могло быть известно что-нибудь об истории её ранней юности, я могла заметить, что она страшилась мысли увидеть место, которое могло быть её домом и около которого, вероятно, носились её невинные девические мечты. Дорога туда вела через длинную тряскую мостовую. Мисс Матильда сидела прямо, пристально смотрела из окон, когда мы приблизились к концу нашего путешествия. Вид местоположения был спокоен и живописен. Уддлей стоял посреди поля, окруженный старомодным садом, где розовые и смородиновые кусты переплетались друг с другом и мохнатая спаржа образовывала хорошенький грунт для гвоздик и фиалок. К дверям нельзя было подъехать в экипаже: мы вышли у маленькой калитки и пошли пешком по прямой дорожке, обсаженной зеленью.

– Кузен мог бы, кажется, проложить экипажную дорогу, сказала мисс Поль, которая боялась стрельбы в ушах и у которой ничего не было на голове кроме чепчика.

– Как это красиво! сказала мисс Мэтти несколько жалобным голосом и почти шепотом, потому что именно тогда мистер Гольбрук явился у двери, потирая руки в избытке довольства. Он более чем когда-нибудь подходил к понятию, составленному мною о Дон-Кихоте, и, однако, сходство было только наружное. Почтенная домоправительница его скромно встретила нас у двери, и между тем, как она повела старых дам в спальню, я попросила позволения погулять в са-

ду. Просьба моя очевидно понравилась старому джентльмену, который обвел меня везде и показал мне свои двадцать шесть коров, названных различными буквами азбуки. Дорогой он удивил меня прекрасными изречениями из поэтов, легко перебегая от Шекспира и Джорджа Герберта до новейших. Он делал это так естественно, как будто думал вслух, что их истинные и прекрасные слова были лучшими выражениями, какие только он мог найти для своих мыслей и чувств. Конечно, он называл Байрона «милордом Бироном» и произносил имя Гёте согласно произношению английского звука букв; но я никогда не встречала человека ни прежде ни после, который проводил бы такую продолжительную жизнь в уединенной и невпечатлительной стране с вечно увеличивающимся наслаждением от ежедневных и годовых перемен во временах года и красот природы.

Воротясь, мы нашли, что обед был почти готов в кухне – так я полагаю должно бы назвать эту комнату, потому что в ней были дубовые лавки и шкапы кругом камина, и только небольшой турецкий ковер посреди каменного пола изменял обстановке. Комнату эту легко можно было превратить в прекрасную темно-дубовую столовую, перенеся печку и другие кухонные принадлежности, которые очевидно никогда не употреблялись, потому что стряпанье происходило в другом месте. Комната, которая назначена была хозяином для гостиной, была некрасиво и чопорно меблирована; но та в которой мы сидели, называлась мистером Голбруком кон-

торой, с большим бюро возле двери; тут он платил работникам их недельное жалованье. Остальная часть хорошенькой комнаты, выдававшаяся в фруктовый сад и вся покрытая дрожащими тенями деревьев, была наполнена книгами; они лежали на полу, покрывали стены, были разбросаны на столе. Он очевидно и стыдился и тщеславился своей расточительностью в этом отношении. Тут были книги всех возможных родов, но более всего сочинения поэтические и дикие волшебные сказки. Он очевидно выбирал себе книги сообразно с своим вкусом, а не потому, что такая-то и такая считались классическими и имели успех.

– Ах! сказал он: – нам, фермерам, не надо бы терять много времени на чтение, но иногда нельзя удержаться.

– Какая хорошенькая комната! сказала мисс Мэтти sotto voce.

– Какое приятное место! сказала я громко, почти вместе с нею.

– Нет... если она вам нравится, возразил он – но можете ли вы сидеть на этих больших черных кожаных стульях? Мне эта комната нравится больше гостиной; но я думал, что дамам та покажется более нарядной.

Это точно было нарядное место, но, как многие нарядные вещи, совсем некрасиво, не весело, не уютно, и потому, пока мы были за столом, служанка стерла пыль и обмела стулья в конторе, и мы сидели тут во все остальное время.

Нам подали пудинг прежде мяса, и я думала, что мистер

Голбрук станет извиняться в своих стародавних обычаях, потому что он начал:

– Не знаю, любите ли вы вновь выдуманные обычаи...

– О, совсем нет! сказала мисс Мэтти.

– И я также, сказал он. – Домоправительница непременно хочет делать по-своему; но я говорю ей, что когда я был молодым человеком, мы привыкли держаться строго правил моего отца: «нет бульона – нет пудинга; нет пудинга – нет и мяса», и всегда начинали обед бульоном, потом нам подавали жирные пудинги, сваренные в бульоне с говядиной, а потом мясо. Если мы не съедали бульона, то нам не давали пудинга, что мы любили гораздо больше; говядина давалась после всего и только тем, которые съедали бульон и пудинг. Теперь начинают сладкими вещами и перевертывают обед вверх дном.

Когда явились утка и зеленый горошек, мы с смущением посмотрели друг на друга; у нас были только одни вилки; правда, сталь сияла, как серебро, но что нам было делать? Мисс Мэтти подбирала горошинки одну по одной, зубцами своей вилки, точно так, как Амине ела зернышки риса после своего предварительного пира с Гулем. (Намек на Тысячу и Одну Ночь.) Мисс Поль вздохнула над нежными горошинками, оставляя их нетронутыми на одной стороне своего блюда, потому что они выскользнули бы между зубцов вилки. Я взглянула на хозяина: горох летел целиком в его огромный рот, пихаемый широким круглым ножичком. Я увидела,

подражала, пережила! Друзья мои, несмотря на мой пример, не могли собраться с достаточным мужеством, чтоб сделать не совсем приличное дело; и если б мистер Голбрук не был так сильно голоден, он, вероятно, увидел бы, что его славный горошек был унесен нетронутым.

После обеда принесли глиняную трубку и плевальницу; попросив нас удалиться в другую комнату, куда скоро обещал прийти к нам, если нам не нравится табачный дым, он подал трубку мисс Мэтти, прося набить ее табаком. Это считалось комплиментом даме в его молодости, но казалось не совсем приличной честью для мисс Мэтти, которую сестра приучила смотреть с страшным отвращением на всякий род курения. Но если это и было оскорблением для её утонченного вкуса, то было также лестно для её чувства; и потому она томно набила крепким табаком трубку, а потом мы удалились.

– Какой это приятный обед у холостяка! сказала тихо мисс Мэтти, когда мы уселись в конторе. Надеюсь только, что это не неприлично, как столько других приятных вещей.

– Какое множество у него книг! сказала мисс Поль, осматриваясь кругом: – и в какой они пыли!

– Мне кажется, это должно быть похоже на одну из комнат великого доктора Джонсона, сказала мисс Мэтти. – Какой должен быть ученый человек ваш кузен!

– Да! сказала мисс Поль – он много читает; но я боюсь, что он принял весьма грубые привычки, живя один.

– О! грубые – слишком жесткое слово. Я назвала бы его эксцентрическим; все умные люди таковы! отвечала мисс Мэтти.

Когда мистер Голбрук вернулся, он предложил прогуляться по полям; но две старшие дамы боялись сырости и грязи; притом у них только были не весьма красивые капоры, чтоб накинуть на чепчики: поэтому они отказались; я опять была спутницей мистера Голбрука в прогулке, которую, как он говорил, был принужден сделать, чтоб присмотреть за работниками. Он шагал прямо, или совершенно забыв о моем присутствии, или принужденный молчать, потому что курил трубку; однако, это было не совершенное молчание. Он шел передо мною несколько согнувшись, заложив руки за спину; и когда какое-нибудь дерево или облако или проблеск дальнего надгорного пастбища поражали его, он говорил вслух стихи громким, звучным голосом, именно с тем самым выражением, которое придает истинное чувство и умение ценить. Мы подошли к старому кедру, который стоял на другом конце дома:

The cedar spreads his dark-green layers of shade.

(Кедр расстилает свои темно-зеленые слои тени).

– Удивительное выражение – слои!.. Удивительный человек!

Я не знала со мной ли говорил он, или нет, но я согла-

силась, что «удивительно», хотя ничего не поняла. Мне, наконец, наскучило, что обо мне забыли, и вследствие этого я принуждена молчать.

Он вдруг обернулся.

– Да! вы можете говорить «удивительно». Когда я увидел обзор его поэм в «Blakewood», я отправился сейчас и прошел пешком семь миль до Миссельтона, потому что лошади не были готовы и выписал эти поэмы. А какого цвета почки ясеневое дерева в марте?

«Что он, сошел с ума? подумала я. Он очень похож на Дон-Кихота».

– Я спрашиваю, какого они цвета? повторил он с пылкостью.

– Право я не знаю, сэр, сказала я с кротостью неведения.

– Я знал, что вы не знаете. И я также не знал, старый дурак! до тех пор, пока этот молодой поэт не явился и не сказал мне: «черны, как ясеневые почки в марте». А я жил целую жизнь в деревне и тем для меня стыднее не знать. Черны, они черны, как гагат, сударыня.

И он опять пошел дальше, качаясь под музыку каких-то стихов, которые пришли ему на память. Когда мы воротились назад, он захотел непременно прочесть нам поэмы, о которых говорил и мисс Поль ободрила его в этом предположении, мне показалось затем, чтоб заставить меня послушать его прекрасное чтение, которое она так хвалила; но она сказала, будто потому, что дошла до трудного узора в там-

бурном вязанье и хотела счесть петли, не будучи принуждена говорить. Что бы он ни предложил, все было приятно для мисс Мэтти, хотя она заснула через пять минут после того, как он начал длинную поэму, называющуюся «Locksley Hall», и преспокойно проспала-себе, пока он не кончил так, что этого никто не заметил; когда внезапное его молчание вдруг ее пробудило и она сказала:

– Какая хорошенькая книга!

– Хорошенькая! чудесная, сударыня! Хорошенькая, как бы не так!

– О, да! я хотела сказать: чудесная, прибавила она, встревоженная его неодобрением. – Это так похоже на чудесную поэму доктора Джонсона, которую часто читала моя сестра... я забыла как она называется... что это было, душенька? сказала она, обернувшись ко мне.

– О чем вы говорите, мисс Матильда? Что это такое?

– Не помню, право, содержания и совсем забыла как называется, но написана она доктором Джонсоном и такая прекрасная, очень похожа на то, что сейчас читал мистер Голбрук.

– Не помню; сказал он, размышляя: – но я не хорошо знаю поэмы доктора Джонсона. Надо их прочесть.

Когда мы сели на возвратном пути в коляску, я услышала, что мистер Голбрук обещал скоро известить дам, чтоб узнать, как они доехали; это, очевидно, и понравилось и испугало мисс Мэтти в то время, как он это сказал; но после

того, когда мы уже потеряли из виду старый дом между деревьями, чувства её постепенно переходили в тревожное желание узнать, не нарушила ли Марта слово и не воспользовалась ли отсутствием своей госпожи, чтоб взять «поклонника». Марта степенно и спокойно помогла нам выйти из коляски; она всегда заботилась о мисс Мэтти, но сегодня сказала эти несчастные слова:

– Ах, сударыня, как подумаешь, что вы выехали вечером в такой тонкой шали! Ведь это ничем не лучше кисеи. В ваши лета вы должны быть осторожны.

– В мои лета! сказала мисс Мэгги, почти сердито, тогда-как обыкновенно говорила она очень кротко: – в мои лета! Ну почему ты знаешь сколько мне лет?

– Я дала бы вам около шестидесяти; конечно, многие часто кажутся старше на вид, я ведь не хотела вас обидеть.

– Марта, мне еще нет и пятидесяти-двух, сказала мисс Мэтти с чрезвычайной выразительностью. Вероятно, воспоминание о юности живо предстало перед нею в этот день, и ей было досадно, что это золотое время так давно уже прошло.

Но она никогда не говорила о прошлом и более коротком знакомстве с мистером Голбруком. Она, вероятно, встретила так мало симпатии в своей юной любви, что скрыла ее глубоко в сердце; и только вследствие наблюдения, которого я не могла избежать после откровенности мисс Поль, могла я заметить, как верно было её бедное сердце в своей печали

и в своем безмолвии.

Она сослалась на какие-то убедительные причины, зачем стала надевать каждый день самый лучший свой чепчик и сидеть у окна, несмотря на ревматизм, чтоб видеть, не будучи видимой, все, что делалось на улице.

Он приехал, уткнул руки в колени, склонил голову и зашвырнул после того, как мы ответили на его вопросы о нашем благополучном возвращении. Вдруг он вскочил.

– Ну, сударыня! нет ли у вас поручений в Париж? Я еду туда недели через две.

– В Париж! вскричали мы обе.

– Да-с! Я никогда там не был, всегда желал побывать и думаю, что если не поеду скоро, то могу не поехать вовсе, поэтому, как только кончатся сенокосы, я еду, чтоб успеть воротиться до жатвы.

Мы так были удивлены, что не придумали поручений.

Выходя из комнаты, он вдруг обернулся с своим любимым восклицанием:

– Господь да помилует мою душу! Я чуть было не забыл, что привез для вас поэму, которою вы так восхищались у меня.

Он вынул пакет из своего кармана.

– Прощайте, мисс, сказал он: – прощайте, Мэтти! берегите себя.

И он ушел. Но он дал ей книгу, назвал Мэтти точь-в-точь, как делал тридцать лет назад.

– Я желала бы, чтоб он не ездил в Париж, сказала мисс Матильда с беспокойством. – Я не думаю, чтоб ему было здорово есть лягушек; он привык быть очень осторожным в еде, что было престранно в таком здоровом с виду молодом человеке.

Вскоре после того я уехала, дав множество наставлений Марте, как присматривать за госпожой, и дать мне знать, если ей покажется, что мисс Мэтти не совсем здорова; в таком случае я приеду известить своего старого друга, не сказав ей об уведомлении Марты.

Вследствие этого я получала несколько строчек от Марты время от времени; а около ноября явилось известие, что госпожа её «очень опустилась и не хочет корму». Это известие так меня обеспокоило, что хотя Марта и не звала меня непременно, я собралась и поехала.

Меня приняли с горячим дружелюбием, несмотря на небольшую тревогу, произведенную моим неожиданным визитом, потому что я могла дать уведомление только накануне. Мисс Матильда показалась мне весьма болезненной и я приготовилась успокаивать и приголубливать ее.

Я пошла вниз поговорить тихонько с Мартой.

– С которых пор барыня твоя так плоха? спросила я, стоя в кухне у огня.

– Ей вот теперь лучше недельки с две; да, я знаю, что лучше; она вдруг стала корчиться в четверг после того, как мисс Поль побывала. Я подумала: верно она устала, пройдет, ко-

гда уснет хорошенько; а нет. С-тех-пор все хуже да хуже; дай-ка я, мол, напишу к вам, сударыня.

– Ты поступила прекрасно, Марта. Приятно думать, что при ней такая верная служанка, и я надеюсь, что и ты довольна своим местом.

– Конечно, сударыня, барыня очень добрая, еды и питья вдоволь и дела не слишком много, только...

– Только что, Марта?

– Зачем барыня не позволяет мне водить компанию с парнями?.. У нас, в городе, их такая куча, и сколько рады бы радёхоньки навестить меня и, может быть, мне никогда не придется иметь место такое способное для этого, и оно как-жись мне, как бы пропускать случай. Многие девушки, мои знакомые, сделали бы так, что барыня и не узнала; а я, видите, дала слово и сдержу, хоть дом наш такой, что лучше нельзя желать для этого, и такая способная кухня, с такими славными уголками; я поручилась бы, что могу утаить что угодно. Прошедшее воскресенье, не отопрусь, я плакала, что должна была захлопнуть дверь под нос Джиму Гэрну, а он такой степенный парень, годный для какой угодно девушки. Только я обещалась барышне...

Марта чуть не плакала; мне нечем было ее успокоить. Я знала из прежней опытности, с каким ужасом обе мисс Дженкинс глядели на «поклонников», а в настоящем нервном состоянии мисс Мэтти нельзя было и думать уменьшить этот страх.

Я пошла повидаться с мисс Поль на следующий день, что было для неё совершенным сюрпризом, потому что она не видалась с мисс Матильдой уже два дня.

– А теперь я должна идти с вами, душенька, я обещала дать ей знать какво Томасу Голбруку, и мне ужасно жаль сказать ей... что его домоправительница прислала мне известие, что ему не долго осталось жить. Бедный Томас! Этого путешествия в Париж он не мог выдержать. Домоправительница говорит, что с-тех-пор он почти совсем не обходил полей, а сидел все уткнув руки в колени в конторе, ничего не читал, а только все твердил: «какой удивительный город Париж!» Большую ответственность возьмет на себя Париж, если будет причиной смерти кузена Томаса, потому что лучшего человека не было на свете.

– А мисс Матильда знает о его болезни? спросила я – новый свет промелькнул у меня насчет причины её нездоровья.

– Разумеется, душенька! Разве она вам не сказала? Я уведомила ее, недели две назад или больше, когда в первый раз об этом услыхала. Как странно, что она вам не сказала!

«Вовсе нет», подумала я; но не сказала ничего. Я почти чувствовала себя виноватой, заглядывая слишком любопытно в это нежное сердце, и зачем мне было говорить о её тайнах, скрытых, как мисс Мэтти полагала, от целого света. Я привела мисс Поль в маленькую гостиную мисс Матильды, и потом оставила их одних; но я нисколько не удивилась, когда Марта пришла ко мне в спальню сказать, чтоб я шла обе-

дать одна, потому что у барыни сильно разболелась голова. Мисс Мэтти пришла в гостиную к чаю, но это, очевидно, было для неё усилием. Как бы желая загладить некоторое чувство упрека, которое питала к своей покойной сестре, которое волновало ее целый день и в котором она теперь рассказывалась, она стала мне рассказывать, как добра и умна была в юности Дебора; как она умела решать, какие платья надо было надевать на все вечера (слабая, призрачная идея о веселых вечерах так давно прошедших, когда мисс Мэтти и мисс Поль были молоды) и как Дебора с их матерью завели благотворительное общество для бедных и учили девушек стряпать и шить; как Дебора однажды танцевала с лордом, и как она ездила к сэру Питеру Арлею и хотела преобразовать простой пасторский дом по планам Арлея Галля, где содержалось тридцать слуг; как она ухаживала за мисс Мэтти во время продолжительной болезни, о которой я никогда прежде не слыхала, но которую я теперь сообразила в уме, как следствие отказа на предложение мистера Голбрука. Так мы толковали тихо и спокойно о старых временах в длинный ноябрьский вечер.

На следующий день мисс Поль принесла нам весть, что мистер Голбрук умер. Мисс Мэтти выслушала ее безмолвно; впрочем, по вчерашним известиям только этого и надо было ожидать. Мисс Поль вызывала нас на выражение сожаления, спросив не грустно ли, что он скончался, и сказав:

– Как подумаешь об этом приятном июньском дне, когда

он казался так здоров! И он мог бы прожить еще лет двенадцать, не поезжай он в этот нечестивый Париж, где у них всегда такая кутерьма!

Она остановилась, ожидая от нас каких-нибудь доказательств сожаления. Я видела, что мисс Мэтти не может говорить: с ней была такая нервическая дрожь; я, с своей стороны, сказала, что чувствовала действительно. Посидев несколько и думая, как я не сомневаюсь, что мисс Мэтти приняла известие очень спокойно, наша гостья простилась; но мисс Мэтти усиливалась удержать свои чувства. Она никогда не упоминала более о мистере Голбруке, хотя книга, подаренная им, лежала вместе с Библией на столике возле её постели; она не думала, что я слышала, как она просила крэнфордскую модистку сделать ей чепчики, похожие на те, которые носит её сиятельство мистрисс Джемисон; она не думала, что я обратила внимание на ответ модистки: но ведь она носит вдовьи чепчики, сударыня.

«О! я хочу сказать... только что-нибудь в этом роде; не вдовьи, разумеется, а несколько похожие на чепчики мистрисс Джемисон». Это усилие обуздать себя было началом трепетных движений головы и рук, которые я с-тех-пор видела постоянно у мисс Мэтти.

Вечером в тот день, когда мы слышали о смерти мистера Голбрука, мисс Матильда была очень молчалива и задумчива; после молитвы она призвала Марту и потом не решалась сказать, что хотела.

– Марта! сказала она наконец: – ты молода... и потом замолчала. Марта, чтоб напомнить ей о её недоконченной речи, сделала поклон и сказала:

– Да-с, точно так; двадцать два года с прошлого октября.

– А, может быть, Марта, ты когда-нибудь встретишь молодого человека, который тебе понравится и которому понравишься ты. Я сказала, чтоб у тебя не было поклонников; но если ты встретишь такого молодого человека и скажешь мне, а я найду, что он человек достойный, я не буду препятствовать, чтоб он приходил видеться с тобою раз в неделю. Сохрани Боже! сказала она тихо – чтоб я причинила скорбь юным сердцам.

Она говорила об этом как о весьма отдаленном случае, и несколько удивилась, когда Марта отпустила ей торопливый ответ:

– Вот сударыня Джим Гэрт, столяр, вырабатывает три с половиной шиллинга в день, и росту шесть футов один дюйм; жених хоть куда; если вы расспросите о нем завтра утром, всякий скажет, какой у него степенный нрав; он будет рад-радехонек прийти завтра вечером – вот право слово.

Хотя мисс Мэтти была испугана, однако она покорилась судьбе и любви.

V. Старые письма

Я часто примечала, что почти каждый имеет свою особенную, лично-принадлежащую ему, экономию, заботливую привычку сберегать мелкие пенни в каком-нибудь особенном предмете, пенни, которых малейшая растрата неприятна ему более нежели трата шиллингов или фунтов, издержанных для какого-нибудь действительного мотовства. Один старый джентльмен знакомый мне, узнав с стоической кротостью о банкротстве одного коммерческого банка, в котором находилась часть его денег, мучил свое семейство целый день за то, что кто-то оторвал, а не отрезал исписанные листки вовсе ненужной счетной книги; разумеется, соответственные страницы на другом конце могли пригодиться; и эта небольшая, ненужная трата бумаги (его особенная экономия) рассердила его больше, чем потеря денег. Конверты страшно терзали его душу, когда появились в первый раз; он только и мог помириться с такой тратой его любимой бумаги, что терпеливо перевертывал на другую сторону все конверты, которые ему присылались, чтоб они таким образомгодились опять. Даже теперь, хотя время изменило его, я вижу, как он бросает пристальные взгляды на дочерей, когда они напишут записки на целом листе вместо полулиста, не более трех строчек на одной странице. Я не могу не признаться, что также обладаю этой общечело-

веческой слабостью. Снурочки составляют мою слабую сторону. Карманы мои наполнены небольшими моточками, подобранными везде, где ни попало и связанными вместе для употребления, никогда не представляющего. Мне делается серьёзно-досадно, если кто-нибудь обрезывает затянувшийся узел вместо того, чтоб терпеливо и добросовестно распутать его. Каким образом люди могут употреблять новоизобретенные резинковые снурочки – я не могу вообразить. Для меня резинковый снурочек драгоценное сокровище. У меня есть один уже не новый, поднятый мною на полу лет шесть назад. Я точно пробовала употреблять его; но у меня не достало сил, и я не могла решиться на такое мотовство.

Кусочки масла сердят других. Они не могут обращать внимания на разговор от досады, которую причиняет им привычка некоторых людей непременно брать больше масла, нежели им нужно. Не случалось ли вам видеть беспокойные взгляды (почти-месмерические), которые такие люди устремляют на масло? Они почувствовали бы облегчение, если б могли спрятать масло от глаз, всунув в свой собственный рот и проглотив; и действительно становятся счастливы, если та особа, на чьей тарелке оно лежит нетронутым, вдруг отрезывает кусок поджаренного хлеба (которого ей совсем не хочется) и съедает масло. Они думают, что это не расточительность.

Мисс Мэтти Дженкинс жалела свечей. Она придумывала множество причин, чтоб жечь их как можно меньше. В зим-

нее послеобеденное время она могла вязать два или три часа в потемках, или при свете камина; и когда я ее спрашивала: могу ли позвонить и велеть подать свечи, чтоб окончить мои нарукавники, она отвечала мне всегда «работайте без свеч». Свечи обыкновенно приносили с чаем, но зажигалась всегда только одна. Так как мы жили в постоянном ожидании гостей, которые могли прийти вечером (но которые, однако, никогда не приходили), то и придумано было некоторое обстоятельство, чтоб иметь свечи одинаковой вышины, всегда готовые быть зажженными, и показывать, будто мы всегда употребляем две. Свечи зажигались по очереди, и как бы мы ни работали, о чем бы мы ни говорили, глаза мисс Мэтти постоянно были устремлены на свечу, чтоб вдруг вскочить, потушить и зажечь другую: тогда они могли сравняться в продолжение вечера, прежде чем сделаются слишком неровны в вышине.

В один вечер, я помню, эта свечная экономия особенно мне надоела. Я очень устала от моего принуждения, особенно, когда мисс Мэтти заснула и мне не хотелось поправлять огонь, чтоб не разбудить её; я не была также в состоянии жариться на ковре перед камином и шить при его свете, как делала это обыкновенно. Я думала, что мисс Мэтти снилась её молодость, потому что она сказала два или три слова во время своего беспокойного сна, которые относились к людям давно умершим. Когда Марта принесла зажженную свечку и чай, мисс Мэтти вдруг проснулась и вскочила, обводя стран-

ным, изумленным взглядом вокруг, как будто мы были не те, кого она надеялась видеть возле себя. На лице её мелькнула тень грустного выражения, когда она меня узнала; но тотчас же она сделала усилие мне улыбнуться по обыкновению. Во все время, как мы пили чай, она говорила о днях своего детства и юности. Может быть, это навело на нее желание пересмотреть старинные семейные письма и уничтожить такие, которым не следовало попасть в руки посторонних; она часто говорила и о необходимости сделать это, но всегда уклонялась с робким опасением чего-то мучительного. В этот вечер, однако, она встала после чая и пошла за нами в потемках; она хвалилась аккуратным порядком во всех своих комнатах и всегда беспокоило на меня взглядывала, когда я зажигала свечу, чтоб пойти за чем-нибудь в другую комнату. Когда она воротилась, по комнате распространился приятный запах; я часто примечала этот запах во всех вещах, принадлежавших её матери, а многие из писем были адресованы к ней, то были желтые связки любовных посланий, написанных за шестьдесят или семьдесят лет назад.

Мисс Мэтти со вздохом развязала пакет, но тотчас же заглушила этот вздох, как будто не следовало жалеть о полете времени, или даже о жизни. Мы сговорились пересматривать корреспонденцию каждая особенно, взяв по письму из той же самой связки и описывая его содержание друг другу прежде чем его уничтожим. До этого вечера я совсем не знала, как грустно читать старые письма, хотя не могу сказать

почему. Письма были так счастливы, как только письма могут быть, по крайней мере, эти первые письма. В них было живое и сильное ощущение настоящего, казавшееся до того сильным и полным, как будто никогда не могло оно пройти, и как будто горячие, живые сердца, так выражавшиеся, никогда не могли умереть и не иметь более сношения с прекрасною землею. Я чувствовала бы себя менее грустной, я полагаю, ежели бы письма были более грустны. Я видела, как слезы тихо прокрадывались по глубоким морщинам мисс Мэтти, и очки её часто требовалось вытирать. Я надеялась, по крайней мере, что она зажжет другую свечку, потому что и мои глаза были несколько тусклы, и мне нужно было побольше света, чтоб видеть бледные, побелевшие чернила; но нет, даже сквозь слезы она видела и помнила свою маленькую экономию.

Первый разряд писем составляли две связки, сложенные вместе и надписанные рукою мисс Дженкинс: «Письма моего многоуважаемого отца и нежно любимой матери до их брака в июне 1774.». Я отгадала, что крэнфордскому пастору было около двадцати семи лет, когда он писал эти письма, а мисс Мэтти сказала мне, что матери её было семнадцать в то время как она вышла замуж. С моими понятиями о пасторе, навеянными портретом в столовой, принужденным и величественным в огромном, широком парике, в рясе, кафтане и воротничке, с рукою положенною на копию единственной изданной им проповеди, странно было читать эти пись-

ма. Они были исполнены горячего, страстного пыла, краткими простыми выражениями прямо и свежо-вырвавшимися из сердца; совсем непохожими на величественный латинизированный джонсоновский слог напечатанной проповеди, говоренной пред каким-то судьей в ассизное время. Письма его составляли любопытный контраст с письмами его невесты. Ей, казалось, несколько надоели его требования о выражениях любви, и она не могла понять, что он подразумевал, повторяя одно и то же таким различным образом; она совершенно понимала только свое собственное желание иметь белую шелковую материю, и шесть или семь писем были наполнены просьбою к жениху употребить свое влияние над её родителями (которые очевидно держали ее в большом повиновении) выпросить для неё ту или другую статью наряда и, более всего, белую шелковую материю. Он не заботился, как она одета; она всегда была для него довольно мила, как он старался ее уверить, когда она просила его выразить в своих ответах какой наряд он предпочитает, затем, чтоб она могла показать родителям то, что он говорит. Но наконец он, казалось, догадался, что она не согласится выйти замуж до тех-пор, пока не «получит приданого» по своему вкусу; тогда он послал к ней письмо, как видно, сопровождаемое целым ящиком нарядов, и в котором просил ее одеваться во все, что только она пожелает. Это было первое письмо надписанное слабою, нежною рукой: «От моего дорогого Джона.» Вскоре после этого они обвенчались, я так полагаю, по

прекращению их переписки.

– Мы должны сжечь их, я думаю, сказала мисс Мэтти, посмотрев на меня с сомнением – никому они не будут нужны, когда меня не станет.

И одно за одним побросала она их в огонь, наблюдая, как каждое вспыхивало, погасало, опять загоралось слабым, белым, призрачным подобием в камине, прежде чем она предавала другое такой же участи. Теперь комната была довольно светла, но я, подобно мисс Мэтти, была погружена в рассмотрение тлеющих писем, в которых вылился благородный жар мужского сердца.

Следующее письмо, точно также было надписано мисс Дженкинс: «Письмо благочестивого поздравления и увещания от моего почтенного деда к моей матери по случаю моего рождения. Также некоторые дельные замечания моей превосходной бабушки о желании содержать в тепле оконечности ребенка».

Первая половина точно была строгим и сильным изображением материнской ответственности и предостережением против зол, ожидающих крошечного двухдневного ребенка. Жена его не писала, говорил старик, он запретил ей, потому что она вывихнула лодыжку, что (говорил он) совсем не позволяет ей держать перо. Однако на конце страницы стояли буквы «Г. О.», (переверни) и на обороте было письмо к «моей любезной, любезнейшей Молли», умолявшее ее, когда она выйдет первый раз из комнаты зачем бы то ни было,

пойти на *верх*, а не *вниз*, и обвертывать ноги ребенка фланелью, нагретой у огня, хотя это было летом, потому что малышки так деликатны.

Приятно было видеть из писем, довольно частых между молодою матерью и бабушкой, как девическое тщеславие искоренялось из её сердца любовью к ребенку. Белая шелковая материя опять явилась на сцену в письмах. В одном из неё собирались сделать платьице для крестин. Оно украшало ребенка, когда родители взяли его с собою провести дня два в Арлее Галле. Оно увеличивало прелести прелестнейшего ребенка, какой когда-либо был на свете. «Любезная матушка, как бы я желала, чтоб вы его увидели! Без всякого пристрастия мне кажется, что малышка будет совершенной красавицей!» Я подумала о мисс Дженкинс седой, сморщенной и поблекшей.

Тут был большой пропуск в письмах пастора. Жена его надписывала уже не так; уже не от «Моего любезнейшего Джона», а от «Моего уважаемого супруга». Письма были по случаю издания той самой проповеди, которая была изображена на портрете. Чтение перед «милордом судьей» и «издание по просьбе» были главным предметом, событием в жизни пастора. Ему необходимо было ехать в Лондон надзирать за печатанием. Скольких друзей посетил он, чтоб посоветоваться и решить, какую выбрать типографию для такого важного труда; наконец решило, что Дж. и Дж. Рипингтонам будет поручена такая лестная ответственность. Достойный пас-

тор, казалось, настроился по этому случаю на высокий литературный тон, потому что он не мог написать письма жене, не вдавшись в латин. Я помню, что в конце одного из его писем стояло: «Я всегда буду держать в памяти добродетельные качества моей Молли, *dum memor ipse mei, dum Spiritus regit artus*», а взяв в соображение, что английский язык его корреспондентки иногда грешил против грамматики и часто против правописания, могло быть принято за доказательство, до какой степени он «идеализировал» свою Молли. Мисс Дженкинс обыкновенно говорила: «в нынешнее время много толкуют об идеализировании; Бог знает, что это значит». Однако ж такое настроение пастора ничего не значит в сравнении с внезапным припадком писать классические стихотворения, который скоро овладел им, и где его Молли являлась «Марией». Письмо, содержащее *carmen*, было надписано ею: «Еврейские стихотворения, присланные ко мне моим уважаемым супругом. Я думала, что получу письмо об убийении поросенка, но должна подождать. Зам. послать стихотворения сэру Питеру Арлею, по желанию моего супруга». А в постскриптуме его почерком было прибавлено, что ода явилась в «*Gentleman's Magazine*», декабрь, 1782.

Письма её к мужу так нежно ценимые им, как будто они были *M. T. Ciceronis Epistolae*, были гораздо удовлетворительнее для отсутствующего мужа и отца, нежели его письма к жене. Она говорила ему, как Дебора чисто шила каждый день и читала ей по книгам, которые он для неё выбрал; как

она была очень прилежным, добрым ребенком; но делает вопросы, на которые мать не может ей отвечать: мать не хочет унизиться, сказав, что не знает, и принуждена мешать огонь или послать ребенка с каким-нибудь поручением. Мэтти была теперь любимицей матери и обещала (точно так как, сестра в эти лета) сделаться большой красавицей. Я прочла это вслух мисс Мэтти, которая улыбнулась и вздохнула при надежде, так нежно выраженной, что «маленькая Мэтти не будет тщеславной, если даже сделается красавицей».

– У меня были славные волосы, душенька, сказала мисс Матильда: – и не дурной рот.

И я видела потом, как она поправила свой чепчик и выпрямилась.

Но воротимся к письмам мистрисс Дженкинс. Она говорила мужу о бедных в их приходе; какие простые домашние лекарства давала она; какие средства и кушанья посылала, спрашивала наставления о коровах и поросятах и не всегда их получала, как я сказала уже прежде. Добрая старуха-бабушка умерла, когда родился мальчик – это было вскоре после издания проповеди; но от деда тут было другое увещательное письмо, еще сильнее, убедительнее прежних, так как теперь от западни света нужно было предохранить мальчика. Дед описывал все разнообразные грехи, в которые человек может впасть, и я удивлялась, как люди могут после этого умирать естественной смертью. Виселица, казалось, была окончанием жизни многих из знакомых деда; и я не удиви-

лась тому, что жизнь его была «долиной слез».

Мне казалось странно, что я никогда не слыхала прежде об этом брате; но я заключила, что он верно умер в детстве, а то, иначе, сестры упомянули бы о нем.

Мало-помалу мы добрались до писем мисс Дженкинс. Мисс Мэтти было жаль сжечь их. Она говорила, что все другие письма были интересны только для тех, кто любил писавших; казалось, ей было бы больно, если б они попали в руки посторонних, не знавших её любезной матери, не оценивших, как она была добра, хотя не всегда совершенно выражалась новейшим слогом. Письма Деборы... другое дело: они были так превосходны! Каждому прочесть их было полезно. Давно уже мисс Мэтти читала мистрисс Шапон, но знала, что Дебора могла сказать то же самое также хорошо; а что касается до мистрисс Картер – все ужасно много думают о её письмах именно потому, что она написала Эпиктета; но мисс Мэтти была совершенно уверена, что Дебора никогда не употребила бы таких пошлых выражений.

Было ясно, что мисс Мэтти жаль сжечь эти письма. Она не хотела допустить, чтоб я небрежно перебрала их, или пробежала тихо и с пропусками. Она взяла их от меня и даже зажгла другую свечку, чтоб прочесть с приличной выразительностью, не спотыкаясь на важных словах. О! как мне хотелось фактов вместо размышлений, прежде чем эти письма будут окончены! Они длились два вечера, и я не стану отпираться, что в это время думала о многих других вещах; а все-

таки я была на своем посту при конце каждого изречения.

Письма пастора, его жены и тещи все были изрядно-коротки и важны, писаны прямым почерком, очень сжатыми строчками. Иногда целое письмо заключалось на простом лоскутке бумажки. Бумага была очень желта, а чернила очень темны; некоторые из листов были (как мисс Мэтти дала мне заметить) старомодной почтовой бумагой со штемпелем, представляющим на углу скачущего во весь дух почтальона, трубящего в рожок. Письма мистрисс Дженкинс и её матери были запечатаны большой круглой красной облаткой; потому что это было прежде чем «Покровительство» мисс Эджворт изгнало оплаты из порядочного общества. Было очевидно из содержания того о чем говорилось, что письма, с адресами членов парламента были в большом употреблении и даже служили средством к платежу долгов нуждающихся членов парламента⁸. Пастор запечатывал свои послания огромной гербовой печатью. Он надеялся, что так хорошо-запечатанные письма будут подрезаны, а не разорваны какой-нибудь беззаботною или нетерпеливою рукой. Письма мисс Дженкинс были позднейшего времени по форме и почерку. Она писала на квадратном листке, который мы теперь называем старомодным. Почерк её был удивительно рассчитан, чтоб наполнить листок, а потом с гордостью и восторгом

---

⁸ В прежнее время каждый член нижнего парламента имел право посылать на почту каждый день известное число писем бесплатно, и этим пользовались его знакомые, предоставляя ему писать адреса на конвертах. *Прим. перев.*

начать перекрестные строчки. Бедную мисс Мэтти это приводило в грустное замешательство, потому что длинные слова накапливались в объеме подобно снежным глыбам и к концу письма мисс Дженкинс обыкновенно становилась неудобопонятной.

Я не могу в точности вспомнить времени, но думаю, что мисс Дженкинс написала особенно много писем в 1805 году, по случаю своего путешествия к каким-то друзьям близь Ньюкэстля на Тайне. Эти друзья были коротко-знакомы с начальником тамошнего гарнизона и слышали от него о всех приготовлениях, чтоб отразить вторжение Бонапарта, которое многие предполагали при устье Тайна. Мисс Дженкинс, как видно, была очень испугана, и первая часть её писем была часто писана хорошим, понятным английским языком, сообщавшим подробности о приготовлениях, делаемых в том семействе, у которого она гостила, против ужасного события: об узлах платьев, уложенных, чтоб все было наготове на случай бегства в Альстон Мур (дикое нагорное место между Нортумберлендом и Кумберландом); о сигнале, который должен быть подан для побега и об одновременном явлении под знамена волонтеров – сигнал должен был состоять (как мне помнится) в звоне колоколов особенным, зловещим образом. В один день, когда мисс Дженкинс с своими хозяевами была на обеде в Ньюкасле, этот предостерегательный сигнал был точно подан (поступок не весьма благоразумный, если только есть какая-нибудь правда в нравоучении, заключа-

ощемся в басне о Мальчике и Волке), и мисс Дженкинс, едва оправившаяся от страха, описала на следующий день ужасный испуг, суматоху и тревогу и потом, несколько оправившись прибавила: «Как пошлы, любезнейший батюшка, кажутся наши вчерашние опасения в настоящую минуту спокойным и прозорливым умам!» Здесь мисс Мэтти прервала чтение словами.

– Но, душенька, они совсем не были ни пошлы, ни ничтожны в то время. Я знаю, что сама я часто просыпалась несколько раз ночью, воображая, будто слышу топот французов, входящих в Крэнфорд. Многие поговаривали, что хотят спрятаться в солекопни: там говядина сохранилась бы прекрасно и только мы пострадали бы от жажды. Отец мой говорил целый ряд проповедей на этот случай; одни утром, о Давиде и Голиафе, чтоб побудить народ сражаться заступами или кирпичами, если б это было нужно; а другие вечером, в доказательство, что Наполеон был все равно, что Аполлион и Аббадона. Я помню, батюшка полагал, что его будут просить напечатать эти последние; но приход был, может быть, доволен и тем, что слышал их.

Питер Мармадук Арлей Дженкинс («бедный Питер!», так мисс Мэтти начала называть его), был в Шрюсбурьской Школе в то время. Пастор принялся за перо и еще раз обратился к своей латыни, чтоб переписываться с этим мальчиком. Ясно, что письма мальчика были, что называется письмами напоказ. Они были наполнены превыспренними описа-

ниями, дававшими отчет о его учении и умственных надеждах разного рода с изречениями из классиков; лишь время от времени животные побуждения вырывались такими выражениями, например, написанными с дрожащей торопливостью, после того, как письмо было осмотрено: «Милая матушка, пришлите мне пирожного и положите туда побольше лимонов». Милая матушка, вероятно, отвечала сынку только пирожным и сладостями, потому что писем её тут не было, но за-то была целая коллекция пасторовых писем, на которого латынь в письмах сына действовала подобно трубе на старую военную лошадь. Я немного понимаю в латыни, конечно, и этот слог, служащий к украшению, не весьма полезен, как мне кажется, по крайней мере, судя по отрывкам, которые я припоминаю из писем пастора; один был такого рода: «этот город не находится на твоей ирландской ландкарте; но *Bonus Bernardus non videt omnia*, как говорят *proverbia*». Теперь становилось очень ясно, что «бедный Питер попался во многие беды». Тут были письма высокопарного раскаяния к отцу в каком-нибудь нехорошем поступке, и между ними дурно-написанная, дурно-запечатанная, дурно-адресованная, запачканная записка: «Милая, милая, милая, милейшая матушка, я исправлюсь непременно, только пожалуйста не сердитесь на меня, я этого не стою, но я сделаюсь добрым, дорогая матушка».

Мисс Мэтти не могла говорить от слез, когда прочитала эту записку. Она подала мне ее в молчании, потом встала и

отнесла в самые сокровенные ящички своей спальни, боясь, чтоб, как-нибудь случайно, не была она сожжена.

– Бедный Питер! сказала она: – он всегда попадался в беды; он был слишком легковверен. Завлекут его в дурное, а потом и поставят в тупик; но он был слишком большой охотник до проказ; никак не мог удержаться, чтоб не подшутить. Бедный Питер!

Часть вторая

I. Бедный Питер

Карьера бедного Питера разворачивалась перед ним очень приятно, устроенная добрыми друзьями, но Bonus Bernardus non videt omnia тоже в этом начертании. Он должен был приобрести почести в Шрюсбюрийской Школе, увезти их с собою в Кембриджский Университет, а после его ожидало пасторское место – подарок крестного отца сэра Питера Арлея. Бедный Питер! доля его в жизни была весьма различна от того, чего надеялись и чего ожидали его друзья. Мисс Мэтти все мне рассказала и я думаю, что это было для неё большим облегчением.

Он был любимцем матери, которая хвалила до безумия всех своих детей, хотя, может быть, несколько страшилась высоких сведений Деборы. Дебора была любимицей отца, и когда он разочаровался в Питере, она сделалась его гордостью. Единственная почесть, привезенная Питером из Шрюсбюри, была репутация самого доброго мальчика на свете и школьного зачинщика в шалостях. Отец разочаровался, но решил поправить дело по-мужски. У него не было средств отдать Питера к особому учителю, но он мог учить его сам, и мисс Мэтти много мне говорила о страшных

приготовлениях насчет словарей и лексиконов, сделанных в кабинете отца в то утро, когда Питер начал курс.

– Бедная матушка! сказала она. – Я помню, что она обыкновенно оставалась в зале так близко от кабинетной двери, чтоб уловить звуки батюшкиного голоса. Я могла угадать в минуту по её лицу, если все шло хорошо. И долго все шло хорошо.

– Что наконец пошло дурно? сказала я: – верно эта скучная латынь.

– Нет, не латынь. Питер был в большой милости у батюшки, потому что работал хорошо. Но ему вдруг вздумалось подшутить над Крэнфордцами и настроить разных проказ, а им это не понравилось; не понравилось никому. Он всегда надувал их; «надувал» не совсем приличное слово, душенька, и я надеюсь, вы не скажете вашему батюшке, что я его употребила; мне не хочется, чтоб он думал, будто я не разборчива в выражениях, проводя жизнь с такой женщиной, как Дебора. И наверно вы никогда не употребляете такого слова сами. Не знаю, как оно сорвалось у меня с языка, разве только потому, что я думаю о добром Питере, а он всегда так выражался. Он был преблагородным мальчиком во многих отношениях. Он походил на любезного капитана Броуна во всегдашней готовности помочь старику или ребенку, однако любил подшутить и наделать проказ; он думал, что старые крэнфордские дамы поверят всему. Тогда здесь жило много старых дам, и теперь, по большей части, мы все дамы, но мы

не так стары, как те дамы, которые жили здесь, когда я была девочкой. Мне смешно, когда я подумаю о шалостях Питера.

– Мисс Дженкинс знала об этих шалостях? спросила я.

– О, нет! это показалось бы слишком оскорбительно для Деборы. Нет! никто не знал кроме меня. Мне бы хотелось всегда знать о намерениях Питера, но иногда он мне не говорил их. Он обыкновенно говорил, что старым дамам в городе всегда нужно о чем-нибудь болтать; но я этого не думаю. Они получали сен-джемскую газету три раза в неделю, точно так, как мы получаем теперь, и у нас есть о чем поговорить; я помню, какой всегда начинался страшный шум, когда дамы собирались вместе; но верно школьные мальчишки болтают больше дам. Наконец, случилось ужасно-прискорбное обстоятельство.

Мисс Мэтти встала, подошла к двери, отворила ее – там никого не было. Она позвонила в колокольчик, и когда пришла Марта, приказала ей сходить за яйцами на мызу, на другой конец города.

– Я запру за тобою дверь, Марта. Тебе не страшно идти – нет?

– Совсем нет, сударыня; Джим Гэрн будет так рад проводить меня.

Мисс Мэтти выпрямилась и как только мы остались одни, пожелала, чтоб у Марты было побольше девической скромности.

– Затушите свечку, душенька. Мы можем говорить также

хорошо и при каминном огне.

Ну вот видите, Дебора уехала недельки за две; день был очень тихий и спокойный, как я помню; сирени были все в цвету, стало-быть это было весной. Батюшка вышел навещать каких-то больных; я помню, что видела, как он вышел из дому в своем парике, шляпе и с тростью. Что сделалось с нашим бедным Питером – не злого; у него был предобрейший характер, а между тем, он любил досаждать Деборе. Она никогда не смеялась над его шалостями, считала его *peu comme il faut*, недовольно заботящимся об улучшении своего разума, и это ему было досадно. Ну, вот, пошел он в её комнату, оделся в её старое платье, шаль и шляпку: именно в те вещи, которые она обыкновенно носила в Крэнфорде и которые везде были известны; из подушки сделал куклу... Вы точно знаете, что заперли дверь, душенька, я не хотела бы, чтоб кто-нибудь это слышал... Сделал... крошечного ребенка в белом длинном платье. Это только затем, как он сказал мне после, чтоб заставить поговорить о чем-нибудь в городе: он никогда не думал оскорбить этим Дебору. Вот и пошел он прогуливаться взад и вперед по Фильбертской аллее... полуприкрытой решеткой и почти-невидной, и обнимал свою подушку, точь-в-точь как ребенка, и говорил ей разные глупости. Ах душенька! а батюшка-то и шел в это время по улице своим всегдашним величественным шагом и увидал толпу людей, человек этак двадцать, уставившихся на что-то сквозь решетку. Он сначала подумал, что они

смотрят на новый рододендрон, бывший тогда в полном цвете и которым он очень гордился, и пошел медленнее, чтоб дать им время налюбоваться; думал даже не написать ли ему диссертацию по этому случаю, предполагая, может быть, что между рододендрами и полевыми лилиями было какое-нибудь соотношение. Бедный батюшка! Подойдя ближе, он начал удивляться, что никто не видит; но головы всех были так тесно прижаты друг к другу и они так пристально глядели! Батюшка вошел в середину толпы, намереваясь, говорил он, сказать, чтоб они пошли в сад вместе с ним налюбоваться вдоволь прелестным растительным произведением, когда... о, душенька! я дрожу, когда подумаю об этом... он сам посмотрел сквозь решетку и увидел... Не знаю право, что он подумал, но старый Клер говорил мне, что лицо его позеленело от гнева, а глаза так и засверкали из-под нахмуренных черных бровей. Он заговорил... да, как страшно!.. приказал им всем оставаться там, где они стояли... ни одному не уходить, ни одному не двинуться с места, и быстрее молнии очутился у садовой калитки, в тилбертской аллее, схватил бедного Питера, сорвал с него шляпку, шаль, платье и бросил подушку к народу через решетку, да так рассердился, так рассердился, что при всем народе поднял трость да и приколотил Питера! Душенька, эта шалость, в такой солнечный день, когда все было тихо и хорошо, разбила сердце матушки и изменила батюшку на всю жизнь, да, изменила. Старый Клер говорил, что Питер был так же бледен, как батюшка, и

принимал удары безмолвно, как статуя. Когда батюшка остановился, чтоб перевести дух, Питер сказал: «Довольны ли вы, сэр?» совершенно хриплым голосом, и все стоя совершенно спокойно. Не знаю, что сказал батюшка... и сказал ли он, что-нибудь; но старый Клер говорит, что Питер обернулся к народу и сделал низкий поклон величественно и важно, как дворянин, и потом медленно пошел к дому. Я помогала матушке в кладовой делать настойку из скороспелок. Я не могу теперь терпеть ни настойки, ни запаха цветов: мне делается от них дурно, как в тот день, когда Питер вошел с таким высокомерным видом, как мужчина... право как мужчина, а не как мальчик. «Матушка!» сказал он, «я пришел вам сказать, Бог да благословит вас навсегда». Я видела, как губы его дрожали при этих словах и мне кажется, он не осмелился сказать ничего более нежного, по причине намерения, которое было на его сердце. Она посмотрела на него с испугом и удивлением и спросила, что это значит? Он не улыбнулся, не сказал ни слова, но обвил ее руками и поцеловал так, как будто не знал, как ее оставить; и прежде, чем она успела спросить его опять, он ушел. Мы толковали об этом и не могли понять; она приказала мне пойти спросить батюшку, что такое случилось. Он ходил взад и вперед с видом величайшего неудовольствия. «Скажи матери, что я прибил Питера и что он совершенно это заслужил». Я не смела делать никаких расспросов. Когда я сказала матушке, она опустилась на стул, и с минуту ей было дурно. Я помню, что через

несколько дней, я видела, как бедные, увядшие цветы были выброшены в навоз, завяли и поблекли там. В этот год не делалось у нас этой настойки... да и после никогда, Тотчас матушка пошла к батюшке. Я подумала о королеве Эсфири и короле Ассуре, потому что матушка была очень хороша собой и пренежного сложения, а батюшка казался тогда так страшен, как король Ассур. Спустя несколько времени, они пришли вместе и тогда матушка сказала мне, что случилось и как она ходила в комнату Питера, по желанию батюшки – хотя не должна была сказывать Питеру об этом – чтоб с ним переговорить. Но Питера не было там. Мы искали по всему дому; нет Питера, да и только! Даже батюшка, который не хотел сначала сам искать, вскоре начал нам помогать. Дом пасторский был очень старей, весь в лестницах и вверх, и вниз. Сначала матушка звала тихо и кротко, затем, чтоб успокоить бедного мальчика: «Питер! милый Питер! это только я»; но, мало-помалу, когда слуги воротились, батюшка разослал их в разные стороны, чтоб узнать, где Питер. Когда мы не нашли его ни в саду, ни на сеннике и нигде, крики матушки становились все громче и сильнее: «Питер! Питер мой дорогой! где ты?» Она чувствовала и понимала, что его долгий поцелуй означал грустное «прости». День проходил... матушка все искала и искала без отдыха во всех возможных местах, которые осматривали уже раз двадцать прежде. Батюшка сидел закрыв лицо руками и не говорил ни слова; только когда посланные возвращались, не принося известия, он поднимал

голову с грустным выражением и приказывал идти опять по какому-нибудь новому направлению. Матушка все ходила из комнаты в комнату из дому и в дом, тихо и неслышно, но все не переставая. Ни она, ни батюшка не могли оставить дома, бывшего сборным местом для всех посланных. Наконец (было уже темно) батюшка встал и взял матушку за руку, когда она ходила дикими, грустными шагами от одной двери к другой. Она вздрогнула от прикосновения руки его, потому что забыла все на свете, исключая Питера. «Молли!» сказал он «а я не думал, что все это может случиться». Он посмотрел ей в лицо для успокоения, в её бедное, расстроенное, бледное лицо; ни она, ни батюшка не смели признаться, какой ужас был в их сердце; не наложил ли Питер руки на себя? Батюшка не видел сознательного взгляда в горячих, сухих глазах жены; он не встретил сочувствия, которое всегда встречал, и этот твердый человек, видя немое отчаяние на лице её, заплакал горько; но, когда она это увидела, кроткая печаль блеснула в её глазах и она сказала: «Милый Джон! не плачь, пойдем со мной, мы найдем его», почти также весело как будто знала, где он. Она взяла огромную руку батюшки своей нежной ручкой и повела его – а слезы так и капали – без отдыха из комнаты в комнату, по дому и по саду. О! как я желала, чтоб приехала Дебора! Я не имела времени плакать, потому что теперь все лежало на мне. Я написала к Деборе, чтоб она воротилась, тайно послала человека в дом того самого мистера Голбрука, и бедного мистера Гольбрука!.. Вы

знаете о ком я говорю. Я не хочу сказать, чтоб я послала прямо к нему, но я отправила человека, на которого могла положиться, узнать не там ли Питер. В то время мистер Голбрук бывал у нас часто... вы знаете, что он был кузен мисс Поль; он обращался так ласково с Питером, учил его удить рыбу; он был ласков ко всем и я подумала, что Питер, может быть, у него; но мистера Гольбрука не было дома, а Питера никто не видал. Наступила уже ночь, но двери были открыты настежь и батюшка с матушкой ходили взад и вперед; прошло уж больше часу, как он стал искать Питера с нею вместе, и не думаю, чтоб они говорили друг с другом во все это время. Я развела в столовой огонь и служанка приготовила чай: мне хотелось, чтоб они согрелись, когда старый Клер попросил позволения говорить со мной. «Я взял невод от мельника, мисс Мэтти. Закинуть ли нам в пруд сегодня или подождать до завтра?» Помню, что я уставилась ему в лицо и не понимала, что он хочет сказать, а когда поняла, я громко захохотала. Ужас этой новой мысли... наш милый дорогой Питер, холодный, окоченелый и мертвый! Помню еще теперь звук моего собственного смеха. На следующий день Дебора была дома, прежде чем я пришла в себя. Она была не так слаба, как я; мои крики (мой страшный смех кончился рыданиями) пробудили мою нежную, милую мать, расстроенные мысли которой пришли в порядок, как только её дитя почувствовало необходимость в попечениях. Они с Деборой сидели у моей кровати; я узнала по их лицу, что известий о Питере не было

и никакой ужасной страшной вести, чего я больше всего боялась в моем смутном состоянии между сном и бодрствованием. Тот же самый результат всех розысков таким же точно образом облегчил матушку, которую, я уверена, мысль, что Питер, может быть, висит где-нибудь мертвый, заставляла вчера без усталости искать его. Её кроткие глаза сделались совсем другими после этого; в них навсегда осталось беспокойное, алчущее выражение, как будто они отыскивали того, чего не могли найти. О! это было страшное время, вдруг разразившееся громовым ударом в спокойный ясный день, когда сирени были в полном цвете.

– Где мистер Питер? спросила я.

– Он отправился в Ливерпуль; тогда была там война; королевские корабли стояли в мерсейском устье; там обрадовались, что такой славный малый (пяти футов и девяти дюймов он был) сам предложил вступить в службу. Капитан написал к батюшке, а Питер написал к матушке. Постойте! эти письма должны быть где-нибудь здесь.

Мы зажгли свечу и нашли письма капитана и Питера. Нашли также умоляющее письмецо от мистрисс Дженкинс к Питеру, адресованное в дом старого школьного товарища, куда, она вздумала, может быть он пошел. Они возвратили письмо нераспечатанным, нераспечатанным оно оставалось с-тех-пор, положенное невзначай вместе с другими письмами того времени. Вот оно:

«Любезнейший Питер,

Ты, верно, не думаешь, как мы огорчены, а то, конечно, не оставил бы нас. Отец твой сидит и вздыхает, так что сердце больно сжимается. Он не может с горя поднять головы; однако, он сделал только то, что считал справедливым. Может быть, он был слишком строг, может быть, и я не была довольно ласкова, но Богу известно, как мы тебя любим, наш милый, единственный мальчик. Старый Дон (собака) так печалится о тебе: воротись и осчастливь нас, мы так много тебя любим. Я знаю, что ты воротишься».

Но Питер не воротился. Весенний день был последним, в который он видел свою мать. Та, которая написала письмо, последняя, единственная особа, видевшая, что там было написано, умерла давно, а я, посторонняя, даже не родившаяся в то время, когда случилось это происшествие, только одна распечатала его.

Письмо капитана призывало отца и мать в Ливерпуль немедленно, если они хотят видеть сына. По какой-то странной и частой случайности в жизни, письмо капитана было задержано где-то, как-то.

Мисс Мэтти продолжала:

– Это было время скачек, и все почтовые лошади в Крэнфорде отправились на скачки; но батюшка с матушкой сели в свою собственную одноколку... Ах! душенька, они приехали слишком поздно... корабль ушел! А теперь, прочтите письмо Питера к матушке.

Оно было исполнено любви, грусти и гордости. Гордился он своим новым званием. В письме заметно было болезненное чувство от посрамления в глазах крэнфордского народа; но кончалось оно горячей мольбой, чтоб мать приехала и повидалась с ним прежде, чем он уедет из Марсея: «Матушка! мы, может быть, пойдем в сражение. Я надеюсь, что мы пойдем колотить французов, но я должен вас увидеть до тех пор».

– А она приехала слишком поздно! сказала мисс Мэтти: – слишком поздно!

Мы сидели безмолвно, обдумывая полное значение этих грустных, грустных слов. Наконец я просила мисс Мэтти рассказать мне, как мать это перенесла.

– О! сказала она: – она была олицетворенное терпение. Она никогда не была слишком крепка, а это ослабило ее страшно. Батюшка часто сидел, пристально смотря на нее, гораздо грустнее, нежели она. Казалось, что он не может смотреть ни на что другое, когда она тут... (затушите свечку, душенька, я лучше могу говорить в темноте) матушка была женщина слабая, неспособная перенести такой страх и потрясение; однако она улыбалась ему и успокаивала его не словами, но взглядами и голосом, которые были всегда веселы, когда он был тут. И она говорила, что Питер может сделаться скоро адмиралом, он такой храбрый и умный; она думает, что увидит его в флотском мундире и желает знать, какого рода шляпы носят адмиралы; и как ему гораздо скорее

пристало быть моряком, нежели пастором, и все таким образом, только затем, чтоб заставить батюшку думать, будто она совершенно рада, что так кончилось несчастное утреннее происшествие. Но, ах, душенька! как она горько плакала, когда оставалась одна; и наконец, делаясь все слабее, она не могла уже удерживать слез ни при Деборе, ни при мне, и давала нам поручения за поручениями к Питеру (корабль его ушел в Средиземное Море, или куда-то туда, а потом велено ему было плыть в Индию: тогда не было еще туда сухого пути). Но она все говорила, что никто не знал, где ожидает нас смерть и что мы не должны думать, что её смерть близка. Мы этого не думали, но знали, потому что видели, как она таяла. Ну, душенька, как это глупо с моей стороны, когда, по всей вероятности, я так скоро ее увижу. Только подумайте, душенька, на другой день после её смерти – она прожила не больше года после отъезда Питера – на другой день пришла ей посылка из Индии от её бедного мальчика. Это была большая, мягкая, белая индийская шаль, с узеньким бордюрчиком кругом, совершенно по вкусу матушки. Мы думали, что это пробудит батюшку; он сидел целую ночь, держа покойницу за руку. Дебора принесла к нему и шаль и письмо Питера и все. Сначала он не обратил на это внимания, и мы вздумали начать маленький разговор о шали, развернули ее и начали восхищаться. Он вдруг вскочил: «Ее надо похоронить с ней» сказал он – «Питеру это будет утешением, а ей было бы приятно». Ну, может быть, это было безрассудно, но что мы

могли сделать или сказать? Огорченным всегда предоставляешь волю поступить по-своему. Он взял шаль в руки и ощупал ее. «Точно такая, какую она желала иметь, когда выходила замуж, и какой мать ей не дала. Я узнал это после, а то купил бы ей; но все равно, она получит ее теперь». Матушка была так мила мертвая! Она была всегда хороша, а теперь казалась прелестной, белой, как воск, и молодой... моложе Деборы, когда та стояла дрожа и трепеща возле неё. Мы завернули ее в длинные, мягкие складки шали; она лежала с улыбкой, будто это было ей приятно; и люди приходили... весь Крэнфорд приходил... попросить на нее взглянуть, потому что они очень ее любили и по справедливости; а деревенские женщины принесли цветов; жена старого Клера принесла белых фиалок и просила положить к ней на грудь. Дебора сказала мне в день похорон матушки, что если б у неё было сто женихов, она никогда не выйдет замуж и не оставит батюшки. Невероятно, чтоб у ней было их так много; не знаю даже, был ли хоть один, но тем не менее эти слова делают ей честь. Она была такою дочерью для батюшки, что не думаю, была ли другая такая прежде или после. Глаза стали у него слабы; она читала ему книгу за книгой и писала и переписывала и всегда была к его услугам по всякому приходскому делу. Она могла делать гораздо больше, чем делала бедная матушка; она даже один раз написала за батюшку письмо к епископу. Но он больно тосковал по матушке, весь приход это замечал. Не то, чтоб он стал меньше деятелен: я думаю,

напротив, больше и терпеливее помогал каждому. Я делала все, что могла, чтоб дать Деборе свободу оставаться с ним; я знала, что не на многое гожусь и могу только услуживать другим и оставлять их на свободе. Но батюшка совершенно изменился.

– А мистер Питер возвращался ли когда-нибудь домой?

– Да, один раз. Воротился к нам лейтенантом, в адмиралы-то не вышел. И как они были дружны с батюшкой! Батюшка возил его ко всем – так им гордился. Мы всегда гуляли под руку с Питером. Дебора стала улыбаться (не думаю, чтоб мы когда-нибудь смеялись после матушкиной смерти) и говорила, что она теперь в отставке; однако батюшке всегда она была нужна: писать письма, читать или распоряжаться.

– А потом? сказала я после некоторого молчания.

– Потом, Питер опять ушел в море, а батюшка умер, благословив нас обеих и поблагодарив Дебору за все, чем она была для него, Разумеется, наши обстоятельства переменялись; вместо того, чтоб жить в пасторском доме и держать трех служанок и слугу, нам надо было переехать в этот маленький домик и довольствоваться одной чернорабочей женщиной; но так как Дебора обыкновенно говорила, мы всегда жили порядочно, даже когда обстоятельства понудили нас жить просто. Бедная Дебора!

– А мистер Питер? спросила я.

– О, в Индии была какая-то большая война, я забыла, как ее называют, и потом мы никогда уже не слышали о Питере.

Я сама полагаю, что он умер и меня иногда беспокоит, что мы не носили по нем траура. И потом опять, когда я сижу одна и все в доме тихо, мне кажется, будто я слышу его шаги по улице и сердце начинает биться и трепетать, но шум перестает... а Питера все нет. Не воротилась ли Марта? Нет! Пойдите я сама пойду, душенька; я всегда могу найти дорогу в потемках. А свежий воздух у двери освежит мне голову; она у меня немного разболелась.

Она поплелась. Я зажгла свечу, чтоб придать комнате веселый вид, когда мисс Мэтти воротится.

– Это пришла Марта? спросила я.

– Да. А я чувствую маленькое беспокойство: я слышала такой странный шум, когда отворяла дверь.

– Где? спросила я, потому что глаза её были полны ужаса.

– На улице... за дверью... мне послышалось, что-то похожее на...

– Шепот? подсказала я, видя, что она несколько колеблется.

– Нет! на поцелуй...

II. Вечер в гостях

В одно утро, когда мисс Мэтти и я сидели за работой – это было часов в двенадцать, и мисс Мэтти еще не переменяла своего чепчика с желтыми лентами, который был самым нарядным у мисс Дженкинс и который мисс Мэтти носила теперь за просто, надевая другой, что был сделан по образцу чепчика мистрисс Джемисон всякий раз, когда она думала, что ее увидят – вошла Марта и спросила: может ли мисс Бетти Баркер поговорить с её госпожой. Мисс Мэтти дала согласие и быстро исчезла переменить чепчик с желтыми лентами, покуда входила мисс Баркер; но так как она забыла очки и была несколько смущена посещением в такое необыкновенное время, я не удивилась, что она воротилась с двумя чепчиками, надетыми один на другой. Она сама этого не знала и смотрела на нас с умильным удовольствием. Думаю даже, что и мисс Баркер этого не заметила, потому что, отложив в сторону то небольшое обстоятельство, что она была уж не так молода, как прежде и, следовательно, не обращала большего внимания на наряды: она была слишком погружена в предмет своего визита, объясненный ею с скромностью и с бесконечными извинениями.

Мисс Бетти Баркер была дочь старого крэнфордского клерка, служившего при мистере Дженкинсе. Они с сестрою служили горничными в хороших домах и накопили доволь-

но денег, чтоб завести модный магазин, принятый под покровительство соседних дам. Леди Арлей, например, часто давала мисс Баркер свои старые чепчики на фасон, который они немедленно снимали и распространяли между крэнфордским избранным обществом. Я говорю *избранным*, потому что обе мисс Баркер усвоили себе тон Крэнфорда, и очень тщеславились своими «аристократическими связями». Они не продавали своих чепчиков и лент людям без родословной. Не одна жена, или дочь фермера, вышла в сердцах из избранного магазина мисс Баркер и отправлялась ко всеобщей лавке, где барыш от желтого мыла и сахарного песку давал, возможность содержателю ездить прямо в Париж, как он говорил до тех пор, пока не нашел, что его покупатели слишком большие патриоты, чтоб носить то, что носят мусьё. Он, теперь, ездил в Лондон, где, как он часто рассказывал своим покупателям, королева Аделаида явилась, только за неделю перед тем, в чепчике совершенно похожем на тот, который он показывал им, убранный желтыми и голубыми лентами, и получила комплимент от короля Уильяма насчет красоты её головной уборки.

Мисс Баркер, державшиеся всегда истины и неодобрявшие кое-каких покупателей, все-таки наживались. Это были бескорыстные добрые люди. Сколько раз видела я, как старшая (она была горничной у мистрисс Джемисон) несла какое-нибудь деликатное блюдо к бедному! Они только обзьянничали знатных, не желая иметь никакого дела с клас-

сом непосредственно ниже их. Когда умерла старшая мисс Баркер, барыш их и доход оказались такими, что мисс Бетти могла запереть лавку и удалиться от дел. Но также (кажется, я об этом говорила) завела свою корову – знак важности в Крэнфорде, почти такой же, как завести одноколку где-нибудь в другом месте. Она одевалась лучше иной дамы в Крэнфорде, и мы этому не удивлялись, понимая, что она дошивала все шляпки, чепчики и ленты, оставшиеся нераспроданными. Она закрыла лавку лет пять или шесть назад, и во всяком другом месте, а не в Крэнфорде, наряд её сочли бы *вышедшим из моды*.

Теперь мисс Бетти Баркер пришла пригласить мисс Мэтти к себе на чай в следующий вторник. Она и меня также пригласила, так как я случилась тут же, хотя я могла видеть, что она несколько боится, не занимался ли отец мой торговлей с-тех-пор, как переехал в Дрёмбль, и таким образом не изгнал ли своего семейства из «аристократического общества». Она делала столько предварительных извинений прежде этого приглашения, что совершенно возбудила мое любопытство. Пусть извинят её «смелость». Что она делает? Она казалась так этим взволнована, что мне могло только прийти в голову, уж не писала ли она к королеве Аделаиде, как мыть кружева; но обстоятельство, которое она так изображала, было, просто, приглашение к бывшей госпоже её сестры. «Приняв в соображение её первые занятия, извинит ли мисс Мэтти её смелость?»

«Ах!» подумала я, «она заметила двойной чепец и хочет поправить головной убор мисс Мэтти...» Нет! она просто пригласить мисс Мэтти и меня. Мисс Мэтти поклонилась, в знак согласия, и я удивлялась, как при этом грациозном движении она не почувствовала необыкновенную тяжесть и чрезмерную высоту своей головной уборы. Но, кажется, не почувствовала, потому что она сохранила равновесие и продолжала разговаривать с мисс Бэтти ласковым, снисходительным образом, совсем непохожим на то смущение, которое овладело бы ею, если б она подозревала какой-то странный у неё вид.

– Мистрисс Джемисон будет, вы, кажется, сказали? спросила мисс Метти.

– Да-с, мистрисс Джемисон, как нельзя ласковее и снисходительнее сказала, что она очень рада быть у меня. Она сделала только одно маленькое условие: она привезет Карлика. Я сказала ей, что если у меня есть слабости, так к собакам.

– А мисс Поль? расспрашивала мисс Мэтти, которая думала о своей пультке в преферанс, для которой Карлик не годится в партнёры.

– Я иду просить мисс Поль. Как я могла подумать просить ее прежде, чем попросила вас, мадам... дочь пастора, мадам. Поверьте, я никогда не забываю, какое место занимал мой отец у вашего.

– И мистрисс Форрестер, разумеется?

– И мистрисс Форрестер. Я думала было идти к ней

прежде чем к мисс Поль. Хотя её обстоятельства переменялись, однако, она ведь урожденная Тиррелль и мы не можем забыть, что она в родстве с Биггами из Бигглау-Голль.

Для мисс Мэтти гораздо важнее было то небольшое обстоятельство, что она прекрасно играла в карты.

– Мистрисс Фиц-Адам... я полагаю.

– Нет, мадам. Я должна сделать разницу. Мистрисс Джемисон, я думаю, не совсем будет приятно встретиться с мистрисс Фиц-Адам. Я имею величайшее уважение к мистрисс Фиц-Адам... но не полагаю, чтоб её общество было прилично для таких дам, как мистрисс Джемисон и мисс Матильда Дженкинс.

Мисс Бэтти Баркер низко поклонилась мисс Мэтти и сжала рог. Она с достоинством взглянула на меня сбоку, как бы говоря, что хотя она бывшая модистка, однако вовсе не демократка и понимает различие званий.

– Могу я просить вас пожаловать в мое маленькое жилище не позже половины седьмого), мисс Матильда? Мистрисс Джемисон обедает в пять, но была так добра, обещала не откладывать своего визита дольше этого времени... в половине седьмого.

И с низким поклоном мисс Бэтти Баркер простилась.

Моя догадливая душа предсказала в этот день визит мисс Поль, которая обыкновенно приходила к мисс Матильде после какого-нибудь происшествия, или перед каким-нибудь происшествием, потолковать с ней.

– Мисс Бетти сказала мне, что она сделала выбор и пригласила немногих, сказала мисс Поль, сличив известия с мисс Мэтти.

– Да, она это говорила. Даже мистрисс Фиц-Адам не будет. Мистрисс Фиц-Адам была вдова и сестра крэнфордского доктора, о котором я прежде говорила. Родители их, почтенные мызники были довольны своим положением. Назывались эти добрые люди Гоггинс. Мистер Гоггинс был теперь крэнфордским доктором; нам эта фамилия не нравилась и казалась ужасно-грубой; но, как говорила мисс Дженкинс, если б он переменял ее в Пегнгис, было бы немногим лучше⁹. Мы надеялись открыть родство между ним и той маркизой Эксетер, которая называлась Молли Гоггинс; но доктор, беззаботный к своим собственным интересам, совершенно не знал и отвергал это родство, хотя, как говорила милая мисс Дженкинс, у него была сестра, которую звали Мэри, а те же самые имена весьма часто употребляются в некоторых семействах.

Вскоре мисс Мэри Гоггинс вышла за мистера Фиц-Адама и исчезла из нашего соседства namного лет. Она не двигалась в сфере крэнфордского общества на столько высокой, чтоб заставить нас позаботиться узнать, что такое был мистер Фиц-Адам. Он умер и убрался к своим прадедам, а мы никогда и не думали о нем. Потом мистрисс Фиц-Адам появилась снова в Крэнфорде «смелая как львица», говорила

---

⁹ Гог – свинья, а пег – поросенок. *Прим. перевод.*

мисс Поль, зажиточной вдовою, одетою в черное шелковое платье, так скоро после смерти мужа, что бедная мисс Дженкинс справедливо замечала: «бумазeya показала бы более, как она чувствует свою потерю».

Я помню совещание дам, собравшихся решить вопрос: посещать ли мистрисс Фиц-Адам старым крэнфордским жителям чистой дворянской крови? Она наняла большой дом, который обыкновенно считался как бы дающим патент на дворянство своим обитателям; потому что во время оно, за семьдесят или восемьдесят лет перед тем, дочь какого-то графа жила в том же доме. Я не знаю наверно, не считалось ли проживание в этом доме сообщающим необычайную силу разума, потому что у графской дочери, леди Джэн, была сестра леди Анна, вышедшая за генерала во время американской войны, и этот генерал написал одну или две комедии, которые еще игрались на лондонской сцене и которые, когда мы видели их на объявлениях, заставляли нас выпрямляться и чувствовать, что Дрюри-Лэн делал славный комплимент Крэнфорду. Впрочем, еще не было решено ехать ли к мистрисс Фиц-Адам, когда умерла милая мисс Дженкинс, а с нею ясное знание строгого уложения о приличии тоже исчезло.

Мисс Поль заметила:

– Так как большая часть дам из хорошей фамилии в Крэнфорде – старые девицы, или бездетные вдовы, то если мы не дадим некоторое послабление и не сделаемся менее-исключо-

чительны, то мало-помалу у нас вовсе не станет общества.

Мистрисс Форрестер продолжала в том же смысле:

– Она всегда думала, что Фиц значит нечто аристократическое. Есть Фиц-Рои: она думала, что некоторые из королевских детей были названы Фиц-Роями; были также Фиц-Клэрэнсы, дети доброго короля Уильяма Четвертого, Фиц-Адам – это премилая фамилия, и она думает, что это, вероятно, значит: «дитя Адама». Никто, не имеющий хорошей крови в жилах, не осмелится называться Фиц: фамилия много значит. У ней был кузен, писавший свою фамилию двумя маленькими фф – ffoulks, и всегда смотрел с презрением на прописные буквы; он говорил, что такие имена принадлежат к поздно-вымышленным фамилиям. Она боялась, чтоб он не умер холостяком: он был так разборчив. Когда встретился с мистрисс ффарингдон на водах, она тотчас ему понравилась; это была прехорошенькая женщина, вдова, с очень хорошим состоянием и «мой кузен», мистер ффулкс женился на ней только по милости её двух маленьких фф.

Мистрисс Фиц-Адам не предстоял случай встретиться с каким-нибудь мистером Фицом в Крэнфорде, стало-быть, не эта причина заставила ее поселиться в Крэнфорде. Мисс Мэтти думала, что может быть надежда быть принятой в общество, что конечно было бы весьма приятным возвышением для *si-devant* мисс Гоггинс; но если такова была её надежда, то было бы жестоко разочаровать ее.

Итак, все поехали к мистрисс Фиц-Адам, все, кроме ми-

стрисс Джемисон, которая показывала, какого благородного происхождения была она, потому что никогда не примечала мистрисс Фиц-Адам, когда они встречались на крэнфордских вечеринках. В комнате бывало по восьми или по десяти дам, а мистрисс Фиц-Адам, самая объемистая из всех, и она непременно вставала, когда входила мистрисс Джемисон, и кланялась ей очень низко, когда бы ни обернулась та в её сторону, так низко в самом деле, что, я думаю, должно быть, мистрисс Джемисон смотрела на стену, потому что никогда не шевелила ни одним мускулом в лице, как будто её не видала. А все-таки мистрисс Фиц-Адам продолжала свои поклоны.

Весенние вечера сделались светлы и длинны, когда три или четыре дамы, в колясках (calash), встретились у двери мисс Баркер. Знаете ли вы, что такое *коляска*? Это род капюшона, носимого на чепчиках, довольно похожий на кузов старомодных экипажей; но иногда не такой огромный. Этот род головного убора всегда делал ужасное впечатление на крэнфордских ребятишек; даже и теперь двое или трое перестали играть на улице и собрались в изумленном безмолвии вокруг мисс Поль, мисс Мэтти и меня; мы тоже были безмолвны и могли слышать сдерживаемый шепот за дверью мисс Баркер.

– Постой, Пегги! покуда я побегу наверх и вымою руки. Когда я закашляю отвори дверь; я ворочусь через минуту.

И точно, не более, как через минуту, мы услышали шум,

чиханье и покашливание, при котором дверь отворилась. За дверью стояла служанка, вытаращив свои круглые глаза на почтенную компанию, входившую в молчании. Она сохранила настолько присутствие духа, что ввела нас в небольшую комнатку, прежде бывшую лавкой, а теперь превращенную во временную уборную. Тут мы оправдали свои платья и самих себя перед зеркалом, приняли сладостные и грациозные лица и потом, отступая назад с словами: «После вас, мем», мы пустили мистрисс Форрестер идти первой по узкой лестнице, которая вела в гостиную мисс Баркер. Она сидела так величественно и чинно, как будто мы не слышали странного кашля, после которого горло её и теперь, должно быть, еще болело и хрипело. Ласковая, милая, бедно одетая мистрисс Форрестер тотчас была приведена на второе почетное место. Первенство, разумеется, сохранялось для её сиятельства мистрисс Джемисон, которая, пыхтя, входила на лестницу. Карлик вертелся около неё, как будто намеревался сбить ее с ног.

Теперь-то мисс Бетти Баркер была гордая, счастливая женщина! Она поправила огонь, заперла дверь и села к ней так близко, как только было возможно: села совсем на кончике кресла. Когда вошла Пегги, шатаясь под тяжестью чайного подноса, я заметила, что мисс Баркер боялась, что Пегги не станет держаться на приличном расстоянии. Они с своей госпожой были весьма фамильярны в своих ежедневных отношениях, и Пегги теперь надо было сказать ей нечто по секрету, что мисс Баркер ужасно хотелось слышать, но что

она считала своей обязанностью не допустить ее сказать. И потому она отвернулась от подмигиванья и знаков, которые ей делала Пегги, сделала два или три ответа весьма некстати на то, что было сказано и, наконец, охваченная светлой идеей, воскликнула:

– Бедняжка, Карлик! я совсем о нем забыла. Пойдем со мною вниз, милая собачка, я дам тебе чайку!

Через несколько минут она воротилась, ласковая и кроткая, как прежде; но я подумала, что она забыла дать «милой собачке» что-нибудь поесть, судя по жадности, с которой та глотала куски пирожного. Чайный поднос был изобильно нагружен; мне было приятно это видеть: я была очень голодна, но боялась, чтоб присутствующие дамы не сочли это невежливостью. Я знаю, что они говорили бы это в своих собственных домах, но здесь как-то все исчезало. Я видела, как мистрисс Джемисон кушала тминную коврижку, медленно, так, как она делала все; я несколько удивилась этому, потому что она нам говорила на своем последнем вечере, что этой коврижки никогда не будет у ней в доме, что коврижка напоминает ей душистое мыло. Она всегда угощала нас савойскими сухариками. Однако мистрисс Джемисон была снисходительна к незнанию мисс Баркер обычаев высшей жизни; и чтоб пощадить её щекотливость, съела три большие куска тминной коврижки, с покойным выражением, очень похожим на коровье.

После чаю настало некоторое недоумение и затруднение.

Нас было шестеро; четверо могли играть в преферанс, а для двух оставалась криббидж¹⁰; но все, исключая меня (я несколько боялась крэнфордских дам за картами, потому что такое занятие казалось для них самым важным, серьёзным делом), сгорали желанием участвовать в пульке; даже мисс Баркер, хотя объявляла, что не умеет отличить пикового туза от червонного валета, тоже разделяла это желание. Дилемма скоро была приведена к концу странным шумом. Если б невестку баронета можно было подозревать в храпении, я сказала бы это о мистрисс Джемисон, потому что, пересиленная жаром комнаты и наклонная к дремоте от природы, мистрисс Джемисон не могла устоять от искушения такого покойного кресла и дремала. Раз или два она с усилием открывала глаза и спокойно, но бессознательно нам улыбнулась; мало-помалу, однако ж, даже её благосклонность не могла устоять против этого напряжения, и она заснула глубоко.

– Как для меня приятно, шептала мисс Баркер за карточным столом трем оппоненткам, которых, несмотря будто бы на свое незнание игры, она обыгрывала немилосердно – очень приятно, право, видеть, что мистрисс Джемисон чувствует себя как дома в моем маленьком жилище; она не могла сделать мне большего комплимента.

Мисс Баркер снабдила меня литературными произведениями, в форме трех или четырех красиво-переплетенных книжечек, изданных лет десять или двенадцать назад, заме-

---

¹⁰ В роде наших дурачков. *Прим. перевод.*

тив, когда она придвинула столик и свечку для моего личного употребления, что знает, как молодежь любит рассматривать картинки. Карлик лежал, фыркал и вздрагивал у ног своей госпожи: он тоже чувствовал себя как дома.

Сцену за карточным столом было преинтересно наблюдать: четыре дамские головы кивали друг другу и сталкивались посреди стола с желанием пошептать проворно и громко; но время от времени мисс Баркер проговаривала: «Тише! сделайте милость, тише! мистрисс Джемисон почивает».

Было чрезвычайно трудно справиться с глухотой мистрисс Форрестер и сном мистрисс Джемисон. Но мисс Баркер хорошо исполняла свою ревностную обязанность. Она шептала мистрисс Форрестер, выразительно кривляясь, чтоб показать движением губ, что говорилось, и потом ласково улыбалась всем нам, бормоча про-себя: «Право, очень приятно; я желала бы, чтоб моя бедная сестра дожила до этого дня».

Вдруг дверь отворилась настежь; Карлик вскочил с кротким лаем и мистрисс Джемисон проснулась, или, может быть, она вовсе не спала, как сказала она почти тотчас; в комнате было так светло, что она была рада зажмурить глаза, но слышала с величайшим удовольствием весь наш веселый и приятный разговор. Пегги еще раз явилась, раскрасневшись от важности. Другой поднос! «О знатность!» подумала я, «можешь ли ты перенести этот последний удар?» Мисс Баркер заказала (я не сомневаюсь, что и пригото-

ла, хотя она сказала: «ну! Пегги, что ты нам принесла?» и казалось приятно удивлена при этом неожиданном удовольствии) всякого рода приятных вещей для ужина: поджаренных устриц, морских раков, студень, блюдо, называемое «little cupids» (очень любимое крэнфордскими дамами, хотя слишком дорогое для угощения, исключая торжественных случаев – макароны, намоченные в вине, назвала бы я это блюдо, если б не знала более утонченного и классического названия). Короче, нас хотели угостить всем, что только было самого лучшего и деликатного; и мы думали, что лучше благосклонно покориться, даже на счет нашей знатности, которая никогда вообще не ужинает, но которая, подобно многим неужинающим, чрезвычайно бывает голодна при всех особенных случаях.

Мисс Баркер в своей прежней сфере была, смею сказать, знакома с напитком, называемым вишнёвкой. Никто из нас не видал ничего подобного, и все мы попятились, когда она предложила «маленькую, крошечную рюмочку – знаете, после устриц и раков. Думают, что устрицы и раки не очень здоровы». Мы все покачали головой подобно китайским куклам; но, наконец, мистрисс Джэмисон допустила себя уговорить, и мы последовали её примеру. Это питье было довольно вкусно, но так горячо и крепко, что мы принуждены были высказать нашу непривычку к таким вещам страшным кашлем, почти таким же страшным, как кашель мисс Баркер, прежде чем нас впустила Пегги.

– Очень крепко, сказала мисс Поль, поставив опорожненную рюмку. – Я полагаю, что тут есть спирт.

– Только крошечная капелька... именно сколько нужно, чтоб не испортилось, сказала мисс Баркер. – Вы знаете, мы завязываем бумагою, намоченною в водке, банки с вареньем, чтоб оно не портилось. Я часто чувствую себя под хмельком, поев тарту из дамасских слив.

Не знаю, открыл ли бы так сердце мистрисс Джемисон торт из дамасских слив, как вишнёвка; но мистрисс Джемисон сказала нам о предстоящем событии, относительно которого сохраняла до тех пор молчание.

– Моя невестка, леди Гленмайр едет ко мне в гости.

– Все воскликнули хором: «неужели!» потом замолчали. Каждая мысленно сделала осмотр своему гардеробу, то есть приличен ли он для появления в присутствии вдовы баронета. Ведь в Крэнфорде всегда начинаются празднества, когда к нашим друзьям приедет какая-нибудь гостья. Мы весьма приятно оживились при надежде предстоящего случая.

Вскоре после этого доложили о прибытии служанок с фонарями. У мистрисс Джэмисон был портшез, прошедший с некоторым трудом в тесные сени мисс Баркер и, в буквальном смысле, загородивший дорогу.

Требовался некоторый искусный манёвр со стороны старых носильщиков (башмачников, которые, когда их призывали нести портшез, одевались в чудную старую ливрею, длинные сюртуки с маленькими воротниками, современную

портшезу и похожую на одежду этого же рода в картинах Богарта), чтоб пробраться вперед и вынести назад эту ношу из парадной двери мисс Баркер. Потом мы услышали топот разносчиков по спокойной улице, надевая наши *коляски* и натягивая перчатки; мисс Баркер вертелась около нас с предложением услуг, которые были бы гораздо убедительнее, если б она не помнила своего прежнего занятия и не желала, чтоб мы о нем забыли.

III. Ваше сиятельство

На другой день рано утром, тотчас после двенадцати, мисс Поль явилась к мисс Мэтти, под предлогом какого-то ничтожного дела. Тут очевидно что-то скрывалось; наконец это обнаружилось.

– Кстати вы меня сочтете ужасной невеждой; но знаете ли, я нахожусь в недоумении, как надо говорить с леди Гленмайр; надо ли прибавлять «ваше сиятельство» там, где вообще всем говорится «вы»? Я ломала голову целое утро также над тем, как говорить «миледи» или «мэм»? Вы, ведь, знали леди Арлей... будьте так добры, скажите мне, как должно говорить с и ерами?

Бедная мисс Мэтти! она сняла очки, надела их опять, но как говорили с леди Арлей, не могла припомнить.

– Это было так давно, сказала она. – Господи! Господи! как я глупа! Не думаю, чтоб я ее видела больше двух раз. Я знаю, что мы обыкновенно звали сэра Питера, «сэр Питер», но он гораздо чаще бывал у нас, чем леди Арлей. Дебора сейчас бы сказала; миледи – ваше сиятельство звучит как-то странно и как будто ненатурально. Я никогда не думала об этом прежде, но теперь нахожусь в совершенном затруднении.

Верно одно, что мисс Поль не добьется благоразумного решения от мисс Мэтти, которая каждую минуту приходила

все в большее-и-большее изумление и замешательство относительно этикета в названии.

– Я, право, думаю, сказала мисс Поль – что мне лучше пойти и сказать мистрисс Форрестер о нашем маленьком затруднении. Некоторые люди так щекотливы, а ведь никто не захочет заставить леди Гленмайр думать, что мы, в Крэнфорде, совсем не знаем этикета высшего общества.

– А нельзя ли вам будет зайти сюда, милая мисс Поль, на обратном пути и сказать мне, как вы порешите? Что бы вы ни придумали с мистрисс Форрестер, буду я уверена, что хорошо. «Леди Арлей, сэра Питера», говорила про-себя мисс Мэтти, стараясь припомнить прежний образ выражения.

– Кто такая леди Гленмайр? спросила я.

– Вдова мистера Джемисона... то есть покойного супруга мистрисс Джемисон... вдова его старшего брата. Мистрисс Джемисон, урожденная мисс Уокер, дочь губернатора Уокера. Ваше сиятельство... душенька, если они решатся на такой образ выражения, вы позволите мне привыкнуть сначала говорить так с вами, а то я совершенно сконфужусь, если заговорю в первый раз с леди Гленмайр.

Для мисс Мэтти было большим облегчением, когда мистрисс Джемисон явилась к ней за весьма невежливым делом. Я примечаю, что апатические люди гораздо более других дерзки. Мистрисс Джемисон изволила объявить просто-напросто, что она совсем не желает, чтоб крэнфордские дамы приезжали к её невестке. Не могу сказать в точности,

как она это объяснила, потому что я пришла в негодование и разгорячилась, когда она медленно, обдуманно, изъясняла свое желание мисс Мэтти; мисс Мэтти, сама настоящая леди, не могла понять тех чувств, которые заставляли мистрисс Джемисон показать своей благородной невестке, будто она посещает только графские фамилии. Мисс Мэтти оставалась в замешательстве и недоумении долго после того, как я догадалась, о причине посещения мистрисс Джемисон.

Когда она поняла предмет визита сиятельной леди, приятно было видеть, с каким спокойным достоинством приняла она извещение, сделанное так невежливо. Она не оскорбилась; она была слишком для этого кротка, даже хорошенько не сознавала своей антипатии к поведению мистрисс Джемисон: но в её мыслях было что-то похожее на это чувство; оно заставило ее переходить от одного предмета к другому с меньшим смущением и с большим спокойствием, чем обыкновенно. Мистрисс Джемисон была смущена гораздо более её, и я видела, что она торопилась уехать.

Вскоре после этого возвратилась мисс Поль, краснея от негодования.

– Ну; прекрасно! у вас была мистрисс Джемисон, мне сказала Марта, и мы не должны бывать у леди Гленмайр. Да, я встретила с мистрисс Джемисон на половине дороги отсюда к мистрисс Форрестер, и она мне сказала, да так удивила, что я не нашлась ничего ответить. Жаль, что мне не пришло на мысль что-нибудь колкое и саркастическое; я придум-

маю сегодня. Ведь леди-то Гленмайр больше ничего как вдова шотландского баронета! Я справлялась в «Книге Перов» у мистрисс Форрестер, чтоб посмотреть, кто такая эта дама, которая должна сохраняться под стеклянным колпаком? – вдова шотландского пера, никогда не заседавшего в Палате Лордов и совершенного нищего, смею сказать; а сама она пятая дочь какого-то Кембля. Вы дочь пастора, по крайней мере, в родстве с Арлеями: ведь сэръ Питер мог быть виконтом Арлеем – всякий это знает.

Мисс Мэтти пыталась успокоить мисс Поль, но напрасно: эта дама, обыкновенно такая ласковая и добродушная, находилась теперь в полном разгаре ярости.

– А я сегодня утром заказала чепчик, проговорила она наконец, высказав секрет, который был причиною главной обиды. – Мистрисс Джемисон увидит, легко ли заставить меня быть четвертой в преферансе, когда у ней не будет никого из её знатной шотландской родни.

Выходя из церкви, в первое воскресенье, когда леди Гленмайр появилась в Крэнфорде, мы усердно разговаривали между собою и повернулись спиной к мистрисс Джемисон и её госте. Если мы не могли к ней ездить, то не хотели даже и смотреть на нее, хотя умирали от любопытства узнать, какова она. Нам оставалось удовольствие расспросить вечером Марту. Марта не принадлежала к той сфере общества, похвалы которого могли почесться комплиментом для леди Гленмайр, и Марта смотрела во все глаза.

– Это вы говорите про ту низенькую барыню, что была с мистрисс Джемисон? А я думала, что вам любопытнее будет узнать, как была одета мистрисс Смит, новобрачная (мистрисс Смит была жена мясника).

Мисс Поль сказала:

– Господи помилуй! как будто мы заботимся о какой-нибудь мистрисс Смит, но тотчас замолчала, как только Марта продолжала:

– Низенькая барыня на церковной скамейке мистрисс Джемисон была в черном, порядочно-поношенном шелковом платье и в шотландском простом салопе, а глаза у ней черные и очень – блестящие, сударыня, а лицо этакое приятное и востренькое; уж немолода, сударыня, а все-таки помолже самой мистрисс Джемисон. Она, словно птица, вертела глазами во все стороны, а выходя препроворно, подобрала свое платье. Я скажу вам вот что, сударыня: она очень похожа на мистрисс Дикон, содержательницу гостиницы, под вывеской «Дилижансов».

– Шш, Марта! сказала мисс Мэтти, это непочтительно.

– Неужели, сударыня? Прошу прощения, да Джим Гэрн это говорит. Он говорит, что это точь-в-точь такая востренькая, живая баба.

– Леди, сказала мисс Поль.

– Леди... как мистрисс Дикон....

Прошло и другое воскресенье, а мы все отворачивались от мистрисс Джемисон и её гости, и делали замечания, кото-

рые казались нам очень саркастическими, почти даже слишком. Мисс Мэтти, очевидно, было неловко от нашей саркастической манеры выражаться; может быть, в это время леди Гленмайр нашла, что дом мистрисс Джемисон был не самый веселый и не самый приятный дом в мире; может быть мистрисс Джемисон нашла, что большая часть графских фамилий была в Лондоне, и что те, которые оставались в вашей провинции, не так чувствительны, как бы следовало к пребыванию леди Гленмайр в их соседстве. Великие события происходят от ничтожных причин, и я не беру на себя сказать, что заставило мистрисс Джемисон изменить свое намерение относительно изгнания крэнфордских дам и послать ко всем пригласительные записки на вечер в следующий вторник. Сам мистер Мёллинер разносил их. Он, кажется, не знал, что во всяком доме есть черный ход, и делал всегда больше шума, чем госпожа его, мистрисс Джемисон. У него было три записочки, которые он понес в большой сумке, чтоб заставить госпожу свою думать, будто они ужасно-тяжелы, хотя они легко могли поместиться в его кармане.

Мы с мисс Мэтти спокойно решили отвечать, что нам нужно остаться дома. Это было именно в тот вечер, когда мисс Мэтти обыкновенно делала фитили из всех писем и ненужных бумаг, накопившихся в неделю; по понедельникам счета её уплачивались аккуратно, ни одного пенни не оставалась она должна за прошлую неделю; таким образом мы устроились, чтоб сжигание происходило во вторник и оно

подало законный повод к отказу на приглашение мистрисс Джемисон. Но прежде, чем мы написали ответ, явилась мисс Поль с распечатанной запиской в руках.

– Так! сказала она. – А! я вижу и вы тоже получили приглашение. Лучше поздно, чем никогда. Я готова была сказать заранее, что пожелает леди Гленмайр нашего общества прежде, чем пройдут недельки две.

– Да, сказала мисс Мэтти: – просят вечером, во вторник. Может быть, не потрудитесь ли вы принести вашу работу и откусать с нами чаю во вторник. Я обыкновенно в этот день пересматриваю недельные бумаги, счета, письма и сжигаю их; но это недостаточная причина для отговорки, хотя я и намеревалась так поступить. Теперь, если вы придете, то совесть моя будет совершенно спокойна и, к счастью, записка еще не написана.

Я видела как мисс Поль переменялась в лице.

– Стало-быть вы не намерены туда? спросила она.

– О, нет! сказала спокойно мисс Мэтти. – Да и вы тоже, я полагаю?

– Не знаю, отвечала мисс Поль. – Да, я думаю идти, сказала она вдруг несколько резко, и видя, что мисс Мэтти смотрит на нее с удивлением, прибавила – видите не совсем приятно заставить думать мистрисс Джемисон, будто мы обижаемся всем тем, что она ни скажет, или ни сделает, будто мы всему этому придаем важность. Это значит унизиться перед нею, и я по крайней мере на это не согласна. Для мистрисс Джемисон

сон будет очень лестно, если мы позволим ей предполагать, что слова её могут казаться нам оскорбительными неделю, или даже десять дней спустя.

– Я полагаю, что дурно оскорбляться и досадовать так долго на что бы то ни было. Может быть, впрочем, она и не думала оскорблять нас. Но я должна признаться не допустила бы себя сказать то, что сказала мистрисс Джемисон: она ясно выразилась, чтоб мы не приезжали. Я, право, думаю, не поеду.

– О, поедemте! мисс Мэтти, вам надо ехать; вы знаете, приятельница наша мистрисс Джемисон гораздо флегматичнее многих других и не входит в тонкие деликатности, которыми вы обладаете в такой замечательной степени.

– Я думала, что и вы обладали ими тоже в тот день, когда мистрисс Джемисон приходила сказать, чтоб мы у ней не бывали, сказала простодушно мисс Мэтти.

Но мисс Поль, в добавок к тонким деликатностям своих чувств, обладала также щегольским чепчиком, который ей ужасно хотелось показать изумленному миру, и потому она, казалось, забыла все колкие слова, произнесенные две недели назад, и убедила мисс Мэтти, как дочь покойного пастора, купить новый чепчик и идти на вечер к мистрисс Джемисон. Таким образом было написано, что «мы с величайшим удовольствием принимаем приглашение», вместо «сожалеем, что принуждены отказаться».

Трата на наряды в Крэнфорде заключалась в одной этой

статье, о которой я упоминала. Если на головах были щегольские новые чепчики, дамы походили на страусов и не заботились нисколько об остальной части своего тела. Старые платья, белые достопочтенные воротнички, множество брошек везде (на некоторых были нарисованы собачьи глаза, некоторые походили на рамочку картины с мавзолеями и плакучими ивами, другие были с миниатюрными портретами дам и кавалеров, нежно улыбавшихся); старые брошки были постоянным украшением, а новые чепчики, чтоб следовать новейшей моде; крэнфордские дамы всегда одевались с целомудренным изяществом и пристойностью, как мисс Баркер премило выразилась однажды.

И в трех новых чепчиках, с большим количеством брошек, чем видали когда-нибудь, с-тех-пор, как Крэнфорд сделался городом, явились мистрисс Форрестер, мисс Мэтти и мисс Польша на достопамятный вечер во вторник. Я сама считала семь брошек на мисс Польша. Две были небрежно пришпилены на чепчик (на одной была бабочка, сделанная из шотландских топазов, которую живое воображение могло принять за живую; третья брошка прикрепляла филейный платочек, четвертая воротник, пятая украшала лиф платья, как раз средину между грудью и поясом, а шестая кончик мыска. Где была седьмая – я забыла, но наверно знаю, что она где-то была.

Но я забегаю вперед слишком скоро, описывая наряды достопочтенного общества. Я должна прежде описать, как со-

бирались к мистрисс Джемисон. Дама эта жила в большом доме за городом. Дорога, бывшая прежде улицей, шла перед домом без промежуточного сада или двора. Откуда ни светило солнце, оно никогда не сияло на переднюю часть этого дома. Жилые покои были назади и выходили в хорошенький садик, а окна на улицу принадлежали кухне, комнатам слуг и кладовым; в одной из этих комнат – такая носилась молва – сидит мистер Мёллинер. Точно, смотря наискось, мы часто видели его затылок, покрытый пудрой, которая также покрывала и воротник, и сюртук; этот важный затылок всегда был погружен в чтение газеты «Сен-джемской Хроники», широко-раскрытой, что до известной степени изъясняло, почему газета так долго не доходила до нас, хотя мы были такие же подписчицы, как и мистрисс Джемисон, но которая, по праву своей сиятельности, всегда первая их читала. В этот вторник остановка последнего номера была особенно-досадна: и мисс Поль, и мисс Мэтти, обе, особенно первая, желали посмотреть его, чтоб зазубрить придворные новости и быть в состоянии говорить о них на вечернем свидании с аристократками. Мисс Поль сказала нам, что она воспользовалась временем и оделась в пять часов, чтоб быть готовой, если газеты придут в последнюю минуту, те самые газеты, которые напудренная голова преспокойно читала, когда мы проходили мимо окна.

– Дерзкий! сказала мисс Поль тихим негодующим шепотом. – Мне бы хотелось спросить, платит ли его госпожа за

то, что он читает их.

Мы посмотрели на нее с восторгом, восхищаясь мужеством этой мысли, потому что мистер Мёллинер был предметом величайшего страха для всех нас. Он, казалось, никогда не забывал, какое снисхождение оказал он Крэнфорду, согласившись в нем жить. Мисс Дженкинс, бывало, являлась неустрашимой защитницей своего пола и говорила с ним как с ровней, но и мисс Дженкинс не могла идти выше. Даже в самом веселом и любезном расположении, он походил на сердитого какаду. Он говорил только угрюмыми, односложными словами. Он непременно оставался в передней, когда просили его не оставаться, а потом обижался, зачем мы держали его там, пока трепещущими, торопливыми руками мы охорашивались перед входом в гостиную.

Мисс Поль осмелилась пошутить, когда мы шли наверх, с намерением, хотя она обращалась к нам, развеселить несколько мистера Мёллинера. Мы все улыбнулись, чтоб показать, будто мы несколько не были женированы, и робко взглянули на мистера Мёллинера, ожидая его сочувствия. На этом деревянном лице ни один мускул не смягчился, и мы в минуту сделались серьёзны.

Гостиная мистрисс Джэмисон казалась веселенькой комнатой; вечернее солнце струилось в нее, а широкое четверугольное окно было уставлено цветами. Мебель была белая с золотом, не в последнем вкусе, не то, что называется, кажется, во вкусе Людовика XIV-го, все раковины и кружки – нет;

на креслах и столах мистрисс Джемисон не было ни одного кружка или изгиба. Ножки кресел и столов суживались к полу, а по углам были прямы и четвероугольны. Кресла стояли вдоль стены вряд, за исключением четырех или пяти, поставленных полукругом около камина. Они были обиты белыми полосами поперек спинок и приколочены золотыми пуговками; ни полосы, ни пуговицы не обещали удобства. Еще был лакированный столик, посвященный литературе, на котором лежали Библия, книга о Пэрах и молитвенник; был другой четвероугольный стол, посвященный изящным искусствам; на нем лежали калейдоскоп, увеселительные карты (завязанные необыкновенной длины полинялыми лентами, розовыми атласными) и ящичек, разрисованный наподобие чайных. Карлик лежал на вышитом гарусом ковре и весьма нелюбезно залаял, когда мы вошли. Мистрисс Джемисон встала, приветствовала каждую из нас сонливой улыбкой и с отчаянием взглянула на мистера Мёллинера, который стоял за нами, как будто надеялась, что он усадит нас по местам, потому что, если б он не усадил, она ни за что не сумела бы этого сделать. Я полагаю, он думал, что мы сами можем найти дорогу к креслам, стоявшим полукругом около камина, что напомнило мне друидический храм, не знаю почему. Леди Гленмайр поспешила на помощь хозяйке и, не знаю как, мы в первый раз поместились приятно, а не церемониально, в доме мистрисс Джемисон. Леди Гленмайр (теперь мы могли вдоволь на нее насмотреться) оказалась веселенькой, ни-

зенькой женщиной средних лет, которая, должно быть, была очень хороша собой в молодости и даже до сих пор сохранила приятную наружность. Я видела, как мисс Поль оценила её наряд в первые пять минут, и я верю её словам, когда она сказала на следующий день:

– Душенька! все-то на ней стоило не больше десяти фунтов и с кружевами.

Приятно было подозревать, что жена пера бедна; это частью помирило нас с тем, что муж её никогда не заседал в Палате Лордов. Но, когда мы в первый раз об этом услышали, это казалось нам самозванством.

Мы сначала все были очень молчаливы. Мы думали, какой начать разговор, который мог бы заинтересовать миледи. Сахар поднялся в цене; а так как близилось время варить варенье и предмет этот был очень близок к нашим хозяйственным сердцам, то он, натурально, подал бы повод к разговору, не будь тут леди Гленмайр; но мы не были уверены, едят ли жены пэров варенье и, тем более, знают ли, как оно делается. Наконец мисс Поль, у которой всегда был большой запас мужества и *savoir faire*, заговорила с леди Гленмайр, которая, с своей стороны, находилась точно в таком же замешательстве, каким образом прервать молчание, как и мы.

– Ваше сиятельство были недавно при дворе? спросила она, бросая на всех нас полуробкий, полуторжественный взгляд, как бы говоря: «видите, как благоразумно выбрала я предмет, приличный для звания незнакомой нам женщины».

– Я никогда там не бывала, сказала леди Гленмайр с сильным шотландским произношением, но очень приятным голосом. Потом, чувствуя, что выразилась слишком резко, прибавила: – мы редко ездили в Лондон; всего только два раза были в нем во все время моего замужества; а прежде чем я вышла замуж, у батюшки было слишком большое семейство (я уверена, что пять дочерей мистера Кембля были у всех нас в памяти): он не мог часто вывозить нас даже в Эдинбург. Не бывали ли вы в Эдинбурге, может быть? сказала она, вдруг просияв от надежды общего интереса.

Никто из нас не бывал там; но у мисс Поль был дядя, который однажды провел там ночь весьма приятно. Мистрисс Джемисон между тем погружена была в удивление, почему мистер Мёллинер не приносит чай, и наконец удивление истекло из её уст.

– Не позвонить ли лучше, душенька? сказала живо леди Гленмайр.

– Нет... не думаю... Мёллинер не любит, чтоб его торопили.

Нам очень хотелось чаю, потому что мы обедали раньше мистрисс Джемисон. Я подозреваю, что мистер Мёллинер решил прочитать газету, прежде чем заблагорассудил побеспокоиться о чае. Госпожа его беспокоилась, беспокоилась и все говорила:

– Не понимаю, почему Мёллинер не приносит чаю. Не понимаю, что он там делает.

А леди Гленмайр наконец совсем вышла из терпения. Но это было нетерпение премилое, впрочем; она позвонила в колокольчик довольно громко, получив позволение от невестки. Мистер Мёллинер явился с удивлением оскорбленного достоинства.

– Леди Гленмайр позвонила, сказала мистрисс Джемисон: – полагаю, затем, чтоб подавали чай.

Через несколько минут чай принесли. Очень хрупок был фарфор, очень старо серебро, очень тонки ломтики хлеба с маслом и очень малы куски сахара. Сахар, очевидно, был любимым предметом экономии мистрисс Джемисон. Я сомневаюсь, могли ли маленькие филигранные щипчики, сделанные наподобие ножниц, раскрыться на столько, чтоб взять хороший, обыкновенный крупный кусок; и когда я попробовала взять в одно время два крошечные кусочка, чтоб не заметили мое частое возвращение к сахарнице, щипчики решительно вырвали другой кусок с резким брэнчанием, совершенно коварным и неестественным образом. Но прежде чем это случилось, нас постигло небольшое разочарование. В маленьком серебряном молочнике были сливки, а в том, что побольше, молоко. Как только вошел мистер Мёллинер, Карлик начал просить подачки; бросить ему что-нибудь, запрящало нам приличие, хотя мы были точно так же голодны, как и он. Мистрисс Джемисон сказала, что, она уверена, мы извиним ее, если она прежде даст чаю своему бедному Карлику. Вследствие этого она налила ему полное блюдеч-

ко, и потом сказала нам, как понятно и умно это маленькое животное; он распознавал сливки очень хорошо и никогда не хотел пить чай с молоком. Поэтому молоко было оставлено для нас. Нам оставалось безмолвно думать, что и мы так же понятливы и умны, как Карлик; мы даже почувствовали некоторое оскорбление: нас заставляли любоваться признательностью Карлика, когда он махал хвостом, благодаря за наши сливки.

После чая мы пустились с обыкновенный разговор. Мы были благодарны леди Гленмайр за то, что она предложила еще хлеба с маслом, и эта взаимная потребность познакомила нас с нею гораздо лучше, нежели разговоры о дворе, хотя мисс Поль сказала, что она надеялась узнать, здорова ли королева, от кого-нибудь, кто лично ее видел.

Дружба, начатая за хлебом с маслом, увеличилась за картами. Леди Гленмайр удивительно играла в преферанс и была совершенным авторитетом в ломбере и бостоне. Даже мисс Поль забыла, что нужно говорить: «миледи» и «ваше сиятельство» и сказала: «баста мэм, у вас был, кажется, червонный валет», так же спокойно, как будто никогда не собиралось крэнфордского парламента по случаю приличного способа выразиться с женою пера.

К доказательство, как совершенно мы забыли, что находились в присутствии той, которая могла сидеть за чаем с баронетской короной на голове вместо чепчика, мистрисс Форрестер рассказала любопытное происшествие леди Гленмайр,

анекдот, известный только её коротким друзьям, который даже не был известен мистрисс Джемисон. Он относился к прекрасным старым кружевам, единственному остатку лучшего времени, которыми леди Гленмайр любовалась на воротничке мистрисс Форрестер.

– Да, говорила эта дама – таких кружев теперь не достанешь ни за какие деньги; их делали монахини за границей. Теперь говорят, что нельзя сделать их и там; но, может – быть, теперь могут, после издания закона об эмансипации католиков. Я не удивляюсь, но между тем очень ценю мое кружево. Я не доверяю мыть его даже моей горничной (та бедная девочка, о которой я говорила прежде, но которую госпоже как-то приличнее казалось назвать громким именем горничной); я всегда мою его сама. Вот один раз кружева чуть-чуть не пропали. Разумеется, вашему сиятельству известно, что такие кружева никогда не должно ни крахмалить, ни гладить. Некоторые моют в сахарной воде, а некоторые в кофе, чтоб придать настоящий желтый цвет; но у меня есть очень – хороший рецепт как мыть кружева в молоке; это делает их жесткими и придает им очень хороший сливочный цвет. Ну, вот, мэм, я сшила весь кусок вместе (а красота прекрасного кружева именно и заключается в том, что, когда оно мокро, то занимает очень мало места) и намочила его в молоке; по несчастью, я вышла из комнаты и, воротившись, нашла кошку на столе, которая так и смотрела воровкой и облизывалась как-то неловко, как будто она хотела что-то

проглотить, да не могла. Поверите ли вы? сначала мне было ее жаль и я говорила: «бедная кисочка, бедная кисочка!», но когда, наконец, вдруг взглянула и увидела чашку с молоком пустую до чиста, я воскликнула: «ах, ты, негодная кошка!» и, кажется, я так рассердилась, что ударила ее, а это помогло ей проглотить кружева совсем. Я чуть не заплакала – так мне было досадно, но решила, что не расстанусь с кружевом, не постаравшись его достать. Я надеялась, что кружева по крайней мере стошнит ее, но это вывело бы хоть кого из терпения, когда кошка пришла совершенно спокойно и, мурлыкая через четверть часа после того и почти надеясь, что я ее приласкаю. «Нет, кисочка!» сказала я: «если у тебя есть какая-нибудь совесть, ты не должна этого ожидать!» Вдруг меня поразила одна мысль. Я позвонила и послала горничную к мистеру Гоггину, велела ему кланяться и попросить дать мне сапог на один час. Не думаю, чтоб в этой просьбе было что-нибудь странное, но Дженни сказала, что молодые люди в аптеке хохотали до упада при этой моей просьбе. Мы с Дженни посадили туда кошку, растопырив ей передние ноги, чтоб она не могла нас оцарапать и дали ей чайную ложку смородинного сирона, в которую (ваше сиятельство, извините меня) я примешала немного рвотного. Никогда не забуду, как беспокоилась я целые полчаса. Я взяла кошку в свою спальню и разостлала чистое полотенце на полу. Я чуть было ее не поцеловала, когда она воротила кружева в том же состоянии, в каком они были прежде. Дженни приготовила

кипятку и мы намачивали кружево, намачивали, разложили на кусток на солнце, прежде чем я могла до него дотронуться, чтоб обмокнуть его в молоко. А теперь ваше сиятельство никогда не отгадали бы, что оно было в горле у кошки.

Мы узнали в продолжение этого вечера, что леди Гленмайр приехала надолго к мистрисс Джемисон; она отказала в квартире своей в Эдинбурге и не имела никаких причин спешить воротиться туда. Мы обрадовались, услышав это; она сделала на нас приятное впечатление. Приятно также было узнать из слов, вырвавшихся в продолжение вечера, что, в добавок ко многим привлекательным качествам, она отдалена от пошлости быть богатой.

– Неужели вам не кажется неприятно идти пешком? спросила мистрисс Джемисон, когда доложили о приходе наших служанок.

Это был всегдашний вопрос мистрисс Джемисон, у которой стоял свой экипаж в сарае и которая даже на самые короткие расстояния иначе не отправлялась, как в портшезе. Ответы были таковы, как бывали всегда:

– О нет! какая приятная и спокойная ночь!

– Так хорошо освежиться после комнатного жара!

– Звезды так прекрасны!

Эти последние слова сказала мисс Мэтти.

– Вы любите астрономию? спросила леди Гленмайр.

– Не очень, возразила мисс Мэтти несколько смутившись, потому что в эту минуту не могла вдруг припомнить, что та-

кое астрономия и что астрология; но ответ был справедлив и в том и в другом обстоятельстве, потому что она читала и несколько страшилась астрологических предсказаний Френсиса Мура; а что касается до астрономии, то в тайном откровенном разговоре она сказала мне, что никогда не может поверить, будто земля постоянно вертится и даже не хочет верить, если б и могла, и утомляется до головокружения, когда думает об этом.

Надев калоши добрались мы до дому с необыкновенной осторожностью. Так утончены и деликатны были наши ощущения после того, как мы пили чай с миледи.

IV. Синьор Брунони

Вскоре после происшествия, которое я описала в прошедшей главе, я была отозвана домой болезнью отца, и на некоторое время забыла о том, что делается с моими любезными крэнфордскими друзьями, и как леди Гленмайр могла помириться с скукой своего долгого пребывания у невестки своей, мистрисс Джемисон. Когда батюшке сделалось легче, я провожала его в один приморской город, так что казалась изгнанною из Крэнфорда и лишенною случая узнать что-нибудь о милом городке большую часть этого года.

В конце ноября, когда мы вернулись домой и батюшка опять находился в добром здоровье, я получила письмо от мисс Мэтти и письмо претаинственное. Она начинала и не оканчивала множества фраз, смешивая их одну с другою. Я могла только понять, что если батюшке лучше (она надеялась, что ему лучше), то ему необходимо будет беречься и носить теплую бекеш от дня св. архангела Михаила до Успения. Она писала также, могу ли я сказать: в моде ли тюрбаны? Одно веселое празднество должно случиться, какого никогда не видели и не знали с-тех-пор, как были уомбмельские львы¹¹, и один из них съел руку ребенка; она, может быть, слишком стара, чтоб заботиться о нарядах, но новый чепчик ей непременно нужен; а слыша, что тюрбаны в мо-

---

¹¹ Уомбмелль – содержатель зверинца.

де и многие из графских фамилий собираются приехать, ей хотелось бы быть прилично-одетой, и она просит меня привезти ей чепчик от той модистки, у которой я покупаю. Ах, Боже мой! какая небрежность с её стороны: она забыла, что пишет мне именно затем, чтоб просить меня, приехать к ней в следующий вторник; она надеется тогда предложить мне нечто для увеселения; она теперь не будет подробно описывать увеселение, а только прибавляет, что светло-зеленый цвет её любимый. Таким образом кончила она свое письмо; но в P. S. прибавила, что может уведомить меня об особенной привлекательности Крэнфорда в настоящее время; сеньор Бруони будет показывать удивительные фокусы в залах крэнфордского собрания в среду или в пятницу вечером на следующей неделе.

Я была очень рада принять приглашение от моей милой мисс Мэтти, независимо от фокусника, и мне очень хотелось не допустить ее обезобразить свое крошечное, кроткое личико огромным турецким тюрбаном. Согласно этому желанию, я купила ей хорошенький чепчик, приличный для пожилой женщины, который однако сильно разочаровал ее, когда, при моем приезде, она пошла за мною в мою спальню, как будто затем, чтоб помешать огонь в камине, но на самом деле для того, я полагаю, чтоб посмотреть, не находится ли в моем чемодане светло-зеленый тюрбан. Напрасно повертывала я чепчик со всех сторон и сзади и сбоку: сердце её жаждало тюрбана, и она могла только сказать с покорностью

судьбе и в голосе и взгляде:

– Я уверена, что вы исполнили все, как только можно лучше, душенька. Это совершенно такой чепчик, как носят все крэнфордские дамы, а они, позвольте сказать, покупали их уже год назад. Мне хотелось бы, признаюсь, что-нибудь поновее, что-нибудь более похожее на тюрбаны, которые, как говорит мисс Бетти Баркер, носит королева Аделаида; но чепчик прехорошенький, душенька. И, признаться сказать, этот цвет прочнее светло-зеленого. Да впрочем, зачем заботиться о парадах? Вы скажите мне, не нужно ли вам чего-нибудь, душенька. Вот здесь колокольчик. Я полагаю, тюрбаны не дошли еще до Дрёмоля?

Говоря таким образом, милая старушка с тихой горестью вышла из комнаты, оставив меня одеваться к вечеру; она ожидала мисс Поль и мистрисс Форрестер и надеялась, что усталость не помешает мне присоединиться к ним. Разумеется, я поспешила, разобраться и одеться, но, несмотря на всю мою торопливость, я слышала приезд и шептанье в соседней комнате прежде, чем была готова. Когда я отворила дверь, до меня долетели слова: «Я имела глупость ожидать чего-нибудь порядочного из дрёмбльских лавок... бедная девушка! она сделала все, что только могла, я не сомневаюсь;» но, несмотря на все это, мне было приятнее, чтоб она бранила и Дрёмбль и меня, чем обезобразила себя тюрбаном.

Мисс Поль из трех собравшихся теперь крэнфордских

дам были более всего известны все городские новости. Она имела привычку проводить утро бродя из лавки в лавку не затем, чтоб купить что-нибудь (исключая разве катушки бумаги или куска тесемки), но чтоб посмотреть на новые товары, рассказать о них и собрать все городские вести. Она умела так прилично соваться куда ни попало, где только могла удовлетворять свое любопытство, умела таким образом, что если б не казалась аристократкою по своему званию, могла бы показаться дерзкою. Теперь, по той выразительности, с которой она прокашливалась и ждала, когда прекратится разговор о всех ничтожных предметах (таких, например, как чепчики и тюрбаны), мы знали, что она хочет рассказать что-нибудь особенное. Наконец наступила продолжительная пауза. Я надеюсь, что нет человека, обладающего приличной скромностью, который мог бы поддерживать длинный разговор, когда кто-нибудь сидит рядом с вами, молча, смотря свысока на все, что говорят, как пошлое и достойное презрения в сравнении с тем, что он может рассказать, если только его хорошенько попросят. Мисс Поль начала:

– Когда я выходила сегодня из лавки Гордона, мне вздумалось пойти в гостиницу Сен-Джорджа (у моей Бетти там родственница горничной, и я подумала, что Бетти будет приятно узнать о её здоровье). Не встретив никого, я взобралась на лестницу и очутилась в сенях, ведущих в залу собрания (мы с вами, конечно, помним залу собрания, мисс Мэтти, и придворные менуэты). Вот я иду, не думая о том, где

я, как вдруг примечаю приготовления к завтрашнему вечеру; комната разделена большой перегородкой, которую три обойщика Кросби обивали красной фланелью; это казалось, что-то темно и странно и так меня изумило, что я, в своей рассеянности, пошла за ширмы, когда какой-то джентльмен (настоящий джентльмен, могу вас уверить) подошел ко мне и спросил, что мне угодно приказать ему. Он говорил таким милым, неправильным английским языком, что мне представилось не Таддеус ли это, или венгерский брат или Санто-Себастиани; покуда я воображала себе его прошедшую жизнь, он с поклоном вывел меня из комнаты. Но погодите-ка! Вы еще половины моей истории не знаете. Я сходила с лестницы, когда встретила с родственницей Бетти. Разумеется, я остановилась поговорить с нею о Бетти, и она сказала мне, что я точно видела фокусника. Джентльмен, который неправильно говорил по-английски, был сам синьор Брунони. Именно в эту минуту проходил он мимо нас по лестнице и сделал преграционный поклон, в ответ на который я тоже сделала ему книксен: у всех иностранцев такие учтивые манеры, что поневоле заимствуешь от них. Когда он сошел вниз, я вспомнила, что уронила перчатку в зале собрания (она была в моей муфте все это время, и я нашла ее уж после). Я воротилась назад и, прокрадываясь в проходе, оставленном большой перегородкой, которая разделяет почти всю залу, кого увидела я там? Того самого джентльмена, которого я встретила только что перед этим, который

прошел мимо меня по лестнице, а теперь являлся из внутренней части комнаты, куда совсем нет хода – помните мисс Мэтти! и повторил тем же самым милым, неправильным английским языком: что мне угодно, только совсем не так грубо. Казалось он не хотел пропускать меня за перегородку. Я объяснила ему, что пришла за перчаткой, которую, довольно Впрочем странно, я нашла именно в эту минуту.

Мисс Поль, стало-быть, видела колдуна, настоящего живого колдуна! Как многочисленны были вопросы, сделанные ей всеми нами:

- Носит он бороду?
- Молод или стар?
- Блондин или брюнет?
- Какой наружности?

Короче, мисс Поль была героиней вечера, благодаря своей утренней встрече.

Колдовство, фокусы, волшебство, чародейство составляли главные предметы разговора во весь вечер. Мисс Поль была немного скептиком и наклонна думать, что даже поступки каждого чародея можно решить ученым образом. Мистрисс Форрестер верила всему, начиная от привидений до домовых. Мисс Метти держала середину между обеими, всегда склоняясь на убеждения последней. Думаю, что она внутренне склонялась более на сторону мистрисс Форрестер; но желание показаться достойною сестрою мисс Дженкинс заставляло ее удерживать равновесие. Мисс Дженкинс, нико-

гда не позволяла служанке называть сальные кружочки, образующиеся вокруг свечек, «саваном», но приказывала говорить просто кружочки. И её сестра будет суеверной! Нет это невозможно.

После чаю меня отправили вниз за тем томом старой энциклопедии, в котором находятся существительные имена, начинающиеся с буквы С. для того, чтоб мисс Поль могла почерпнуть оттуда ученые объяснения к фокусам следующего вечера. Это помешало партии преферанса, которую мисс Мэтти и мистрисс Форрестер имели в виду, потому что мисс Поль погрузилась в свой предмет и в гравюры, которыми книга была иллюстрирована, а нам показалось жестоким мешать ей. Только двумя или тремя зевками, которых я не могла удержать, старалась выразить я скуку, потому что действительно была тронута той кротостью, с какою обе дамы переносили свое обманутое ожидание; но мисс Поль читала от этого только усерднее, и не сообщала нам интересных сведений, как урывками:

– А, вижу; совершенно понимаю. А представляет шарик. Поставьте А между Б и Д... Нет! между Е и И и поверните второй сустав третьего пальца вашей левой руки над кистью вашей правой И. Точно, очень ясно. Милая мистрисс Форрестер колдовство и волшебство дело простой азбуки. Позвольте прочесть вам одно это место?

Мистрисс Форрестер умоляла мисс Поль избавить ее, говоря, что с детства она не могла понимать, когда читают

вслух, а я выронила из рук карты, которые тасовала очень громко, и этим скромным движением принудила мисс Поль заметить, что нынешний вечер назначено было состояться преферансу, и предложить несколько неохотно не начать ли пульку – какая приятная веселость засияла при этом на лицах двух дам! Мисс Мэгги почувствовала некоторое угрызение совести, зачем прервала ученое занятие мисс Поль, и не помнила хорошо карт, не обращала полного внимания на игру до тех пор, пока не успокоила своей совести. Она предложила мисс Поль взять домой этот том энциклопедии, и мисс Поль приняла его с признательностью и сказала, чтоб Бетти взяла его домой, когда та пришла за нею с фонарем.

На следующий вечер мы все находились в некотором смятении при мысли об ожидающей нас веселости. Мисс Мэтти ушла одеваться заблаговременно, торопила меня, и нам пришлось дожидаться полтора часа, потому что двери открывались ровно в семь, а нам предстояло идти лишь несколько сажень! Однако, как говорила мисс Мэтти, не следует слишком погружаться во что бы то ни было и забывать время; поэтому она думает, что мы сделаем лучше, если просидим спокойно, не зажигая свеч до семи часов без пяти минут. Мисс Метти дремала, а я вязала.

Наконец мы отправились и у подъезда встретили мистрисс Форрестер и мисс Поль. Мисс Поль рассуждала все о том же предмете, только с большим жаром, чем прежде, и закидала нас азами и буками, как градом. Она даже списала

несколько рецептов, как она выражалась, различных фокусов. Эти рецепты были записаны на обороте конвертов, чтоб быть наготове уличить синьора Брунони.

Мы вошли в переднюю, смежную с залой собрания; мисс Мэтти несколько раз вздохнула о своей минувшей юности, вспомнив последний раз, когда она была здесь, и поправила свой хорошенький новый чепчик перед странным старомодным зеркалом, в передней. Зала собрания была пристроена к гостинице, около ста лет тому, несколькими графскими фамилиями, собиравшимися в этой самой комнате раз в месяц зимою потанцевать и поиграть в карты. Не одна знатная красавица отличалась здесь в менуэте, который она танцевала после перед королевой Шарлоттой. Говорили, что одна дама, из фамилии Генингс, украшала эту комнату красотой своей; а всем было известно, что богатая и прелестная вдова, леди Уильямс прельстилась здесь благородной фигурой юного артиста, жившего учителем в каком-то семействе по соседству и сопровождавшего своих хозяев в крэнфордское собрание. И славное сокровище достала себе леди Уильямс в особе своего красивого супруга, если все рассказы справедливы. А теперь никакая красавица не зарумянивалась и не улыбалась в зале крэнфордского собрания; никакой красивый артист не прельщал сердца своим поклоном с *chapeau bras* в руках: старая комната была темна; палевая краска стен превратилась в дикую; большие куски штукатурки отвалились от белых панелей и фестонов стен; но еще заплесневе-

лый запах обитал в этом месте и смутное воспоминание об исчезнувших днях заставило мисс Метти и мистрисс Форрестер выпрямиться при входе и жеманно пройти по комнате, как будто бы тут было множество благородных зрителей вместо двух маленьких мальчиков с пряниками в руках для препровождения времени.

Мы остановились у второго ряда; я не могла хорошенько понять зачем, до тех пор, пока не услышала, как мисс Поль спрашивает проходящего слугу: ждут ли кого-нибудь из графских фамилий? Когда слуга покачал головой, говоря этик, что нет, мистрисс Форрестер и мисс Мэтти подвинулись вперед. Передний ряд скоро увеличился и обогатился леди Гленмайр и мистрисс Джэмисон. Мы вшестером занимали два передние ряда и наше аристократическое *a parte* было уважено толпами лавочников, входивших в залу время от времени, и теснившихся на задних скамейках. По крайней мере я так заключила по шуму, с которым они опускались на свои места. Но когда мне надоело смотреть на упрямую старую занавесь, которая не хотела подниматься, и вместо того оставилась на меня парой двух странных глаз, выглядывавших сквозь щель, я чуть было не обернулась назад на весело болтавший народ. В это время мисс Поль схватила меня за руку и просила не оборачиваться, потому что это неприлично; что было «прилично», я ни как не могла узнать, но должно быть что-нибудь необыкновенно скучное и утомительное. Мы все, однако, сидели вытянувшись в струнку, уставив гла-

за вперед на мучительную занавесь и говоря чуть слышно: до того мы боялись быть уличенными в неблагопристойности. Мистрисс Джемисон была счастливее всех, потому что она заснула.

Наконец глаза исчезли, занавес зашевелился, одна сторона его поднялась выше другой, которая стояла упорно, и потом вдруг упал, потом опять поднялся и с новым усилием, и от мощного взмаха невидимой руки взлетел наверх, представив нашим взорам величественного джентльмена в турецком костюме, сидящего перед небольшим столиком и смотрящего на нас (я побожилась бы, что теми же самыми глазами, которые я видела сквозь дырку занавеса). Он смотрел спокойно и с снисходительным достоинством «подобно существу из другой сферы», как чей-то sentimentalный голос, произнес позади меня.

– Это не синьор Брунони! сказала решительно мисс Поль, и так громко, что, я уверена, он слышал непременно, потому что взглянул через свою развевающуюся бороду на наш кружок с видом немого упрека. – У синьора Брунони бороды не было, но, может быть, он явится скоро.

И она принудила себя к терпению. Между тем, мисс Мэтти делала рекогносцировку сквозь зрительную трубку, вытерла ее и опять начала глядеть, потом обернулась и сказала мне ласковым, кротким, но грустным тоном:

– Видите, душенька, тюрбаны еще носят.

Для дальнейшего разговора мы не имели времени. Турец-

кий султан, как мисс Поль заблагодарассудилось назвать его, встал и отрекомендовался синьором Брунони.

– Я ему не верю! воскликнула мисс Поль, недоверчивым тоном.

Он взглянул на нее опять с тем же самым упреком оскорбленного достоинства.

– Не верю! повторила она, еще положительнее, чем прежде. – У синьора Брунони не было этой мохнатой вещи около подбородка, он был выбрит чисто, как настоящий джентльмен.

Энергическая речь мисс Поль произвела спасительное действие на мистрисс Джемисон, которая широко раскрыла глаза в знак глубочайшего уважения, что заставило замолчать мисс Поль, а турецкого султана заговорить. Он заговорил на самом несвязном английском языке, таком несвязном, что не было никакого смысла между отдельными частями его речи – обстоятельство, которое он сам заметил наконец, и потому, оставив разговор, начал действовать.

Теперь мы были удивлены. Как он делал свои фокусы, я не могла понять, даже когда мисс Поль вытасила лоскутки бумажки и начала читать громко, или по крайней мере очень слышным шепотом отдельные рецепты для самых обыкновенных фокусов. Я никогда не видала таких нахмуренных бровей и такого яростного взгляда, с каким турецкий султан уставился на мисс Поль; но, как она говорила, можно ли было ожидать порядочных взглядов от мусульма-

нина? Если мисс Поль оставалась скептиком и больше занималась своими рецептами и чертежами, чем его фокусами, мисс Мэтти и мистрисс Форрестер находились в величайшем недоумении и мистификации. Мистрисс Джемисон то-и-дело снимала и вытирала очки, как будто предполагала в них какой-нибудь недостаток, который был причиной фокуса, а леди Гленмайр, которая видела много любопытных вещей в Эдинбурге, была очень изумлена фокусами; она никак не хотела согласиться с мисс Поль, которая объявляла, что всякий может сделать то же самое с небольшим навыком, и что даже она сама успела бы сделать все, что он делал, почитав часа два энциклопедию и постаравшись сделать гибким свой средний палец.

Наконец мисс Мэтти и мистрисс Форрестер были приведены в совершенный ужас, начали шептаться между собой, и так как я сидела позади их, то и не могла не слышать о чем они говорили. Мисс Мэтти спрашивала мистрисс Форрестер: «как она думает: хорошо ли приезжать смотреть на такие вещи? Она боится, не одобряют ли они то, что не совсем...» Легкое качанье головой дополнило остальное. Мистрисс Форрестер отвечала, что та же мысль поразила её ум, что она чувствует себя очень неловко: «все это так странно». Она была совершенно уверена, что в этом хлебе именно её носовой платок, а он был в собственных её руках не далее, как за пять минут перед этим. Она желала бы знать, у кого взят этот хлеб? Она уверена, что не у Декина, который ведь

церковный староста! Вдруг мисс Мэтти обернулась ко мне:

– Пожалуйста посмотрите, душенька: – вы в здешнем городе приезжая, и это не возбудит неприятных толков – пожалуйста посмотрите, не здесь ли мистер Гейтер? Если он здесь, я думаю, мы можем заключить, что в этом удивительном человеке нет ничего опасного и меня это очень облегчит.

Я посмотрела и увидела высокого, худощавого, сухого, запыленного учителя, окруженного учениками из уездного училища и стрегомого толпой мужчин от приближения крэнфордских девиц. Доброе лицо его сияло улыбкой, а мальчишки, окружавшие его, заливались хохотом. Я сказала мисс Мэтти, что учитель улыбается одобрительно, и это сняло тяжесть с её совести.

Я ничего не упоминала о мистере Гейтере, потому что я, счастливая молодая женщина, никогда не имела с ним никакого дела. Он был старый холостяк и боялся разных толков, как семнадцатилетняя девушка; скорее готов был броситься в лавку или прокрасться в какую-нибудь дверь, нежели встретиться с крэнфордской дамой на улице; а что касается до вечеринок, то я не удивляюсь, что он не принимал на них приглашения. Сказать по правде, я всегда подозревала, что мисс Поль весьма сильно гонялась за мистером Гейтером, когда он сначала приехал в Крэнфорд; а теперь она, казалось, разделяла так живо его боязнь, чтоб её имя не произносилось вместе с его именем. Его интересовали только бедные и несчастные; он угостил школьных мальчиков в этот вечер

представлением фокусника, и как доброе дело не остается без вознаграждения, то они и охраняли его направо, налево, кругом, как будто он пчелиная матка, а они – рой пчел. Гейтер чувствовал себя до того безопасным, окруженный таким образом, что мог даже быть в состоянии сделать нашему обществу поклон, когда мы выходили. Мисс Поль не знала о его присутствии и делала вид, будто совершенно занята разговором с нами, будто она убеждает нас, что мы были обмануты и видели совсем не синьора Брунони.

V. Страх

Мне кажется, что целый ряд происшествий начался с приезда синьора Бруони в Крэнфорд, происшествий, которые в то время соединялись с ним в наших мыслях, хотя я не знаю, какое отношение он мог иметь к этим происшествиям. Вдруг разные беспокойные слухи начали разноситься по городу. Было два или три воровства, настоящих воровства *bona fide*; воров поймали, привели к судьям, допросили и посадили в тюрьму: это так напугало нас, что мы все стали бояться, чтоб нас не обокрали. Долгое время у мисс Мэтти мы делали регулярный обход кругом кухни и в чуланы; каждый вечер мисс Мэтти предводительствовала отрядом, сама вооруженная кочергой; я шла за нею с чумичкой, а Марта с лопатой и кочергой, чтоб забить тревогу. Нечаянно ударив кочергу о лопату, она часто пугала нас до того, что мы забирались под замком все трое или в кухню, или в чулан, или куда бы ни попало, и сидели там до тех пор, пока испуг наш не проходил и мы, опамятовшись, не выходили вооруженные снова двойным мужеством. Днем мы слышали странные истории от лавочников и мызников о повозках, запряженных лошадьми, подкованными войлоком, и провожаемых в глухой тишине ночи, людьми в черном платье, шатавшихся по городу, без сомнения, затем, чтоб подсмотреть какой-нибудь дом без сторожа или незапертую дверь.

Мисс Поль, выставявшая себя необыкновенно храброй, первая собирала и пересказывала эти слухи, придавая им самый страшный характер. Но мы узнали, что она выпросила у мистера Гоггинса старую шляпу, повесила ее в сенях и мы (по крайней мере я) сомневались, будет ли так весело, как она сказала, если дом её разломают. Мисс Мэтти не скрывала, что она страшная трусиха, аккуратно производила свой осмотр по дому, и только время для этого выбирала все раньше-и-раньше, пока, наконец, мы начали ходить рундом в половине седьмого, а мисс Мэтти ложилась в постель вскоре уж после семи, «чтоб ночь прошла скорее».

Крэнфорд так долго хвалился своей репутацией честного и нравственного города, воображал себя до того благородным и аристократическим, что не понимал, как можно сделаться другим, и потому в это время вдвойне почувствовал пятно на своем характере. Но мы успокаивали себя, что эти воровства производились не крэнфордскими жителями; должно быть, это какие-нибудь приезжие навлекли беду на наш город и заставили принимать такие предосторожности, как будто мы жили между краснокожими индийцами, или французами.

Это последнее сравнение было сделано мистрисс Форрестер, которой отец служил под начальством генерала Бургоэня в американской войне и которой муж убивал французов в Испании. Она действительно склонна была к той мысли, что некоторым образом французы были замешаны в

небольших покражах, и в грабежах, о которых только носились слухи. В одно время её жизни, на нее сделала глубокое впечатление мысль о французских шпионах, и эта мысль никогда не искоренялась из неё, но проявлялась время от времени. А теперь её мнение было вот какое: крэнфордский народ слишком уважал себя и был слишком благодарен аристократам, которые удостоивали жить так близко от города, чтоб унижить себя бесчестьем и безнравственностью; следовательно мы должны верить, что воры были не здешние жители, а чужие; если же чужие, то почему не иностранцы? Если иностранцы, кто же более, как не французы? Синьор Брунони говорил по-английски неправильно, как француз; и хотя он носил тюрбан, как турок, но мистрисс Форрестер видела на портрете мадам де-Сталь в тюрбане, а на другом портрете мистера Денон в такой точно одежде, в какой явился наш колдун. Это доказывает ясно, что французы также, как и турки, носят тюрбаны: стало-быть нечего сомневаться, синьор Брунони француз и шпион, приехавший разузнать слабые и незащитные места в Англии. С своей стороны, она, мистрисс Форрестер, была себе на уме насчет приключения мисс Поль в доме собрания, где та видела двух человек, когда мог быть только один: французы всегда употребляют такие способы и средства, о которых, слава Богу, англичане и понятия не имеют, и ей всегда так тяжело было на сердце, зачем она поехала смотреть этого колдуна. Короче, мистрисс Форрестер была так взволнована, как мы никогда её не ви-

дали, и разумеется, мы держались её мнения, как дочери и вдовы офицера.

Право я не знаю насколько были справедливы или ложны рассказы, носившиеся в это время, как блуждающие огни; но мне казалось тогда, что невозможно не верить таким слухам, например: в Мэрдоне (маленьком городке около восьми миль от Крэнфорда) в дома и лавки влезали в дыры, сделанные в стенах, камни безмолвно вынимались в тишине глухой ночи и все делалось так спокойно, что ни одного звука не было слышно ни внутри, ни вне дома. Мисс Мэтти махнула рукой, услышав об этом.

– Какая польза, говорила она, запирать двери на запор, привешивать колокольчики к ставням и обходить дом каждую ночь? Эта последняя штука воров была достойна фокусника. Теперь она верит, что синьор Брунони главный зачинщик всему.

В один вечер, часов около пяти, мы были испуганы торопливым ударом в дверь. Мисс Мэтти просила меня сбегать и сказать Марте ни под каким видом не отворять двери до тех пор, куда она (мисс Мэтти) не разузнает в окно, кто это такой; вооружившись скамейкой, чтоб бросить ее на голову гостю, в случае, если он покажет лицо, покрытое черным крепом, она не получила в ответ на свой вопрос: «кто там?» ничего, кроме поднятой головы! Это были никто другие, как мисс Поль и Бэтти. Первая вошла наверх, с маленькой корзинкой в руках, и очевидно находилась в состоянии

величайшего волнения:

– Осторожнее! сказала она мне, когда я предложила ей освободить ее от корзинки: – это мое серебро. Я уверена, что на мой дом нападут воры сегодня ночью. Я пришла просить вашего гостеприимства, мисс Мэтти. Бэтти идет ночевать у своей родственницы в гостинице Сен-Джоржа. Я могу просидеть здесь всю ночь, если только вы мне позволите; мой дом так далек от всякого соседства, что нас не услышат оттуда, если б мы кричали во все горло.

– Что вас напугало так? сказала Мисс Мэтти. – Разве вы видели, что кто-нибудь шатался около вашего дома?

– Да! да! отвечала мисс Поль. – Два преподозрительные человека три раза прошли тихонько мимо дома; а одна нищая ирландка, только за полчаса перед этим чуть-чуть не воорвалась насильно помимо Бэтти, говоря, что дети её умирают с голода и она должна поговорить с госпожой. Видите, она сказала «госпожой,» хотя в передней висит мужская шляпа и гораздо естественнее было бы сказать с господином. Но Бэтти захлопнула дверь ей под носом, и пришла ко мне; мы собрали ложки и сели поджидать у окна в гостиной, покуда не увидали Томаса Джонса, возвращавшегося с работы, подзвали его и просили проводить нас в город.

Мы могли бы торжествовать над мисс Поль, которая показывала такую храбрость до тех пор, покуда сама не перепугалась; но были так рады, приметив, что она разделяет человеческие слабости, что не имели духу высказать свое тор-

жество над ней. Я отдала ей мою комнату весьма охотно и разделила постель мисс Метти на эту ночь. Но прежде, чем мы удалились, обе дамы вытащили из архивов своей памяти такие страшные истории о грабежах и убийствах, что я тряслась с головы до ног. Мисс Поль очевидно заботилась доказать, что такие страшные приключения случились на её глазах, и она была права в своем внезапном настоящем страхе, а мисс Мэтти не хотела позволить превзойти себя и придумывала одну историю страшнее другой. Это напомнило мне довольно странно одну старую историю, которую я где-то читала «о соловье и музыканте», которые старались доказать друг другу, кто из них споет лучше, до тех пор, пока бедный соловей не повалился мертвый.

Одна из историй, не дававшая мне покоя, долгое время спустя, рассказывалась о девушке, оставленной для присмотра в одном большом доме в Кумберланде, в какой-то ярмарочный день, когда другие слуги все ушли на гулянье. Хозяйева находились в Лондоне. Пришел разносчик и попросил оставить свой огромный и тяжелый тюк в кухне, говоря, что он придет за ним опять вечером; а девушка (дочь лесовщика), искавшая чем-нибудь позабавиться, случайно как-то наткнулась на ружье, висевшее в передней, и сняла его, чтоб посмотреть поближе. Ружье выстрелило в открытую дверь кухни, попало в тюк и струя темной крови медленно просочилась оттуда. (С каким наслаждением мисс Поль рассказывала эти подробности, останавливаясь на каждом слове, как

будто ей это нравилось!) Она несколько торопливо досказала конец о храбрости девушки и во мне осталось только смутное воспоминание, как дочь лесовщика победила воров утюгами, раскаленными докрасна, которые потом почернели поутюжив сало на теле воров.

Мы расстались на ночь со страхом, желая узнать, что мы услышим утром, и с моей стороны с сильнейшим желанием провести скорей ночь: я боялась, чтоб вору вдруг не появились из какого-нибудь темного потайного уголка, потому что мисс Поль принесла к нам свое серебро, и это было двойным поводом к нападению на наш дом.

Но до прихода леди Гленмайр на следующий день, мы не слышали ничего необыкновенного. Кухонные кочерги находились точно в том же положении, как мы с Мартой искусно поставили их вечером, то есть мы приставили их к двери так, что они готовы были упасть с страшным брэнчаньем, хоть бы только кошка дотронулась до наружной стороны двери. Мне сильно хотелось знать, что бы мы делали, если б это разбудило и испугало нас. Я предложила мисс Мэтти прятать наши головы под простыни так, чтоб вору не могли подумать, что мы узнаем их после в лицо; но мисс Мэтти, сильно дрожавшая, отвергла эту мысль, говоря, что наш долг, в отношении к обществу, поймать их и что она, конечно, употребит все силы их захватить и запереть на чердаке до утра.

Когда пришла леди Гленмайр, мы почувствовали зависть к ней. На дом мистрисс Джемисон действительно было сде-

лано нападение; по крайней мере на цветочных грядках, под кухонными окнами остались мужские следы, где им не следовало быть, и Карлик лаял целую ночь, как будто чужие были на дворе. Мистрисс Джемисон разбудила леди Гленмайр и они позвонили в колокольчик, проведенный в комнату мистера Мёллинера, в третьем этаже; и когда голова его явилась в ночном колпаке из-за перил в ответ на призыв, они сказали ему о своем испуге и его причине. Вследствие этого мистер Меллинер удалился в свою спальню и запер дверь (боясь сквозного ветра, как он объяснил утром); за-то он отворил окно и начал храбро вызывать воров, говоря, что если они подойдут к нему, то он убьет их. Но, справедливо заметила леди Гленмайр, это было слабым успокоением для женщин, так как воры должны были сперва проходить через комнаты мистрисс Джемисон и её, чтоб добраться до него, и должны были находиться в весьма драчливом расположении, чтоб, не обратив внимания на неохранные нижние этажи, пробраться в чердак, а оттуда, проломив дверь, пройти в комнату главного храбреца в доме. Леди Гленмайр, подождав и прислушиваясь несколько времени в гостиной, предложила мистрисс Джемисон опять лечь в постель; но дама эта сказала, что не может быть спокойна, если не посидит и не послушает еще; вследствие чего она прилегла, закутавшись, на диван, где и нашла ее горничная в глубоком сне, войдя в комнату в шесть часов утра, а леди Гленмайр легла в постель и не спала всю ночь.

Выслушав это, мисс Поль покачала головой с великим удовольствием. Она была уверена, что мы услышим о каком-нибудь происшествии в Крэнфорде в эту ночь, и мы услышали. Было ясно, что воры сначала намеревались напасть на её дом; но когда увидели, что мисс Поль с Бетти приняли предосторожности и вынесли серебро, воры переменили план и отправились к мистрисс Джемисон, и неизвестно, что могло бы случиться, если б не залаял Карлик, как и следует верной собаке!

Бедный Карлик! прекратился скоро его лай. Испугалась ли его шайка, тревожившая наши окрестности, или они, отомстив ему за то, что он расстроил их планы в эту ночь, отравили его; или, как многие необразованные люди думали, он околел от апоплексического удара, причиненного слишком сильным обжорством и слишком малым движением; по крайней мере верно то, что через два дня после этой, исполненной приключениями ночи, Карлика нашли мертвым.

Ножки его были вытянуты прямо, как будто он приготовлялся бежать, чтоб этим необыкновенным усилием уйти от неизбежного преследователя – смерти.

Мы все жалели о Карлике, старом друге, лаявшем на нас в продолжение стольких лет, и таинственная причина его смерти очень нас беспокоила. Не синьор ли Брунони был виновником этого? Он убивал канарейку одним словом, воля его была силой страшной; кто знает, не оставался ли он в наших окрестностях затем, чтоб замышлять разного рода ужа-

сы!

Мы перешептывались по вечерам друг с другом об этих предположениях, но мужество наше возвращалось с рассветом, и через неделю мы совершенно оправились от удара, причиненного смертью Карлика, все, кроме мистрисс Джемисон. Ей, бедняжке, казалось, что она не чувствовала большего огорчения с самой смерти её мужа; а мисс Поль говорила даже, что так как его сиятельство, мистер Джемисон, сильно попивал и причинял своей супруге не мало неприятностей, то очень может быть, что смерть Карлика была для неё прискорбнее. Но замечания мисс Поль отзывались всегда некоторым цинизмом. Однако, было ясно и верно одно: мистрисс Джемисон нуждалась в какой бы то ни было перемене; мистер Мёллинер выражался весьма торжественно на этот счет, качал головой, когда мы осведомлялись о госпоже его, и говорил с зловещим видом, что она потеряла аппетит и страждет бессонницей. И несправедливости, в её естественном состоянии здоровья были две отличительные черты: способность есть и спать. Если она не могла ни спать ни есть, то действительно должна была находиться и в расстроенном духе и в расстроенном здоровье.

Леди Гленмайр, которой, казалось, очень нравилось в Крэнфорде, не понравилась мысль об отъезде мистрисс Джемисон в Чельтенгэм, и она несколько раз выражалась довольно ясно, что причиной всему этому мистер Мёллинер, который перепугался во время нападения воров и с-тех-пор говорил

не раз, что он считает большой ответственностью взять на себя защиту такого множества женщин. Как бы то ни было, мистрисс Джемисон отправилась в Чельтенгэм в сопровождении мистера Мёллинера, а леди Гленмайр осталась распоряжаться в доме; ей поручена была забота о том, чтоб служанки не обзавелись поклонниками. Она была преприятной надсмотрщицей, и как только решено было ей остаться в Крэнфорде, она нашла, что лучше отъезда мистрисс Джемисон в Чельтенгэм ничего нельзя было вообразить. Она оставила дом свой в Эдинбурге; покамест у ней не было квартиры и присмотр за комфортабельным жилищем невестки был для неё очень удобен и приятен.

Мисс Поль очень хотелось самой сделаться героиней по случаю решительного поступка, предпринятого ею, когда она убежала от двух мужчин и одной женщины, названных ею: «смертоубийственной шайкой». Она описывала их появление яркими красками, и я заметила, что каждый раз, начиная сызнова рассказ, она прибавляла новую ужасную черту. Один был высокий и очутился наконец гигантом, прежде чем мы с ним разделались; у него, разумеется, были черные волосы и через несколько времени волосы его висели уж косматыми прядями по лбу и по спине. Другой был низенький и толстенький, и на спине его вырос горб прежде, чем мы перестали о нем говорить; волосы у него были рыжие, превратившиеся мало-помалу в красные; к тому же мисс Поль почти была уверена, что он был кос на один глаз, решитель-

но кос. Что касается до женщины, то глаза её сверкали и вид у ней был совершенно мужской; вероятно, это был мужчина, переодетый в женское платье: впоследствии мы слышали уже о бороде, мужском голосе и мужской походке бородатой женщины.

Если мисс Поль с наслаждением рассказывала приключение всем, кто ее спрашивал, за-то другие не так гордились своими приключениями по части воровства. На мистера Гоггинса, доктора, напали у собственной его двери два разбойника и так сильно зажали ему рот, что обобрали его, покуда он успел дернуть за колокольчик, а служанка отворить дверь. Мисс Поль была уверена, что это воровство совершили именно те люди, которых она видела; она отправилась в этот же самый день сначала показать свои зубы, а после расспросить мистера Гоггинса о воровстве. Затем она пришла к нам и мы услышали то, что она знала из верного источника. Мы не оправились еще от смятения, причиненного нам происшествием прошлого вечера.

— Ну, вот! сказала мисс Поль, садясь с решимостью особы, которая привела в порядок свои мысли о природе, жизни и свете (а такие люди никогда не ходят тихой походкой и никогда не садятся без шума). Ну, мисс Мэтти, мужчины всегда будут мужчинами. Каждый желает прослыть Самсоном и Соломоном вместе, слишком сильным, чтоб быть побежденным, слишком мудрым, чтоб быть перехитренным. Если вы заметили, то они всегда предвидят происшествия, хотя

никогда не предостерегут прежде; отец мой был мужчина и я знаю этот пол очень хорошо.

Она едва переводила дух, говоря эту речь, и мы рады были дополнить последовавшую затем паузу, но не знали наверно, что сказать и какой мужчина внушил это разглагольствование; поэтому мы только согласились вообще, важно покачав головою и тихо прошептав:

– Конечно, понять их весьма трудно.

– Теперь подумайте только, сказала она: – я подвергалась опасности потерять один из своих последних зубов, потому что всегда зависишь от зубного врача, и я по крайней мере всегда льщу им, пока не освобожу свой рот из их лап. А мистер Гоггинс на этот счет совершенный мужчина и не признается, что его обокрали в прошлую ночь.

– Не обокрали! воскликнули мы хором.

– Уж не говорите! вскричала мисс Польш, досадуя, что мы могли быть обмануты хоть одну минуту. – Я верю, что его обокрали, именно, как мне рассказывала Бетти, а ему стыдно признаться: разумеется, ведь глупо позволить себе обокрасть у собственной своей двери; смею сказать, он чувствует, что обстоятельство такого рода не может возвысить его в глазах крэнфордского общества и ему хочется это скрыть; но не следовало бы обманывать меня и говорить, что я верно слышала преувеличенный рассказ о покраже четверти баранины, которую, кажется, украли у него на прошлой неделе. Он имел дерзость прибавить, что полагает, будто баранину

утащила кошка. Я не сомневаюсь, что это смастерил тот ирландец, переодетый женщиной, что шпионил вокруг моего дома, рассказывая историю о детях, умирающих с голода.

Осудив надлежащим образом недостаток искренности, доказанной мистером Гоггинсом и побранив мужчин вообще, взяв Гоггинса за их представителя и тип, мы воротились к предмету, о котором говорили перед приходом мисс Поль, а именно, возможно ли, в настоящем положении расстрой-ства нашего края, отважиться принять приглашение, полу-ченное мисс Мэтти от мистрисс Форрестер пожаловать, по обыкновению, отпраздновать день её свадьбы, откушав у ней чай в пять часов и поиграв после в преферанс. Мистрисс Форрестер говорила, что просит нас с некоторой робостью, потому что дороги были, как она опасалась, не совсем без-опасны. Но она намекала, что, может быть, кто-нибудь из нас возьмет портшез, а другие, идя шибко, могли бы идти на-равне с носильщиками и таким образом мы можем все без-опасно прибыть на Верхнюю Площадь в предместье города. (Нет, это слишком громкое выражение: это не предместье, а небольшая груда домов, разделенных от Крэнфорда тем-ным, уединенным переулком, длиною в добрую сотню са-жен). Не было сомнения, что подобное же послание ожидало мисс Поль дома; поэтому посещение её было очень кстати и дало нам возможность посоветоваться. Нам всем скорее хо-телось отказаться от приглашения, но мы чувствовали, что это будет не весьма вежливо в отношении мистрисс Форре-

стер, которая будет предоставлена уединенному размышлению о своей не весьма счастливой и благополучной жизни. Мисс Мэтти и мисс Поль много уже лет посещали ее в этот день, и теперь храбро решились прибить знамя к мачте, презреть опасностями Мрачного Переулка скорее, нежели изменить своему другу.

Но когда наступил вечер, мисс Мэтти – в портшезе приговорено было отправиться ей, так как у ней был насморк – прежде чем там скрылась, умоляла носильщиков, что б ни случилось, не убегать и не бросать её, заключенную в портшезе, на убийство; но и после их обещаний я видела, как черты её приняли суровое выражение и как сквозь стекло она меланхолически и зловещим образом кивнула мне головой. Однако мы прибыли благополучно, только немного запыхавшись, потому что каждая из нас старалась наперерыв пройти скорее мрачный переулок, и я боюсь, что бедную мисс Мэтти порядочно перетрясли.

Мистрисс Форрестер сделала необыкновенные приготовления в признательность за то, что мы явились к ней, несмотря на такие опасности. Обычные формы аристократического неведения касательно того, что пришлет ей служанка, были исполнены, и гармония, и преферанс, казалось, должны были составлять программу вечера, если б не начался интересный разговор, который, не знаю каким образом, но, разумеется, имел отношение к ворами, тревожившим крэнфордские окрестности.

Преодолев опасность мрачного переуллка и, следовательно, имея репутацию храбрости и также, смею сказать, желая выказать себя выше мужчин (*то есть* мистера Гоггинса) по части искренности, мы начали рассказывать наши личные опасения и особенные предосторожности, принятые каждой из нас. Я призналась, что особенно опасалась глаз, обращенных на меня и, сверкавших из какой-то тусклой плоской поверхности; и если б я осмелилась подойти к зеркалу, когда я пугаюсь, я непременно перевернула бы его, из опасения увидеть глаза, устремленные на меня из мрака. Я видела, как мисс Мэтти усиливалась сделать признание; наконец оно явилось. Она призналась, что с тех еще пор, когда была девочкой, ей всегда было страшно, чтоб ее не поймал за ногу, когда она ложилась в постель, кто-нибудь спрятанный под кроватью. Она сказала, что, когда была моложе и проворнее, обыкновенно прыгала в постель вдруг обеими ногами; но это было неприятно Деборе, которая, тщеславилась тем, что грациозно ложилась на постель, и вследствие этого мисс Мэтти перестала прыгать. Но теперь прежний страх часто к ней возвращался, особенно с-тех-пор, как на дом мисс Поль было сделано нападение (мы наконец уверили себя, что нападение было сделано). Однако ж не весьма приятно смотреть под постель и, пожалуй, еще увидеть спрятанного мужчину, уставившего на вас огромное, свирепое лицо. Поэтому мисс Мэтти придумала вот что. Я уже заметила, что она приказала Марте купить мячик, точно такой, каким играют дети,

и каждый вечер подкатывала этот мячик под постель; если он перекатывался на другую сторону, то все было благополучно, если нет, она старалась всегда держать руку на снурке колокольчика и быть готовой кликнуть Джона и Гэрри, как будто надеясь, что на зов её прибегут мужчины.

Мы все одобрили эту замысловатую выдумку и мисс Мэти погрузилась в безмолвное удовольствие, бросив взгляд на мистрисс Форрестер и как бы спрашивая, какая у вас особенная слабость?

Мистрисс Форрестер смотрела искоса на мисс Поль и пыталась переменить разговор. Она рассказывала, что наняла мальчика из соседней избушки, и обещалась давать его родителям сто-двенадцать пудов угля на Рождество, а ему ужин каждый вечер за то, чтоб он приходил к ней на ночь. Она дала ему наставление насчет его обязанности, когда он пришел в первый раз, и найдя его понятливым, вручила ему шпагу майора (ее покойного супруга) и научила класть ее бережно под подушку на ночь, обернув острием к изголовью. Он был мальчик преострый, она была уверена, потому что, увидев треугольную шляпу майора, сказал, что если б мог носить ее, то наверно был бы в состоянии каждый день перепугать двух англичан или четырех французов. Но она снова растолковала ему, что нечего терять время, надевая шляпу, или что б там ни было, но что, если он услышит шум, то должен броситься туда с обнаженной шпагой. На мое замечание, что не случилось бы чего из таких убийственных и неразборчивых

наставлений и как бы он не кинулся на Дженни, когда она вставала рано для стирки, и не убил ее прежде, чем увидит, что это не француз, мистрисс Форрестер сказала, что она не полагает этого возможным, потому что мальчик спит очень крепко и вообще его надо хорошенько растолкать или облить водой, прежде чем могут разбудить утром. Она иногда думает, что такой глубокий сон происходит от сытного ужина; дома он почти умирал с голода, а она приказывает Дженни хорошенько кормить его на ночь.

Все-таки это не было признанием особенной робости мистрисс Форрестер и мы упрашивали ее рассказать нам, чего она боится более всего. Она помолчала, помешала огонь, сняла со свечек и потом сказала звучным шепотом:

– Привидений!

Она взглянула на мисс Поль, как бы говоря: да я объявила это и не отступлюсь. Такой взгляд был сам по себе вызовом. Мисс Поль напала на нее и старалась объяснить привидения несварением желудка, призраками воображения, обманами зрения, приводя примеры из сочинений доктора Феррьеера и доктора Гибберта. Мисс Мэтти чувствовала некоторую склонность к привидениям, как я говорила прежде, и несколько слов, сказанных ею, все клонились на сторону мистрисс Форрестер, которая, ободрившись сочувствием, уверяла, что глубоко верит в привидения, что, конечно, она, вдова майора, знала чего бояться и чего нет. Короче, я никогда не видала ни прежде ни после того, чтоб мистрисс Фор-

рестер так горячилась; она вообще была преласковая, прекроткая, претерпеливая старушка. Даже и настойка, подслащенная сахаром, не могла в этот вечер смыть воспоминание об этом несогласии между мисс Поль и хозяйкою. Напротив, когда было принесено старое вино, оно возбудило новый взрыв спора, потому что Дженни, девочка, шатавшаяся под подносом, объявила, что видела привидение собственными своими глазами, незадолго перед этим, в Мрачном Переулке, в том самом переулке, через который мы должны были проходить на возвратном пути домой.

Несмотря на беспокойные чувства, внушенные мне этой последней причиной, я не могла не позабавиться положением Дженни, чрезвычайно похожим на положение свидетеля, допрашиваемого и переспрашиваемого двумя адвокатами. Я пришла к тому заключению, что Дженни, конечно, видела что-нибудь такое, чему было причиною не одно несварение желудка. Женщину, всю в белом и без головы – вот что она видела и что утверждала, поддерживаемая тайным сочувствием госпожи, несмотря на презрительную, насмешку с которой мисс Поль на нее смотрела. И не только она, но многие другие видели безголовую даму, которая сидела на краю дорожки, ломая руки в сильной горести. Мистрисс Форрестер взглядывала на нас время от времени с видом торжества, но ей ненужно было проходить через Мрачный Переулок, прежде чем она преспокойно укутается в свое одеяло.

Мы сохраняли скромное молчание относительно безголо-

вой дамы, одеваясь идти домой; мы ведь не знали близко ли далеко ли находились от нас голова её и уши, и какое духовное соотношение могли они иметь с несчастным телом в Мрачном Переулке, и того ради даже мисс Поль почувствовала, что нехорошо говорить легкомысленно о таких предметах, из опасения досадить или оскорбить это удрученное горестью туловище. По крайней мере я так предполагаю, потому что вместо шума, с которым мы обыкновенно исполняли это дело, мы завязали наши салопы так грустно, как на похоронах. Мисс Мэтти задернула занавес у окошек портшеза, чтоб скрыть неприятный предмет, а носильщики (или потому, что они рады были поскорее кончить свое дело, или потому, что теперь спускались с горы) шли таким быстрым и живым шагом, что мы с мисс Поль насилу могли поспевать за ними. Она только и твердила: «не оставляйте меня!» цепляясь за мою руку так крепко, что я не могла ее оставить, будь тут привидение или нет. Какое это было облегчение, когда носильщики, устав от ноши и от скорой ходьбы, остановились именно там, где геддинглейская дорога сворачивала от Мрачного Переулка. Мисс Поль выпустила меня и прицепилась к одному из носильщиков.

– Не можете ли вы... не можете ли нести мисс Мэтти кругом по геддинглейскому шоссе. Мостовая в Мрачном Переулке такая тряская, а она такого слабого здоровья?

Слабый голос послышался из портшеза.

– О, пожалуйста ступайте! Что случилось? что случилось?

Я прибавлю вам пол шиллинга, если вы пойдете поскорее; пожалуйста не останавливайтесь здесь.

– А я дам вам шиллинг, сказала мисс Поль с трепетным достоинством, – если вы пройдете по геддинглейскому шоссе.

Оба носильщика проворчали, что согласны, подняли опять портшез и пошли по шоссе, что, конечно, соответствовало доброму намерению мисс Поль, спасти кости мисс Мэтти, потому что шоссе было покрыто мягкой густой грязью и даже упасть тут было бы невредно, по крайней мере до тех пор, пока не пришлось встать, а тогда было бы немного затруднительно, как выкарабкаться.

VI. Самюль Броун

На следующее утро я встретила леди Гленмайр и мисс Поль, отправлявшихся на далекую прогулку, чтоб найти какую-то старуху, которая славилась в окрестности своим искусством вязать шерстяные чулки. Мисс Поль сказала мне с улыбкой полуласковой и полупрезрительной:

– Я только что рассказывала леди Гленмайр, как наша бедная приятельница, мистрисс Форрестер, боится привидений. Это происходит оттого, что она живет совсем одна и слушает дурацкие истории этой своей Дженни.

Она была так спокойна и настолько выше суеверных опасений, что мне сделалось стыдно сказать, как я была рада её вчерашнему предложению пройти по шоссе, и потому свернула разговор на другое.

После обеда мисс Поль пришла к мисс Мэтти рассказать ей о своем приключении, настоящем приключении, случившемся с ними на утренней прогулке. Они не знали, по какой дорожке пойти, проходя полями, чтоб отыскать старуху, и остановились осведомиться в гостинице, у столбовой дороги в Лондон, миль около трех от Крэнфорда. Добрая женщина просила их присесть и отдохнуть, пока она сыщет мужа, который растолкует им дело лучше, чем она; пока они сидели в усыпанной песком столовой, пришла девочка. Они подумали, что она хозяйкина и начали с ней какой-то пустой раз-

говор; но мистрисс Робертс, воротившись, сказала им, что это единственная дочь мужа и жены, проживавших в её доме. И она начала длинную историю, из которой леди Гленмайр и мисс Поль могли только понять, что, недель шесть назад, легкая тележка сломалась прямо против их двери, а в этой тележке были двое мужчин, одна женщина и это дитя. Один из мужчин серьёзно ушибся, костей не переломал, а только повредился, как выразилась хозяйка; но он, вероятно, подвергся какому-нибудь внутреннему повреждению, потому что с-тех-пор хворал в её доме; за ним присматривала его жена, мать этой девочки. Мисс Поль спросила, кто он такой, на что он похож. Мистрисс Робертс отвечала, что он не был похож ни на джентльмена, ни на простого человека; не будь они с женою такие скромные и тихие люди, она сочла бы их фиглярами, или чем-нибудь в этом роде, потому что у них в тележке был преогромный ящик, наполненный неизвестно чем. Она помогала развязывать его и вынуть оттуда белье и платье, а другой мужчина, его брат, как она полагала, ушел с лошадыю и тележкой. Мисс Поль начала тут нечто подозревать и выразила свою мысль, что несколько странно, как это, и ящик, и тележка, и лошадь, все вдруг исчезло; но добрая мистрисс Робертс пришла в совершенное негодование при этих намеках мисс Поль, и так рассердилась, как будто мисс Поль назвала ее самое плутовкой. Как самый лучший способ разуверить дам, она придумала попросить их посмотреть на жену, и мисс Поль сказала, что нельзя было сомневать-

ся в честном, утомленном и смуглом лице женщины, которая при первом нежном слове леди Гленмайр залилась слезами, но перестала рыдать по слову хозяйки, которая просила её засвидетельствовать о христианском милосердии мистера и мистрисс Робертс. Мисс Поль перешла к другой крайности и поверила грустному рассказу также, как прежде сомневалась. Как доказательство её пристрастия в пользу бедного страдальца может служить то, что она нисколько не утрашилась, когда нашла, что страдалец этот был никто другой, как наш синьор Брунони, которому весь Крэнфорд приписывал все бедствия в эти шесть недель. Да! жена его сказала, что настоящее его имя Самуэль Броун; «Сэм», она называла его, но мы до конца предпочитали называть его «синьор»: это звучало гораздо лучше.

Разговор с синьорой Брунони кончился тем, что было решено посоветоваться с доктором, а все издержки по этому предмету леди Гленмайр обещала взять на себя; вследствие чего она отправилась к мистеру Гоггинсу просить его побывать в тот же день в Восходящем Солнце и удостовериться, в каком состоянии находится синьор Брунони; мисс Поль изъявила желание перевести его в Крэнфорд, чтоб он мог находиться на глазах у мистера Гоггинса, и взялась отыскать квартиру и уговориться насчет платежа. Мистрисс Робертс была добра сколько возможно; но нельзя было не заметить, что долгое пребывание синьоров имело некоторое неудобство.

До ухода мисс Поль мы с мисс Мэтти были столько же заняты утренним приключением, сколько и она. Мы говорили о нем целый вечер, рассматривали его со всех возможных сторон и легли спать беспокоясь, узнаем ли утром от кого-нибудь что думал и предписал мистер Гоггинс. Хотя мистер Гоггинс, как мисс Мэтти замечала, говорил «кряля», вместо дамы и называл преферанс «преш», однако ж она верила, что это был предостойный человек и преискусный доктор. Точно, мы немножко гордились нашим крэнфордским доктором и часто желали, слыша о болезни королевы Аделаиды, или герцога Веллингтона, чтоб они послали за мистером Гоггинсом; но, рассудив хорошенько, были даже рады, что они не посылали за Гоггинсом; заболевши, что б мы делали, если б мистер Гоггинс был пожалован в лейб-медики? Как доктором, мы им гордились, но как мужчиной, или, лучше, как джентльменом – нет, мы только могли качать головой над ним и его фамилией и желать, чтоб он прочитал письма лорда Честерфильда в те дни, когда его манеры требовали улучшения. Совсем тем мы считали его приговор в деле синьора непогрешительным; и когда он сказал, что, при попечениях и внимании, он может поправиться, мы уже за него не боялись.

Хотя мы уже были вне всякой опасности, однако ж все поступали так, как будто существовала важная причина для беспокойства; оно действительно и было так, когда мистер Гоггинс не взял синьора на свое попечение. Мисс Поль отыс-

кала чистую и удобную, хотя и простую квартиру; мисс Мэтти послала ему портшез, а мы с Мартой поставили в портшез нагретый уголь с горячими угольями и заперли вместе с дымом наглухо до тех пор, пока синьор должен был войти в портшез из Восходящего Солнца. Леди Гленмайр взяла на себя медицинскую часть, под руководством мистера Гоггинса, и перешарила все медицинские стаканы, ложки, столики мистрисс Джемисон так свободно и бесцеремонно, что заставила мисс Мэтти несколько обеспокоиться. Что бы сказали миледи и мистер Мёллинер, если бы они это знали? Мистрисс Форрестер приготовила хлебное желе, которым она так славилась, и отослала на квартиру синьора, к тому времени, когда он придет. Подарок этого хлебного желе был высочайшим знаком милости со стороны мистрисс Форрестер. Мисс Поль однажды попросила у ней рецепта, но встретила самый решительный отказ; мистрисс Форрестер сказала ей, что она не может дать рецепта никому, пока жива, а после смерти она завещала рецепт, как увидят её душеприказчики, мисс Мэтти. Что мисс Мэтти, или, как мистрисс Форрестер назвала ее (припомнив статью в своем завещании и важность, приличествующую случаю), мисс Матильда Дженкинс, сделает с рецептом, когда он перейдет к ней в руки, обнародует ли его, или передаст, как наследство – она не знает и не станет предписывать для этого условия. И форма с этим удивительным желе, таким полезным для желудка, единственным хлебным желе, была отослана от мистрисс Форрестер

к нашему бедному больному колдуну. Кто говорит, что аристократы горды? Вот дама, урожденная Тиррель и происходящая от великого сэра Уальтера, который убил Вильгельма-Рыжего, эта самая дама отправляется каждый день посмотреть, какие лакомые блюда может она приготовить для Самуэля Броуна, фигляра! Действительно, трогательно было видеть какие добрые чувства возбудил приезд к нам этого бедного человека. И так же поучительно было видеть, как великий крэнфордский страх, причиненный первым приездом и турецким костюмом синьора, исчез при виде худощавого лица во время его вторичного приезда, лица бледного и слабого от отяжелевших, тусклых глаз, которые только тогда блистали, когда устремлялись на лицо его верной жены, или на их бледную, печальную девочку.

Не знаю как, но мы перестали трусить. Смею сказать, наше открытие, что тот, который сначала возбудил в нас любовь к чудесному своим беспримерным искусством, не имел достаточно дарования управить робкою лошадью, заставлял нас чувствовать, что мы сделались по-прежнему тем же, чем были. Мисс Поль приходила во всякое время по вечерам с своей корзиночкой, как будто бы её одинокий дом и уединенная дорога к нему никогда не были тревожимы этой «убийственной шайкой». Мистрисс Форрестер сказала, она полагает, что ни она, ни Дженни, не должны бояться безголовой дамы, плакавшей и сетовавшей в Мрачном Переулке. Наверно таким существам никогда не дается власть делать вред

тем, которые стараются делать хоть немного добра, сколько от них зависит, с чем Дженни соглашалась дрожа; но умозрение барыни имело мало действия на служанку до тех пор, пока она не нашла два куска красной фланели в виде креста, на свою рубашку.

Я застала, как мисс Мэтти покрывала свой мячик, тот самый, который она подкатывала под постель, гарусными, яркими радужными полосами.

– Душенька, сказала она: – мне так грустно на сердце за эту бедную девочку! Хотя отец её колдун, но она имеет такой вид, как будто никогда не имела порядочной игрушки во всю свою жизнь. Я делала в молодости прехорошенькие мячики и хочу попробовать, не удастся ли сделать из этого мячика щегольской и отнести его сегодня к Фебе. Думаю, что «шайка», должно быть, оставила наши окрестности; теперь уж ничего не слышно ни о грабежах, ни о воровстве.

Мы все были слишком заняты безнадежным положением синьора, и нам было не до рассуждений о ворах и привидениях. Леди Гленмайр сказала, что она никогда не слыхала ни о каком воровстве; слышала, что двое мальчишек украли яблоки из сада мызника Бенсона и на рынке оказались недостатки в нескольких яйцах у вдовы Гэуард, но больше ничего не знает. Это значило ожидать слишком многого от нас; мы не могли сознаться, что для нашего страха имели такое ничтожное основание. Мисс Поль выпрямилась при этом замечании леди Глеимайр и сказала: она желала бы согласиться

с нею, что мы имели весьма ничтожную причину для нашего страха; но вспоминая о мужчине, переодетом в женщину, который осмелился пробраться в её дом, между тем, как его сообщники ожидали на дворе; припоминая известие, слышанное от самой леди Глеимайр, о следах, примеченных на цветочных грядках мистрисс Джемисон; припоминая обстоятельство доказанного грабежа, совершенного над мистером Гоггинсом у собственной его двери... Но тут леди Гленмайр перебила ее, весьма сильными выражениями сомнения: не выдумка ли эта последняя история, выдумка, основанная на краже кошки, и леди Глеимайр так покраснела, говоря это, что я нисколько не была удивлена воздержанию мисс Поль, и уверена, что не будь леди Гленмайр, «ее сиятельство», мы выслушали бы более выразительное противоречие нежели: «ну, как бы не так!» и подобные отрывочные фразы, единственные, на которые она осмелилась в присутствии миледи. Но когда она ушла, мисс Поль начала длинное поздравление мисс Мэтти, что они, до сих пор по крайней мере, избегнули замужества, которое делает, как всегда она замечала, женщин легковверными в самой высшей степени. Точно, она думает, что если женщина не может удержаться от замужества, то это доказывает в ней большое природное легковверие; а в том, что леди Гленмайр сказала о грабеже мистера Гоггинса, мы видели обрачик, до чего могут доходить люди, если дадут волю подобной слабости. Очевидно, что леди Гленмайр может поверить всему, если верит жалкому рассказу о бара-

ншей шее и кошке, которым мистер Гоггинс старался обмануть мисс Поль; но мисс Поль всегда остерегалась верить тому, что говорят мужчины.

Мы радовались, как этого желала мисс Поль, что не были замужем; но я думаю, мы радовались еще больше, что воры оставили Крэнфорд; по крайней мере я так сужу по словам мисс Мэтти. В тот вечер, когда мы сидели у камина, она сказала, что считает мужа сильным защитником против воров, разбойников и привидений; она прибавила, что не осмелится всегда предостерегать молодых девиц от замужества, как делает это мисс Поль. Конечно, замужество – риск, как она видит это теперь, сделавшись поопытнее; но она помнит время, когда желала выйти замуж столько же, как и все.

– Ни за кого особенно, душенька, сказала она, торопливо перебивая себя, как будто боялась, что слишком высказалась: – это, знаете, старая история. Женщины всегда говорят: *«когда я выйду замуж»*, а мужчины: *«если я женюсь»*.

То была шутка, сказанная несколько грустным тоном и, я сомневаюсь, улыбнулся ли кто-нибудь из нас; но я не могла видеть лица мисс Мэтти при трепетавшем свете камина. Через несколько времени она продолжала:

– Впрочем, я не всю правду вам сказала. Это так давно было, и никто никогда не знал, как много я тогда думала о замужестве, разве только отгадывала матушка. Но я могу сказать, что было время, когда я не думала, что останусь на всю жизнь мисс Мэтти Дженкинс; даже теперь, если б я встрети-

лась с кем-нибудь, кто пожелал бы на мне жениться (а как говорит мисс Поль, предосторожности никогда не мешают), я бы не могла за него выйти, надеюсь, что он не слишком принял бы это к сердцу, но я *не* могла бы за него выйти, и ни за кого, кроме одного, за которого я некогда надеялась выйти; но он умер и исчез, и никогда не знал, каким образом случилось, что я сказала «нет», когда я думала столько раз... впрочем, какая нужда до того, что я думала. Господь все устраивает к лучшему, и я очень счастлива, душенька. Ни у кого нет таких добрых друзей, как у меня, продолжала она, взяв меня за руку.

Если б я ничего не знала о мистере Голбруке, я могла бы сказать что-нибудь на это; но я знала и не могла придумать ничего, что показалось бы естественным, и таким образом мы обе молчали несколько времени.

– Батюшка приучил нас, начала она: – вести дневник в два столбца на одной стороне; мы должны были писать утром, что мы предполагали должно было случиться в наступающий день, а вечером записывали на другой стороне, что действительно случилось. Некоторым людям было бы грустно рассказать свою жизнь (при этих словах слеза упала на мою руку); я не хочу сказать, чтоб моя жизнь была грустна, только она была так непохожа на то, чего я ожидала. Я помню, в один зимний вечер, сидели мы с Деборой обе в спальне у камина – помню как будто это случилось вчера – сидели и строили планы о нашей будущей жизни; обе строили мы пла-

ны, хотя говорила только она одна. Она говорила, что желала бы выйти за пастора и писать за него проповеди; а вы знаете, душенька, она никогда не была замужем и, сколько я знаю, она во всю свою жизнь никогда не говорила с холостым пастором. Я не была честолюбива и не могла писать проповеди, но думаю, что могла бы управлять домом (матушка называла меня своей правой рукой); я всегда так любила детей, что самые застенчивые малютки протягивали ко мне свои ручонки. Когда я была молоденькая, я проводила половину времени, нянчась с детьми в соседних избушках, но я не знаю, как это случилось, только я стала печальна и серьёзна, а это произошло года два спустя, и малютки стали от меня отвертываться. Поэтому я боюсь, что отвыкла от них, хотя люблю детей по-прежнему и сердце мое как-то странно затоскует, когда я увижу мать с ребенком на руках. Вот, душенька (внезапно вспыхнувшее пламя в камине показало мне, что глаза её были полны слез и пристально устремлены как будто на то, что могло бы случиться), знаете ли, я иногда вижу во сне, что у меня есть ребенок, всегда тот же самый – девочка лет двух, никогда не старше, хотя я вижу ее во сне уж несколько лет. Я никогда не вижу, что она говорит и что она делает; она очень спокойна и тиха, но приходит ко мне, когда ей очень грустно или очень весело, и я просыпаюсь, чувствуя, как её ручонки обвивают мою шею. Только в прошлую ночь, может быть, потому, что я заснула, думая об этом мячике для Фебы, моя маленькая любимица явилась ко мне во сне

и подставила свой ротик, чтоб я его поцеловала, точно так, как, я видела, делают настоящие малютки с настоящими матерями, когда идут ложиться спать. Но все это глупости, душенька! только не пугайтесь предостережений мисс Поль о замужестве. Я полагаю, что оно может быть очень счастливым состоянием; небольшое легкоеверие приятно услаждает жизнь и лучше всегдашних сомнений, подозрений и неприятностей во всем.

Если б я расположена была пугаться замужества, то, конечно, не по милости мисс Поль, а вследствие участи бедного синьора Бруони и его жены; а все-таки поощрительно было видеть, как, несмотря на все свои заботы и печаль, они думали друг о друге, а не о себе; и как сильны были их радости, если они касались которого-нибудь из супругов или маленькой Фебы!

Синьора рассказала мне однажды очень много о их прежней жизни. Этому подал повод мой вопрос: справедлив ли рассказ мисс Поль о близнецах. Но синьора, или (как мы узнали, она предпочитала, чтоб ее называли мистрисс Брун), сказала, что это совершенно справедливо, что её деверя многие принимали за её мужа, что весьма было им полезно в их занятиях.

– Хотя, продолжала она – я не могу понять, как могут принимать Томаса за настоящего синьора Бруони, но он говорит, его принимают за синьора, и я полагаю, надо ему верить. Я не говорю, чтоб он не был добрый человек; я не знаю, как

мы бы расплатились по счету в Восходящем Солнце, если б он не прислал денег; но люди верно мало понимают в искусстве, если могут принимать его за моего мужа. Вот, например, мисс, в штуче с шариком, когда муж мой широко растопырит пальцы и повертывает мизинцем с таким грациозным видом, Томас сжимает руку кулаком, как будто у него в ней спрятано много шариков. Кроме того, он никогда не бывал в Индии и не понимает, как надо надевать тюрбаны.

– А вы разве были в Индии? спросила я, несколько удивленная.

– О, да! и оставались там несколько лет. Сэм был сержантом в 31-м полку; и когда полк послали в Индию, мне тоже достался жребий¹² и я была так рада; разлука с моим мужем была бы для меня медленной смертью. Но, право, мисс, если б я знала все, не лучше ли мне было умереть на месте, нежели претерпеть все, что я вынесла с-тех-пор. Конечно, я успокаивала Сэма и была с ним; но, мисс, я лишилась шестерых детей, сказала она, смотря на меня тем же странным взором, который я примечала только в глазах матерей, у которых дети умерли; она взглянула с каким-то диким выражением глаз, как бы отыскивая то, чего они никогда не могут найти. – Да! шестеро умерли в этой ужасной Индии. Я думала, что не буду в состоянии никогда больше любить детей; а когда рождался новый ребенок, я не только любила

---

¹² В Англии не позволяется женам солдат отправляться в поход за мужьями, исключая известного числа, для которого бросается жребий.

его, но в нем и всех умерших прежде его братьев и сестер. Перед рождением Фебы я сказала мужу: «Сэм, когда родится ребенок и я буду здорова, я оставлю тебя; это жестоко подрежет мое сердце; но ведь если и это дитя тоже умрет – я помешаюсь. Помешательство есть уже во мне и теперь; когда же ты отпустишь меня в Калькутту с ребенком на руках, я пойду пешком, стану копить и экономничать и просить только, чтоб получить проезд в Англию, где наш ребенок будет жив.» Господь да благословит его! Он позволил мне идти, откладывая жалованье, а я сберегала каждую копейку, которую получала за стирку, или за что-нибудь другое. Когда родилась Феба и здоровье мое поправилось, я отправилась. Путь был уединенный, чрез густые леса, темные от огромных деревьев, вдоль по реке (но я выросла близь Авона в Варвикшайре, и мне в этом шумном течении было что-то знакомое), от места до места, от деревни до деревни шла я одна, с ребенком на руках. Туземцы были очень ласковы. Мы не могли понимать друга друга, но они видели ребенка у моей груди, подходили ко мне, приносили рису и молока, а иногда цветов; у меня есть еще сухие цветы. Наутро я так устала! Они хотели, чтоб я осталась с ними; это я поняла, старались испугать меня густым лесом, который, точно, казался очень темен и страшен; но мне чудилось, будто смерть гонится за мною и хочет отнять у меня ребенка; что я должна идти, идти... Я думала: Господь заботится о матерях с-тех-пор, как создан мир. Он позаботится и обо мне. Я простила с ними

и пустилась снова в путь. Один раз, когда девочка моя захворала и нам обоим нужно было отдохнуть, он привел меня к месту, где я нашла доброго англичанина, проживавшего между туземцев.

– И вы наконец дошли благополучно до Калькутты?

– Да-с, благополучно. О! когда я узнала, что мне остается только два дня пути, я поблагодарила Бога за Его великое милосердие. И поступила служанкой к больной даме, которая очень полюбила мою малютку на корабле. Через два года Сэм получил отставку и воротился к нам. Тут он вздумал заняться чем-нибудь, но он не знал ничего; только как-то давно, давно выучился он штукам у индийского фокусника; вот он и начал давать представления. Пошло так хорошо, что он просил Томаса помочь ему, пригласил его, как помощника, знаете, а не как другого фокусника, хотя Томас теперь занимается этим сам. Но для нас сходство между близнецами было большой подмогой, и много штук славно сошли с рук. А Томас, брат добрый, только не так хорош, как мой муж, и я не знаю, как могут принимать его за синьора Брунони.

– Бедная Феба! сказала я, вернувшись мысленно к ребенку, которого она несла на руках целые сотни миль.

– Ах, вы говорите справедливо! Я никогда не думала, что взращу ее, когда она занемогла в Чундерабаде; но этот добрый, ласковый Ага Дженкинс принял нас к себе в дом, что, конечно, спасло ее.

– Дженкинс! сказала я.

– Да, Дженкинс. Верно, все из этой фамилии добры; вот хоть эта добрая старая дама, которая приходит каждый день брать Фебу гулять...

Но в голове моей мелькнула мысль: не пропавший ли Питер этот Ага Дженкинс? Правда, многие уведомяли о его смерти; но и то правда, что некоторые рассказывали, будто он возвысился до степени великого тибетского ламы. Мисс Мэтти думала, что он жив. Я хотела осведомиться.

Част третья и последняя

I. Помолвлены

Был ли Ага Дженкинс в Чундерабаддаде «бедным Питером» из Крэнфорда, или нет? как сказал кто-то – вот в чем вопрос.

У меня дома, когда людям нечего больше делать, меня осуждают за недостаток скромности. Нескромность – это мой главнейший недостаток. У каждого есть свой главнейший недостаток, нечто в роде отличительной черты характера, *rière de resistance* для нападок друзей, на который они обыкновенно и нападают с усердием. Мне надоело получать упреки в нескромности и в неосторожности, и я решилась, по крайней мере на этот раз, выказать себя образцом благоразумия и мудрости. Я даже и не намекнула о моих подозрениях относительно Аги. Я хотела собрать доказательства и изложить их дома перед бабушкой, семейным другом обеих мисс Дженкинс.

Отыскивая факты, я часто припоминала выражения, которыми бабушка описывал один дамский комитет, в котором он был президентом. Он говорил, что не мог не припоминать одно место из Диккенса, описывавшее хор, в котором каждый пел на свой лад и к своему собственному удовольствию.

Так и в этом человеколюбивом комитете каждая дама выбирала свой любимый предмет и говорила о нем к своему собственному удовольствию, что, впрочем, не слишком подвигало вперед предмет, о котором они собрались рассуждать. Но даже этот комитет не мог сравниться с рассуждениями крэнфордских дам, когда я пыталась собрать ясные и определенные сведения о росте и наружности бедного Питера, и о том, когда и где видели и слышали его в последний раз. Например, я помню, что спросила мисс Поль (и думала, что вопрос был очень кстати, потому что я сделала его, встретившись с нею у мистрисс Форрестер; обе дамы знали Питера и я вообразила, что они могут взаимно напоминать друг другу), какие последние известия она о нем имела, и она начала глупейший рассказ, о котором я упоминала, будто он выбран тибетским ламой, и это послужило поводом для каждой из этих дам развить собственную свою идею.

Мистрисс Форрестер начала с закрытого покрывалом предвещателя в «Лалла Руке», спрашивая, думаю ли я, что этот предвещатель то же самое, что Далай Лама, хотя Питер был не так безобразен, даже скорее красив, если б у него не было веснушек. Я была рада, видя, что она распространяется о Питере, но, через минуту обманчивая дама перешла к Калидору Роуланда и к достоинству косметических средств и мазей для волос вообще, и рассуждала так плодovито, что я обернулась слушать мисс Поль, которая от лам (вьючного скота) перешла к перувианским акциям и к её жалкому

мнению о коммерческих банках вообще и о том в особенности, в котором находились деньги мисс Мэтти. Напрасно я вмешивалась с: «когда это было? в котором году слышали вы, что мистер Питер сделался великим Ламой?» Они только продолжали спорить: мясоедные ли животные ламы или нет, в каковом споре они оказались не совершенно равносильны: мистрисс Форрестер (после того, как они погорячились и потом опять охладели) призналась, что она всегда смешивала мясоядных и травоядных, точно так же, как горизонтальный и перпендикулярный; но она извинялась в этом очень мило, говоря, что в её время четырехсложные слова употреблялись только затем, чтоб научиться, как читать по складам.

Я узнала из этого разговора только одно: последнее известие о Питере было из Индии или «из окрестных с нею стран», и это недостаточное сведение достигло Крэнфорда в том году, когда мисс Поль купила себе платье из индийской кисеи, давно уже изношенное (мы его вымыли и починили и следили за его упадком до тех пор, пока из него были сделаны сторы, прежде-чем разговор пошел далее), и в тот год, когда Уомбуелль прибыл в Крэнфорд, потому что мисс Мэтти желала видеть слона, чтоб лучше представить себе, как Питер на них ездил, и видела тоже удава, которого она даже не хотела и вообразить в своих мыслях о месте жительства Питера; и в тот год, когда мисс Дженкинс выучила наизусть какое-то стихотворение и говорила беспрестанно на всех крэнфордских вечеринках, как «Питер обозревал об-

ласти от Китая до Перу» – выражение, которое все считали очень великолепным и очень ученым, потому что Индия находится между Китаем и Перу, если вы позаботитесь перевернуть глобус налево, а не направо.

Я полагаю, что все эти мои расспросы и любопытство, возбужденное ими в друзьях моих, сделало нас слепыми и глухими ко всему, что происходило вокруг нас. Мне казалось, что солнце восходило и заходило, что дождь шел в Крэнфорде точно так, как обыкновенно, и я не примечала признаков, которые могли бы почтяться предвестниками необыкновенного происшествия. И сколько мне известно, не только мисс Мэтти и мистрисс Форрестер, но даже сама мисс Поль – которую мы считали чем-то в роде жрицы, за искусство её предвидеть обстоятельства прежде, чем они случались, хотя она не любила беспокоить своих друзей, сообщая им свои предвидения – даже сама мисс Поль едва переводила дух от изумления, когда явилась рассказать нам удивительное известие. Но я должна прийти в себя; воспоминание об этом, даже после стольких лет, захватило мне дух и сбilo с толку, и покуда я не укрошу свое волнение, не сладить мне и с моим правописанием.

Мы сидели, мисс Мэтти и я, как обыкновенно, она в синем ситцевом спокойном кресле, задом к свету, с чулком в руках, а я читала громко газеты. Еще несколько минут и мы отправились бы сделать некоторую перемену в туалете при наступлении визитного часа (двенадцати) в Крэнфорде; я пом-

ню хорошо и сцену и день. Мы говорили о быстром выздоровлении синьора с-тех-пор, как настала теплая погода, хвалили искусство мистера Гоггинса, жалели о недостатке утонченности в его обращении (странно, что именно это составляло предмет нашего разговора, но оно было так), когда слышался стук; стук гостя, три ясные удара, и мы побежали (то есть мисс Мэтти не могла уйти слишком скоро, с ней был припадок ревматизма) в наши комнаты переменить чепчики и воротнички, когда мисс Поль остановила нас, всходя на лестницу.

– Не уходите... мне некогда ждать... я знаю, что еще нет двенадцати... но нужды нет как вы одеты... мне надо поговорить с вами.

Мы употребили все силы сделать вид, как будто вовсе не производили торопливого движения, которого шум она услышала, потому что, разумеется, нам неприятно было заставить предполагать, будто у нас есть старые платья, в которых прилично быть только в «домашнем приюте» – как мисс Дженкинс однажды мило назвала заднюю комнату, где она завязывала банки с вареньем. Поэтому мы с двойной силой предались аристократическому нашему обращению и казались настоящими аристократками в продолжение двух минут, пока мисс Поль переводила дух и сильно возбудила наше любопытство, с изумлением подняв кверху руки и молча опустив их, как будто то, что она хотела сказать, было слишком изумительно для словесных выражений и могло только

быть выражено пантомимой.

– Что вы думаете, мисс Мэтти? что вы думаете? леди Гленмайр выходит замуж... помолвлена, я хочу сказать... леди Гленмайр... мистер Гоггинс... мистер Гоггинс женится на леди Гленмайр!

– Женится! сказали мы: – женится! Какое сумасшествие!

– Женится! сказала мисс Поль с решительностью, свойственную её характеру. – Я говорю точно так же, как и вы, неужели он женится? и я также сказала: «какую глупость делает миледи!» Я могла бы сказать: «безумие», но я удержалась, потому что услышала об этом в лавке. Куда исчезла женская деликатность? Я не знаю, мы с вами, мисс Мэтти, сгорели бы от стыда, узнав, что о нашем замужестве толкуют в мелочной лавке, да еще при лавочнике!

– Но, сказала мисс Мэтти, вздыхая, как человек, оправляющийся от удара: – может быть, это неправда, может быть, мы к ней несправедливы.

– Нет, сказала мисс Поль: – я позаботилась в этом удостовериться: пошла прямо к мистрисс Фиц-Адам попросить у неё поваренную книгу и вставила мои поздравления à propos, к разговору о затруднительности для мужчин вести хозяйство; мистрисс Фиц-Адам встрепелась и сказала: она полагает, что это правда, хотя она не знает, где и как я об этом услышала. Она сказала, что, наконец, брат её и леди Гленмайр объяснились. «Объяснились!» какое варварское слово! Но миледи придется покориться разным след-

ствиям недостатка светскости. Я имею причину полагать, что у мистера Гоггинса каждый вечер за ужином бывает только хлеб, сыр, да пиво.

– Женится! сказала мисс Мэтти еще раз. – Ну! я никогда этого не думала. Двое из наших знакомых венчаются. Скоро дойдет очередь и до нас.

– Так скоро, что мое сердце перестало биться, когда я об этом услышала, и вы могли бы сосчитать до двенадцати, пока я оправилась, сказала мисс Поль.

– Никто не знает, чья очередь придет прежде. Здесь, в Крэнфорде, бедная леди Гленмайр могла бы считать себя в безопасности, сказала мисс Мэтти с кротким состраданием в голосе.

– О! сказала мисс Поль, покачав головою – разве вы не помните песню бедного капитана Броуна: «Тибби Фоулер»:

Set her on the Tintock Tap,
The wind vill blaw a man'til her.¹³

– Это потому, что Тибби Фоулер был богат, я полагаю.

– Ну, для леди Гленмайр это некоторый род расчета, который мне, признаюсь, стыдно было бы иметь.

Я выразила мое удивление.

– По как она могла прельститься мистером Гоггинсом? Мне неувидительно, что мистеру Гоггинсу она понравилась.

---

¹³ Поставь ее на вершину Тинтокской Горы; ветер принесет ей мужчину.

– О! я не знаю. Мистер Гоггинс богат, хорош собой, сказала мисс Мэтти: – он прекрасного характера и предобрый.

– Она выходит затем, чтоб пристроиться. Полагаю, что она берет за ним и аптеку, сказала мисс Поль, сухо засмеявшись своей собственной шутке.

Но как многие люди, думающие, что уже высказали много колкого, насмешливого и вместе остроумного, она начала смягчать свою угрюмость с той минуты, как сделала намек на аптеку, и мы стали рассуждать о том, как мистрисс Джемисон примет это известие. Особа, которой она поручила управлять домом и не допускать поклонников до служанок, завела поклонника для самой себя! И поклонника такого, которого мистрисс Джемисон провозгласила пошлым и недостойным крэнфордского общества; не только по причине его фамилии, но и за его голос, за цвет лица, за сапоги, пахнувшие конюшней, за всю его особу, пахнувшую лекарствами. Ездил ли он к леди Гленмайр в дом мистрисс Джемисон? Известковый хлор не очистит в таком случае дома в мнении его владельницы. Или свидания их ограничивались случайными встречами в комнате бедного больного фигляра, к которому они оба были так необыкновенно добры, в чем мы не могли не сознаться, несмотря на все наши понятия о *mésalliance*? Теперь открылось, что у мистрисс Джемисон была больна служанка и мистер Гоггинс лечил ее несколько недель. Стало-быть волк был в самом стаде и унес пастушку. Что скажет мистрисс Джемисон? Мы заглядывали в мрак

будущего, как ребенок смотрит на ракету, поднимающуюся в темном небе, исполненный ожидания трескотни, взрыва и блестящего дождя искр. Потом мы опускались на землю и к настоящему времени, расспрашивая одна другую (мы все были равно, не имели ни малейшей данной, чтоб вывести какое-нибудь заключение), когда *это* случится? где? Сколько лет мистеру Гоггину? Расстанется ли она с своим титулом? Как Марта и другие служанки в Крэнфорде будут докладывать о таких новобрачных, как леди Гленмайр и мистер Гоггинс? Но поедут ли с визитами? Примет ли их мистрисс Джемисон? или мы должны будем выбирать между знатной мистрисс Джемисон и разжалованной леди Гленмайр? Мы все любили больше леди Гленмайр. Она была весела, ласкова, обходительна и приятна; а мистрисс Джемисон угрюма, вяла, напущена и скучна. Но мы так долго признавали власть последней, что нам казалось как бы вероломством даже помышлять о неповиновении запрещению, которое мы предвидели.

Мистрисс Форрестер застала нас врасплох, в заштопанных чепцах и воротничках, и мы совершенно об этом забыли, торопясь узнать, как она перенесет известие, передачу которого мы благородно предоставили мисс Поль, хотя, если б мы были расположены несправедливо воспользоваться преимуществом, мы могли бы сами рассказать его, потому что с ней сделался весьма некстати сильный припадок кашля в продолжение целых пяти минут после того, как мистрисс

Форрестер вошла в комнату. Я никогда не забуду умоляющее выражение её глаз, когда она смотрела на нас через свой носовой платок. Они говорили так ясно, как только красноречивейшие слова могут выразить: «Не пользуйтесь случаем, чтоб лишить меня принадлежащего мне сокровища, хотя на некоторое время я не могу им воспользоваться». И мы не воспользовались.

Удивление мистрисс Форрестер равнялось нашему, а чувство оскорбления было еще сильнее, потому что она обижалась также за свое звание и понимала гораздо лучше нас, до какой степени подобное поведение пятнало аристократию. Когда они ушли с мисс Поль, мы старались успокоиться; но мисс Мэтти была просто вне себя от ужасного известия. Она считала и пересчитывала, и вышло, что более пятнадцати лет не приводилось ей слышать ни о какой знакомой свадьбе, исключая одной мисс Джесси Броун, и это, как она говорила, совершенно ее поразило и заставляло чувствовать, как будто она не может ручаться за будущее.

Не знаю, мечта ли только, воображение ли с нашей стороны, или оно действительно так, но я заметила, что, тотчас после того, как разнесется весть о помолвке в каком-нибудь обществе, все незамужние в этом обществе встрепенутся необыкновенной суетливостью, вздумают наряжаться, как будто говоря безмолвно и бессознательно: «ведь мы также девицы». Мисс Мэтти и мисс Поль говорили и думали о шляпках, платьях, чепцах и шالях в продолжение последо-

вавшей за тем недели более, чем в продолжение предшествовавших этому многих лет. Но, может быть, это происходило вследствие весенней погоды: март был такой теплый и приятный, а меринос, пух и всякие разные шерстяные материалы были не весьма приличны для ярких блестящих солнечных лучей. Не наряд леди Гленмайр завоевал сердце мистера Гоггинса; она, совершая свои добрые дела, ходила в платьях, еще более поношенных, чем прежде. Хотя при торопливых взглядах, бросаемых на нее и в церкви и в других местах, она, казалось, как будто избегала встречи с своими друзьями, на лице её почти расцвела свежесть юности; губы казались краснее и полнее, чем в их прежнем сжатом положении, а глаза покоились на всех предметах с медлительным блеском, как будто она научилась любить Крэнфорд и его обитателей. Мистер Гоггинс сиял радостью и пол в церкви скрипел под его совершенно новыми сапогами – шумный и вместе очевидный признак предполагаемой перемены положения; потому что ходило предание будто он до тех пор носил все те же самые сапоги, в которых приехал в Крэнфорд двадцать пять лет назад; только они были починяемы заново сверху и внизу, в носках и голенищах, в каблуках и подошве, черной кожей и рыжей столько раз, что и не перечесть.

Ни одна из крэнфордских дам не заблагорассудила одобрить этот брак поздравлением жениха или невесты. Мы не хотели принимать участия в этом деле до возвращения нашей законной начальницы, мистрисс Джемисон. Покуда она

не воротится предписать нам нашу роль, мы думали, что будет лучше смотреть на помолвку как на факт, конечно, существующий, но о котором чем меньше говорить, тем лучше. Это воздержание, наложенное на наши языки (потому что рассудите: если мы не говорили об этом никому из действующих лиц, то как же могли мы получить ответы на вопросы, которые так нетерпеливо желали предложить), начинало делаться ужасно-скучным, наши понятия о достоинстве молчания начинало бледнеть перед силою любопытства, когда мыслям нашим вдруг дано было другое направление, объявлением от главного крэнфордского лавочника, который занимался всякой торговлей, от самой мелочной до модных нарядов, что весенние моды прибыли и будут выставлены в следующий вторник в его магазине, на главной улице. Мисс Мэтти только этого и ожидала, чтоб купить себе новое шелковое платье. Я предполагала, правда, послать за выкройками в Дрёмбль, но она отказалась от моего предположения, кротко намекнув, что не забыла о своем разочаровании касательно светло-зеленого тюрбана. Я была рада, что находилась теперь с нею и могла противиться ослепительному очарованию желтых и красных материй.

Здесь я должна сказать несколько слов о себе самой. Я говорила о старинной дружбе отца моего с семейством Дженкинс; и, право, не знаю, не были ли мы с ними даже в дальнем родстве. Он охотно позволил мне остаться на целую зиму в Крэнфорде, в уважение письма мисс Мэтти, которое

она написала к нему во время общего крэнфордского страха и в котором, я подозреваю, она преувеличила мою силу и мою храбрость, как защитницы её дома. Но теперь, когда дни стали и длиннее и светлее, он начал торопить мое возвращение; а я откладывала его только вследствие странной, отчаянной надежды, что если получу более ясные сведения, то могу найти связь того, что мне рассказала синьора об Аге Дженкинсе, с тем, что я выведала из разговора мисс Поль и мистрисс Форрестер о появлении и исчезновении «бедного Питера».

II. Банкротство

В тот самый четверг, когда мистер Джонсон должен был показывать свои модные товары, почтальонша принесла к нам два письма. Я сказала: «почтальонша», но должна бы сказать: жена почтальона. Он был хромой башмачник, очень опрятный, честный человек, весьма уважаемый в городе, но никогда сам не разносил писем, кроме чрезвычайных случаев, как, например, в день Рождества или в великую пятницу; и в эти дни письма, которые должны бы получиться в восемь часов утра, не являлись прежде двух или трех часов пополудни; все любили бедного Томаса и ласково принимали его в этих торжественных случаях. Он обыкновенно говорил, что сыт по горло, потому что в трех или четырех домах непременно хотели накормить его завтраком, и едва окончив последний завтрак, он приходил к какому-нибудь другому приятелю, который уж начинал обед; но как ни сильны были искушения, Томас всегда был трезв, вежлив и с улыбкой на лице; и как мисс Дженкинс обыкновенно говорила, это был олицетворенный урок терпения, который, она не сомневалась, должен вызвать это драгоценное качество во многих людях, у которых, не будь Томаса, оно дремало бы. Конечно, терпение находилось в состоянии весьма сильной дремоты у мисс Дженкинс. Она вечно ожидала писем, и всегда барабанила по столу, покуда не приходила или не проходила поч-

тальяонша. В Рождество и в великую пятницу она барабанила от чая до обедни, от обедни до двух часов, до тех пор, пока не нужно было помешать в камине, и непременно роняла кочергу и бранила за это мисс Мэтти. Но также непременно был ласковый прием и хороший обед для Томаса; мисс Дженкинс расспрашивала про его детей, что они делают, в какую школу ходят, делая ему упреки, если неравно еще новое чадо должно было появиться на свет; но всегда посылая ребятишкам шиллинг и сладкий пирожок, с пол кроной прибавки для отца и матери. Почта совсем не составляла особенной важности для милой мисс Мэтти; но ни за что на свете не уменьшила бы она ни приветствий, ни подарков Томасу, хотя я примечала, что она несколько стыдилась этой церемонии, на которую мисс Дженкинс смотрела как на торжественный случай для падения советов и благодеяний своим ближним. Мисс Мэтти совала деньги разом в его руку, как будто стыдясь себя самой. Мисс Дженкинс отдавала каждую монету особенно, с словами: «Вот! это для тебя... это для Дженни», и так далее. Мисс Мэтти всегда манила Марту из кухни, куда он ел свой обед; и однажды, как мне известно, она отвернулась, когда он быстро сунул свой завтрак в синий бумажный носовой платок. Мисс Дженкинс журила его, если он не дочиста съедал с блюда, как бы полно оно ни было наложено, и давала ему наставления с каждым куском.

Я далеко уклонилась от рассказа о двух письмам, ожидавших нас на столе в этот четверг. Письмо ко мне было

от батюшки, к мисс Мэтти печатное. Письмо батюшки было совершенно мужское письмо; я хочу сказать, что оно было очень скучно и говорило только о том, что он здоров, что у них были сильные дожди, что торговля почти совсем остановилась и что ходят слухи весьма неприятные. Он также спрашивал, знаю ли я, есть ли еще у мисс Мэтти акции в городском купеческом банке, так как о нем ходили весьма неприятные слухи, которые, впрочем, он всегда предвидел и давно уже предсказывал мисс Дженкинс, когда она отдавала туда все свое достояние – единственный, сколько ему известно, неблагоприятный шаг, сделанный во всю жизнь этой умной женщиной (единственный поступок, на который она решилась, вопреки его советам, как мне было известно). Однако, если что-нибудь пойдет дурно, разумеется, я не должна покидать мисс Мэтти, если могу ей сколько-нибудь быть полезной, и проч.

– От кого ваше письмо, душенька? А ко мне очень вежливое приглашение, подписанное Эдвин Уильсон, явиться на очень важное собрание акционеров городского купеческого банка в Дрёмбль, в четверг 25-го числа. Это с их стороны весьма любезно, что они вспомнили обо мне.

Мне не понравилось известие об этом «очень важном собрании», хотя я мало понимала дела; я опасалась, что это подтверждало слова батюшки, однако я подумала: дурные вести приходят всегда слишком рано, и потому решилась не говорить ничего о моем опасении, а сказала только, что ба-

тютюшка здоров и посылает ей поклон. Она долго восхищалась своим письмом. Наконец сказала:

– Я помню, что они прислали Деборе точно такое, но я этому не удивлялась, потому что все знали, как она была умна. Я боюсь, что мало буду им полезна; право, если они начнут считать, я совсем смешаюсь, потому что никогда не в состоянии сделать счет в уме. Дебора, я знаю, желала ехать и даже заказала себе новую шляпку; но когда настало время, она сильно простудилась и они прислали ей очень вежливый отчет о том, что было сделано. Кажется, выбирали директора. Как вы думаете, они приглашают меня, чтоб помочь им выбрать директора? Я тотчас выбрала бы вашего отца.

– У батюшки нет акций в этом банке, сказала я.

– Так, нет! я это помню. Он очень отсоветовал Деборе, когда она их покупала; но она была совершенно деловая женщина и всегда сама все решала; а ведь вы знаете, они все эти года платили по восьми процентов.

Для меня это был предмет весьма неприятный: я ждала недоброго; потому я переменяла разговор, спросив, в какое время, она думает, лучше нам идти смотреть модные материи.

– Ну, душенька, сказала она: – вот в чем дело: этикет не позволяет идти до двенадцати; но тогда весь Крэнторд будет там и не каждому приятно спрашивать при всех о нарядах, уборах, чепцах. Показывать любопытство в таких случаях неприлично людям благовоспитанным. У Деборы была

привычка всегда смотреть так, как будто бы последние моды ничего не значат для неё; это она переняла от леди Арлей, которая, знаете, видала всегда все новые моды в Лондоне. Поэтому, я думаю, мы сегодня утром выйдем вскоре после завтрака – мне нужно полфунта чаю, а потом можем пойти и рассмотреть все вещи на свободе и посмотреть, как нужно сделать мое новое шелковое платье, а потом, после двенадцати, можем идти снова, уже нисколько не думая о нарядах.

Мы начали говорить о новом шелковом платье мисс Мэтти. Я узнала, что она выбирает в первый раз в жизни что-нибудь важное для себя самой; мисс Дженкинс, каков бы ни был её вкус, была всегда более решительного характера, и удивительно, как такие люди овладевают другими простой силою воли. Мисс Мэтти заранее так восхищалась видом шелковистых складок, как будто бы на пять соверенов, отложенных для покупки, могла скупить все шелковые материи из лавки, и (припоминая, как я потеряла два часа в игрушечной лавке прежде, чем решила, на что издержать три пенса) я была рада, что мы пойдем рано, чтоб милая мисс Мэтти могла на свободе насладиться нерешимостью.

Если попадется материя голубоватая, платье будет голубоватое; если нет, она решилась на синее, а я на серое, и мы рассуждали о количестве полотнищ, покуда не дошли до лавки. Мы должны были купить чай, выбрать материю, а потом вскарабкаться на витую железную лестницу, ведущую туда, что было некогда чердаком, а теперь превратилось в выстав-

ку мод.

Молодые приказчики мистера Джонсона, нарядные, в лучших галстуках, вертели у прилавка с изумительною деятельностью. Они предложили тотчас провести нас наверх; но, придерживаясь правила, что дела прежде, а удовольствие после, мы остановились купить чай. Тут рассеянность мисс Мэтти изменила ей. Если она знала, что пила зеленый чай в какое бы то ни было время, то считала обязанностью не спать потом целую ночь (я знаю, что она несколько раз пила зеленый чай, не зная того, и не чувствовала подобных последствий), следовательно зеленый чай был запрещен в её доме; а сегодня она сама спросила этот зловредный предмет, воображая, что говорит о шелковой материи. Однако ошибка скоро была поправлена и потом материи в самом деле были развернуты. В это время лавка наполнилась; был рыночный день в Крэнфорде, и многие из мызников и окрестных крестьян пришли, поглаживая волосы и робко поглядывая из-под опущенных ресниц, желая нетерпеливо рассказать об этом необыкновенном зрелище дома, своей хозяйке или девушкам, и чувствуя, что они тут не на месте между щегольскими приказчиками, красивыми шальями и летними ситцами. Один из них однако пробрался до прилавка, у которого мы стояли, и смело попросил взглянуть на шали. Все другие деревенские жители ограничились бакалейным товаром; но наш сосед очевидно был слишком исполнен доброжелательных намерений относительно хозяйки, жены или дочери,

чтоб быть робким; и я скоро предложила себе вопрос: кто, мисс Мэтти или он, дольше продержит приказчика. Каждая вновь подаваемая шаль казалась ему лучше прежней, а мисс Мэтти улыбалась и вздыхала над каждой приносимой новой кипой; один цвет служил прекрасным оттенком другому и вся кипа вместе, как она говорила, пристыдила бы самую радугу.

– Я боюсь, сказала она, колеблясь: – что бы я ни выбрала, я буду жалеть, зачем не взяла другое. Посмотрите на эту хорошенькую малиновую: как это было бы тепло зимою. Но наступает весна... знаете, мне хотелось бы иметь по платью для всякого времени года, сказала она понизив голос: – как делали все мы в Крэнфорде, когда говорили о чем-нибудь таком, чего желали, да не могли себе позволить. Впрочем, продолжала она громче и веселее: – было бы с ними много хлопот, поэтому я думаю купить себе только одно... но которое же, душенька?

Она имела виды на лиловое с желтыми крапинками, а я указывала на темно-зеленое, совершенно пропадавшее между более яркими цветами, но между тем бывшее все-таки в своем смиренном виде очень хорошей материей. Внимание наше было привлечено на нашего соседа. Он выбрал шаль в тридцать шиллингов; лицо его просияло от надежды приятного сюрприза, который он сделает Молли или Дженни; он вытащил кожаный кошелек из кармана панталон и подал двадцатипятифунтовый билет за шаль и за какой-то узел, ко-

торый принесли ему с бакалейного прилавка; именно в эту-то минуту привлек он наше внимание. Приказчик рассматривал билет с смущенным, сомнительным видом.

– Городской банк! Я не знаю наверное, сэр, но, кажется, мы получили только сегодня утром предостережение против билетов этого банка. Я сейчас спрошу мистера Джонсона, сэр; но я боюсь, мне придется побеспокоить вас просьбой: заплатить монетой или билетом другого банка.

Я никогда не видела более внезапного смущения и изумления. Почти жаль было видеть такую быструю перемену.

– Чтоб их тут!.. сказал он, ударив кулаком по столу, как бы затем, чтоб попробовать, который крепче. – Парень говорит, как будто бумажки и золото валяются по полу.

Мисс Мэтти забыла свое шелковое платье из-за участия к этому человеку. Не думаю, чтоб она расслышала имя банка; в моей слабонервной трусости я дрожала, чтоб она не услышала его, и начала любоваться лиловым платьем, которое осуждала за минуту перед тем. Но это нисколько не помогло.

– Какой это банк?... Я хочу сказать, из какого банка ваш билет?

– Городского.

– Покажите мне, сказала она спокойно приказчику, тихо взяв у него из рук, когда он принес билет назад к мызнику.

Мистеру Джонсону было очень прискорбно, но, по полученному им уведомлению, билеты этого банка были ни чем

не лучше простой бумаги.

– Не понимаю, сказала мне мисс Мэтти – ведь это наш банк? городской?

– Да, сказала я: – эта лиловая материя как раз идет к лентам на вашем новом чепце. Мне кажется, продолжала я, развертывая складки, чтоб заслонить свет и желая, чтоб мызник ушел поскорее... но вдруг новая мысль мелькнула у меня в голове: благоразумно ли и справедливо ли допустить мисс Мэтти сделать такую значительную покупку, если дела банка до такой степени дурны, как показывал отказ взять билет?

Мисс Мэтти приняла кроткий и благородный вид, ей свойственный, и, ласково взяв меня за руку, сказала:

– На несколько минут оставим материи, душенька. Я не понимаю вас, сэр, сказала она, обращаясь к приказчику, ожидавшему от мызника денег – разве это билет фальшивый?

– О нет-с! билет настоящий; но видите ли-с, носятся слухи, что банк этот скоро рушится. Мистер Джонсон только исполняет свою обязанность, как, верно, известно мистеру Добсону.

Но мистер Добсон не мог отвечать на вопросительный поклон улыбкой согласия. Он рассеянно вертел в руках билет, мрачно смотря на сверток, содержащий выбранную шаль.

– Это тяжело для бедного человека, который добывает каждую копейку в поте лица, сказал он. – Впрочем, чем тут поможешь? Возьмите назад вашу шаль; Лидзи обойдется по-

камест и плащом. А винные ягоды для ребятишек, я им обещал... и возьму их, но табак и другие вещи...

– Я дам вам пять соверенов за ваш билет, мой милый, сказала мисс Мэтти. – Я полагаю, что тут есть какая-нибудь ошибка; я ведь одна из акционеров, и наверно они уведомили бы меня, если б дела не были в порядке.

Приказчик прошептал через прилавок несколько слов мисс Мэтти. Она взглянула на него с недоумением.

– Может быть, сказала она – но я не имею притязания знать толк в делах; я только знаю, что если банк обанкротится и честные люди должны лишиться своих денег, потому что принимали наши билеты... Я не ясно выражаю мою мысль, прибавила она, вдруг заметив, что пустилась в длинную речь и что ее слушают четверо – только я разменяю на золото этот билет, если хотите, заключила она, обращаясь к мызнику – и вы можете отнести шаль вашей жене. Только с платьем мне надо повременить несколько дней, сказала она мне: – тогда, я не сомневаюсь, все разъяснится.

– Но если разъяснится в худую сторону? сказала я.

– Ну, что ж? я только, значит, поступила честно, как акционерка, отдав деньги этому доброму человеку. Я совершенно понимаю это в моих мыслях; но, вы знаете, я никогда не могу говорить так понятно, как другие; вы должны отдать мне ваш билет, мистер Добсон, если хотите сделать покупки на эти соверены.

Мызник посмотрел на нее с безмолвной признательно-

стью, не умея выразить ее словами, но попятился назад, комкая свой билет.

– Мне не хочется заставить другого потерять вместо себя, если надо потерять; только видите: пять фунтов – деньги большие для человека семейного; а как вы говорите, можно побиться об заклад, что через два-три дня билет будет приниматься по той же цене, как золото...

– Не надейтесь, мистрисс, сказал приказчик.

– Тем больше причины мне взять его, сказала спокойно мисс Мэтти.

Она подвинула свои соверены к мызнику, который нерешительно вручил ей билет.

– Благодарствуйте. Я подожду дня два покупкой шелковой материи; может быть, у вас будет тогда большой выбор. Душенька, пойдете навверх.

Мы рассматривали модные фасоны с таким мелочным и любопытным участием, как будто бы платье, которое должно было сшиться по ним, было куплено. Я не заметила, чтоб маленькое происшествие в лавке хоть сколько-нибудь уменьшило любопытство мисс Мэтти насчет того, как делаются рукава и юбки. Она несколько раз выражала мне свое удовольствие о том, что мы так свободно и уединенно можем рассматривать шляпки и шали; но я все время не была уверена, чтоб наше посещение было совершенно уединенно, потому что мне мелькнула фигура, выглядывавшая из плащей и мантилий и, торопливо обернувшись, очутилась лицом к

лицу с мисс Поль, которая, тоже в утреннем костюме (главная черта которого состояла в том, что она была без зубов и в вуали, чтоб скрыть их недостаток), пришла с тем же намерением, как и мы. Но она тихо отправилась домой, потому что, как говорила, страдала сильной головною болью и чувствовала себя не в состоянии поддерживать разговор.

Возвращаясь назад через лавку, мы нашли вежливого мистера Джонсона, ожидавшего нас; он узнал о размене билета на золото и с большим чувством и с истинной добротой, но с маленьким недостатком такта, пожелал выразить свое участие к мисс Мэтти и рассказать ей настоящее положение дела. Я могла только надеяться, что до него дошли преувеличенные слухи, потому что он сказал, будто её акции стали хуже, чем ничего, и что банк не может заплатить даже шиллинга за фунт. Я была рада, что мисс Мэтти, казалось, не совсем этому верила; но я не могла сказать, действительно ли она не верила, или притворялась, с тем уменьем владеть собою, которое было свойственно дамам в положении мисс Мэтти в Крэнфорде, дамам, полагавшим, что они компрометируют свое достоинство малейшим выражением удивления, смущения или тому подобного чувства, в присутствии низшего им по званию, или в публичном месте. Однако домой шли мы молча. Стыдно сказать, что мне было и неприятно и досадно, зачем мисс Мэтти так решительно взяла себе билет. Мне так хотелось, чтоб у ней было новое шелковое платье, которое, к сожалению, так было ей нужно; вообще она была

так нерешительна, что всякий мог переуверить ее во всем; но тут я чувствовала, что напрасно будет покушаться на это и тем не менее была раздосадована.

Как бы то ни было, после двенадцати мы обе признались, что насмотрелись досыта на моды, что чувствовали некоторую усталость (которая в действительности была унынием) и решились не идти туда опять. Но все-таки мы ничего не говорили о билете, как вдруг что-то побудило меня спросить мисс Мэтти: неужели она считает обязанностью давать соверены за все билеты городского банка, которые ей попадутся? Я хотела бы прикусить себе язык, только что успела это выговорить. Она взглянула на меня несколько грустно, как будто я бросила новое недоумение в её уже измученное сердце и несколько минут не говорила ничего. Потом сказала: – о моя милая мисс Мэтти – без тени упрека в голосе:

– Душенька! я никогда не находила в своем уме большой, как говорится, остроты; и часто мне довольно трудно решить, что я должна делать. Я была очень рада, очень рада, что сегодня утром увидела прямую свою обязанность, когда этот бедный человек стоял передо мною; но для меня очень тяжело все думать-и-думать о том, что я должна делать, когда случится то-то или то-то; и я полагаю, мне лучше ждать и посмотреть что будет; я не сомневаюсь, что мне тогда помогут, если я не стану тревожиться и беспокоиться заранее. Вы знаете, милочка, я не похожа на Дебору. Будь жива Дебора, я не сомневаюсь, она не допустила бы их дойти до та-

кого положения.

Никто из нас не имел большего аппетита за обедом, хотя мы старались весело разговаривать о посторонних предметах. Воротясь в гостиную, мисс Мэтти открыла бюро и начала пересматривать свои счетные книги. Я так раскаивалась в том, что сказала утром, что не хотела взять на себя смелости предположить, будто могу ей пособить; я предоставила ей заниматься одной; с нахмуренными бровями следовала она взором за пером, бегавшим взад и вперед по странице. Потом она закрыла книгу, заперла бюро и придвинула ко мне свое кресло; я сидела в угрюмой печали перед камином. Я протянула ей руку, она сжала ее, но не сказала ни слова. Наконец, проговорила с принужденным спокойствием в голосе:

– Если дела этого банка кончатся дурно, я потеряю сто сорок девять фунтов тринадцать шиллингов и четыре пенса в год; у меня останется только тринадцать фунтов годового дохода.

Я сжала крепко её руку, но не знала что сказать. Я почувствовала (было темно, я не могла видеть её лица), как её пальцы судорожно зашевелились в моей руке, и угадала, что она собирается с духом, чтоб продолжать. Мне слышались рыдания в её голосе, когда она сказала:

– Надеюсь, что это не грех, если скажу, но я... но, о, я так рада, что бедная Дебора избавилась от этого: она никогда не могла бы перенести унижения... у неё была такая благородная, высокая душа.

Вот все, что она сказала о сестре, настоявшей на том, чтоб отдать их маленькое состояние в этот несчастный банк. В тот вечер мы еще позже, чем обыкновенно, зажгли свечи и сидели безмолвные и грустные.

Однако мы принялись за работу после чая с какой-то принужденной веселостью (которая скоро сделалась искреннею), разговаривая о помолвке леди Гленмайр. Мисс Мэтти почти начала находить это делом хорошим.

— Я не намерена отрицать, чтоб мужчины не были помехой в доме. Я не могу судить о неисчерпаемой новости по собственному-опыту, потому что отец мой был олицетворенной опрятностью и всегда, возвращаясь домой, вытирал башмаки так же старательно, как женщины; но все-таки мужчина понимает, как должно поступать в затруднительных обстоятельствах, и очень приятно иметь человека под рукою, на которого можно положиться. Вот хоть бы леди Гленмайр, вместо того, чтоб колебаться и не знать, где ей поселиться, будет иметь дом среди общества приятных и добрых людей, как-вы, например, наши добрые мисс Поль и мистрисс Форрестер. А мистер Гоггинс ведь, право, видный собой мужчина; ну, а что касается до его обращения, то если оно не слишком изящно, я скажу, что знала людей с прекрасным сердцем и преумных, которые хотя не могли похвалиться тем, что некоторые считают светскостью, но отличались и благородством и добротой.

Она предалась нежной мечтательности о мистере Голь-

бруке и я не прерывала ее, будучи занята соображением одного плана, который занимал мои мысли уже несколько дней, но который угрожающее банкротство привел к кризису. В этот вечер, когда мисс Мэгги улеглась спать, я вероломно опять зажгла свечу и села в гостиной сочинять письмо к Аге Джонкинсу, письмо, которое должно было тронуть его, если он был Питер, и показаться простым изложением сухих фактов, если это человек посторонний. Церковные часы пробили два прежде, чем я кончила.

На следующее утро явились известия и официальное и частное, что городской банк прекратил платежи. Мисс Мэтти была разорена.

Она пыталась говорить со мной спокойно; но когда дошла до обстоятельства, что должна жить только пятью шиллингами в неделю, не могла удержать нескольких слез.

– Я плачу не о себе, душенька, сказала она, утирая их: – я полагаю, что плачу о той глупой мысли, как огорчилась бы матушка, если б это знала; она заботилась о нас гораздо больше, чем о себе самой. Но сколько бедных людей имеют еще меньше; а я, слава Богу, не очень расточительна: когда выдам Марте жалованье, расплачусь за баранину и за наем квартиры, то не останусь должна ни одной копейки. Бедная Марта! думаю, ей будет жаль меня оставить.

Мисс Мэтти улыбнулась мне сквозь слезы и как будто хотела показать мне только улыбку, а не слезы.

III. Истинные друзья

Видеть, как мисс Мэтти тотчас принялась за сокращения, которые она считала необходимыми при своих изменившихся обстоятельствах, было для меня примером и, думаю, могло бы быть примером и для других. Пока она пошла поговорить с Мартой и уведомить ее обо всем, я, с моим письмом к Аге Дженкинсу, ускользнула к синьорам, чтоб узнать верный адрес. Я обязала синьору соблюдать молчание; и действительно, её военные приемы имели некоторую степень резкости и осторожности, заставлявшую ее говорить как можно меньше, кроме тех случаев, когда она находилась под влиянием сильного волнения. К тому же (что делало мою тайну вдвое надежнее) синьор до того теперь оправился от своей болезни, что помышлял ехать дальше, показывать фокусы и через несколько дней с своей женою, маленькой Фебой, оставлял Крэнфорд. Я нашла его рассматривающим огромное черное с красным объявление, где рассказывались все совершенства синьора Брунони и где недоставало только имени города, в котором он намеревался играть. Они с женою были так погружены в решение того, где красные буквы будут эффектнее, что я насилу могла вставить свой вопрос, и то уже подав предварительно различные мнения, в основательности которых сама усомнилась, когда синьор возобновил свои сомнения и размышления об этом важном пред-

мете. Наконец я достала адрес, и как казался он странен! Я бросила письмо на почту, возвращаясь домой, и с минуту стояла смотря на деревянный ящик с раскрытой щелью, отделявшей меня от письма, за секунду перед тем находившегося в моих руках. Оно ускользнуло от меня, как жизнь, безвозвратно. Оно будет качаться по морю, может быть, забрызжется волнами, унесется к пальмам, пропитается всеми тропическими благоуханиями; клочок бумажки, только час назад такой обыкновенный и знакомый и пошлый, отправится в свой путь к диким странам за Ганг. Но я не могла терять много времени на эти размышления. Я поторопилась домой: может быть, я нужна мисс Мэтти. Марта отворила мне дверь с лицом, распухшим от слез. Увидев меня, она залилась снова, схватила меня крепко за руку, притащила в переднюю и захлопнула дверь, спрашивая, справедливо ли то, что сказала мисс Мэтти.

– Я никогда ее не брошу, нет, не брошу – так я ей сказала; не знаю, говорю, как у вас хватило духу отпустить меня. На её месте я бы этого не сделала. Я ведь не такая мерзавка, как Роска у мистрисс Фиц-Адам, что готова отойти, если не прибавят жалованья, проживши семь с половиной лет у одних хозяев. Я сказала, что не хочу служить дьяволу таким манером, что я, дескать, понимаю, что значит добрая барыня, коли она не понимает, что значит хорошая служанка...

– Но, Марта... сказала я, перебивая ее, покуда она вытирала себе глаза.

– Не говорите мне этого, отвечала она на мой умоляющий голос.

– Выслушай причины...

– Не хочу слушать ваших причин, сказала она теперь твердым голосом, который прежде прерывался от рыданий. – Всякий может приводить причины по-своему. У меня тоже есть хорошие причины. Уж причина там или нет, а я все буду это говорить, вот хоть меня убейте. У меня есть деньги в Сохранной Казне, есть-таки довольно из одёжи и не уйду я от мисс Мэгги, нет, не уйду, хоть отпускай она меня каждый час и каждый день!

Она сложила руки ферттом, как бы вызывая меня на бой; и точно, я не знала бы как начать ее уговаривать – так сильно я чувствовала, что мисс Мэгги, при своем увеличивающемся нездоровьи, нуждалась в попечении этой доброй и верной женщины.

– Хорошо, сказала я наконец.

– Я рада, что вы начали с «хорошо»! Если б вы сказали «но», как прежде, я бы вас не стала слушать. Теперь вы можете продолжать.

– Я знаю, что мисс Мэгги много потеряла бы в тебе, Марта...

– Я так ей и сказала. Потеряла да вечно бы жалела, перебила Марта с торжеством.

– Однако у ней будет так мало... так мало... средств к жизни, что я не знаю, чем будет она тебя кормить... она и

себя-то прокормит с трудом. Я говорю это тебе, Марта, потому, что считаю тебя другом мисс Мэтти; но, знаешь, может быть, ей будет неприятно, чтоб говорили об этом.

Вероятно, это был предмет более печальный, нежели как хотела говорить о нем мисс Мэтти, потому что Марта бросилась на первый стул, который случился у ней под рукой, и зарыдала громко (мы стояли в кухне). Наконец она опустила передник и, посмотрев мне пристально в лицо, сказала:

– Не по этой ли причине мисс Мэтти не заказала пудинга сегодня? Она сказала, что ей не хочется сладкого и что вы с нею будете кушать просто баранью котлетку, но я перехитрю. Не говорите ей, а я сделаю славный пудинг на свои деньги. Смотрите же, чтоб она его скушала непременно. Многим становится легче на сердце, когда хорошее блюдо на столе.

Я была рада, что энергия Марты приняла немедленное и практическое направление к деланию пудинга и прекратила спор, останется ли она или не останется в услужении у мисс Мэтти. Она надела чистый передник и приготовилась идти в лавку за маслом, за лицами и всем, что было нужно; она не хотела взять для своей стряпни ни крошки из того, что находилось в доме, но отправилась к старой чайнице, в которой хранились её деньги, и взяла сколько ей было нужно. Я нашла мисс Мэтти очень спокойной и порядочно-грустной; мало-помалу она начала улыбаться для меня. Было решено, что я напишу к батюшке и попрошу его приехать, чтоб посоветоваться; как только отправилось письмо, мы начали

говорить о будущих планах. Мисс Мэтти намеревалась нанять одну комнатку, оставив только ту мебель, какая была ей необходима, продать остальное, и тихо жить тем, что останется ей от найма за квартиру. Я была более честолюбива и менее довольна. Я думала о том, сколько может женщина, старше среднего возраста и с воспитанием, какое получали женщины за пятьдесят лет назад, добывать для жизни, не выходя из своего сословия; но, наконец, я отложила в сторону этот последний пункт и желала узнать, что хочет делать мисс Мэтти.

Уроки, разумеется, прежде всего приходили на мысль: если б мисс Мэтти могла чему-нибудь учить детей, то жила бы, окруженная маленькими созданиями, которыми восхищалась её душа. Я перебрала в уме её дарования. Как-то раз она сказала, что может сыграть: «Ah! vous dirai-je, maman?» на фортепьяно; но это было давно, очень давно; и слабая тень музыкального дарования исчезла, много лет назад. Она умела также когда-то рисовать очень милые узоры для кисейных вышивок, наложив сквозную бумагу на узор, приложив стекло, проводя карандашом по зубцам и кружечкам.

Но это были самые искусные подвиги в рисовании, и не думаю, чтоб с ними можно было уйти далеко. Что касается до отрасли серьёзного английского образования – женского рукоделья и географии с арифметикою – чему бралась учить начальница женского пансиона, в который все крэнфордские купцы посылали своих дочерей, глаза мисс Мэтти изменяли,

и я сомневаюсь, могла ли она счесть нитки в гарусном шитье, или достоительно оценить различные тени, требуемые для лица королевы Аделаиды в вышивании шерстяными, теперь самым модном рукоделье в Крэнфорде. Что касается до употребления глобусов, с которыми я никак не могла сладить сама и потому, может быть, была не совсем хорошей судьей о способностях мисс Мэтти к обучению этой отрасли воспитания; но мне казалось, что экватор, тропики и тому подобные мистические круги были для неё истинно-мнимыми линиями, и что она смотрела на знаки зодиака как на остатки чернокнижия.

В деле искусств она гордилась только умением делать фитили, чтоб зажигать свечи, или, как она их называет, *fidibus*, из разноцветной бумаги, вырезанной наподобие перьев, и вязаньем подвязок самых превосходных узоров. Я сказала однажды, получив в подарок такую вязаную пару, что очень желала бы потерять одну на улице, чтоб заставить её полюбоваться, но нашла, что эта шуточка, кажется, очень невинная, до такой степени оскорбила её чувство приличия и была принята с таким серьёзным испугом, как бы искушение не увлекло меня на самом деле, что я сожалела, зачем сказала это. Эти нежно сработанные подвязки, сотня разноцветных свечных фитилей, подмотки, намотанные шелком по фантастическому способу, были верными признаками благосклонности мисс Мэтти. Но захочет ли кто платить за то, чтоб дети выучились таким искусствам? и захочет ли мисс Мэтти

продавать, из-за прибыли, искусства и сведения, из которых она делает вещи ценные для тех, кто ее любит?

Я возвратилась к чтению, письму и арифметике; читая главу из Библии каждое утро, она всегда кашляла, когда дело доходило до длинных слов. Я сомневалась, в состоянии ли она закончить главу даже при помощи всего своего кашля. Писала она хорошо и четко, но правописание!.. Она думала, что чем страннее будет её слог, чем более она будет в нем затрудняться, тем большую любезность окажет она своему корреспонденту, и слова, которые она ставила почти правильно в своих письмах ко мне, становились сущими загадками, когда она писала к моему отцу.

Нет! ничему она не могла научить возрастающее поколение Крэнфорда; оно могло учиться у неё разве только подражать её терпению, смирению, кротости, уменью не завидовать тому, чего она не умела делать. Я обдумывала об этом, покуда Марта не доложила об обеде с лицом, раздувшимся и распухшим от слез.

У мисс Мэтти были некоторые особенности, которые Марта считала причудами, несостоящими внимания, и детскими фантазиями, от которых старая, пятидесятивосьмилетняя дама должна постараться отстать. Но в этот день на все обращалось самое заботливое попечение. Хлеб был разрезан с совершенством, доведенным до идеала в воображении мисс Мэтти, так, как любила её мать; занавесы были задернуты так, чтоб закрыть голую кирпичную стену соседней ко-

нюшни, и чтоб показать нежные листки тополя, находившегося тогда во всей своей весенней красоте. Тон Марты с мисс Мэтти был точь-в-точь такой, какой эта добрая, грубая служанка сохраняла для маленьких детей и каким она никогда не говорила с взрослыми.

Я забыла сказать мисс Мэтти о пудинге и боялась, что она станет кушать его, как должно; у ней в этот день было очень мало аппетита; я воспользовалась тем временем, когда Марта унесла блюдо, чтоб ввести ее в секрет. Глаза мисс Мэтти наполнились слезами; она не могла даже выговорить ни слова, чтоб выразить удивление или восхищение, когда Марта воротилась, неся торжественно пудинг, сделанный удивительно, в виде лежачего льва. Лицо Марты сияло торжеством; она поставила его перед мисс Мэтти с ликующим: «вот!» Мисс Мэтти хотела изъявить благодарность, но не могла; она взяла руку Марты и с жаром ее пожала, отчего Марта расплакалась и я сама с трудом могла сохранить приличное спокойствие. Марта бросилась вон из комнаты, а мисс Мэтти должна была прокашляться раз или два прежде, чем могла заговорить. Наконец она сказала:

– Я хотела бы сохранить этот пудинг под стеклом, душенька!

Мысль о возлежащем льве с его изюмными глазами, на почетном месте над камином, рассмешила меня до истерики и я начала хохотать, что несколько удивило мисс Мэтти.

– Я уверена, душенька, что видела под стеклом вещи го-

раздо менее достойные внимания, сказала она.

И я также, да еще как часто. Я постаралась успокоиться, но с трудом могла удержаться от слез, и мы обе напали на пудинг, который был тонко превосходен, только каждый кусок, казалось, давил нас – так наши сердца были переполнены.

Мы были так заняты мыслями, что не могли много разговаривать в этот день. Он прошел очень молчаливо. Но когда принесла Марта чайный прибор, новая мысль пришла мне в голову. Почему бы мисс Мэтти не продавать чаю, не быть агентом Чайного Общества Восточной Индии, тогда существовавшего? Я не видела препятствия к исполнению этого плана, между тем, как выгод было много, предположив, впрочем, что мисс Мэтти может спуститься до унижения заниматься чем-нибудь в роде торговли. Чай не был ни липок: ни жирен, этих двух вещей мисс Мэтти не могла терпеть. Выставлять в окошке небольшое аристократическое уведомление о полученном ею позволении продавать чай, правда, будет необходимо, но я надеялась, что оно поместится там, где его никто не увидит. Чай был веществом нетяжелым и не мог обременить слабые силы мисс Мэтти; единственная вещь, представлявшая затруднение, была покупка и продажа.

Между тем, как я давала рассеянные ответы на вопросы мисс Мэтти, почти такие же рассеянные, мы услышали на лестнице шум, дверь отворилась и затворилась как будто какой-то невидимой силой. Вскоре явилась Марта, таща за со-

бою высокого молодого парня, раскрасневшегося, как рака, от робости, и находящего единственное спасение в приглаживании своих волос.

– Извините, это Джим Гэрн, сказала Марта вместо рекомендации; она так запыхалась, что мне представилось, не выдержала ли она драку, прежде чем победила его сопротивление быть представлена в аристократическую гостиную мисс Матильды Дженкинс.

– Он желает на мне жениться. Он имеет желание также взять жильца, тихого жильца, и мы возьмем очень покойный дом. Ах, милая мисс Мэтти, если смею предложить, не будете ли вы согласны жить у нас? Джим тоже этого желаем. (Джиму) Ну ты, болван! разве ты не можешь подтвердить что я говорю; но ему все-таки больно хочется – не так ли Джим? – только извольте видеть, он потерялся, потому что не привык говорить с барыней.

– Совсем не то, вмешался Джим. – Ты вдруг на меня напала; я совсем не думал жениться так скоро, а такое торопливое дело совсем ошеломит человека. Не то, чтоб я был против этого, сударыня (обращаясь к мисс Мэтти), только Марта уж такая проворная, коли заберет что себе в голову, а женитьба, сударыня, женитьба ведь на век связывает человека. Осмелюсь сказать, как обвенчаюсь, так тогда уж мне будет все равно.

– Извините, сударыня, сказала Марта, которая дергала его за рукав, толкала под локоть и всячески старалась перебить

его во все время, как он говорил – не слушайте его, он обр-зумится. Вот прошлый вечер он приставал ко мне – да, при-ставал, зачем я говорила, что не бывать этому еще много лет; а теперь это он свихнулся от радости. Только ты ведь, Джим, также, как я, желаешь иметь жильца? (Опять толканье под локоть).

– Ну если мисс Мэтти будет у нас жить, пожалуй; а то я не хочу напичкать дом чужими, сказал Джим с недогадли-востью, взбесившею Марту, которая старалась представить, будто они ужасно желают иметь жильца и будто мисс Мэтти окажет им большую милость, если согласится с ними жить.

Мисс Мэтти была сбита с толку этой четой: внезапное ре-шение несогласной пары, или, скорее, одной Марты, в пользу брака изумило ее и помешало ей согласиться на план, при-нятый Мартой к сердцу. Мисс Мэтти начала:

– Брак дело весьма важное, Марта.

– Точно так, сударыня, молвил Джим. – Не то, чтоб я имел что-нибудь против Марты...

– Ты приставал ко мне с ножом к горлу, чтоб я назначи-ла день нашей свадьбы, сказала Марта с лицом в огне и го-товая заплакать от досады: – а теперь стыдишь меня перед барыней.

– И, нет Марта, право нет! право нет! только ведь надо же перевести дух, сказал Джим, стараясь поймать ее за руку, но напрасно. Видя, что она серьёзнее обижена, нежели он пред-полагал, он старался собрать свои рассыпавшиеся мысли и с

большим успехом, нежели за десять минут перед тем я ожидала от него. Он обернулся к мисс Мэтти и сказал: – Надеюсь, сударыня, вам известно, что я питаю почтение ко всем, кто был милостив к Марте. Я давно считал, что она будет моей женой. Она зачастую говорила об вас, как о добрейшей барыне на свете; и хотя, по правде сказать, мне нежелательно иметь жильцов простых; а если вам, сударыня, угодно сделать нам честь жить с нами, я знаю наверняка, что Марта все сделает, чтоб вас успокоить; а я постараюсь всегда как можно меньше попадаться вам на глаза, что, как мне сдается, самое лучшее дело, какое только может сделать такой неуклюжий парень, как я.

Мисс Мэтти весьма старательно снимала свои очки, вытирала их и надевала; но могла только сказать:

– Пожалуйста не примешивайте мысль обо мне к вашей женитьбе; пожалуйста не примешивайте! Брак дело весьма важное.

– Мисс Матильда подумает о твоём предположении, Марта, сказала я, пораженная выгодами, которые оно представляло, и не желая потерять случай обдумать его. – И, будьте уверены, ни она, ни я, мы никогда не забудем твоего доброго расположения, ни твоего также, Джим.

– Ну точно так, сударыня. Я, право, говорил по сердечному расположению, хоть немножко одурел, что мне так вдруг вбили в голову женитьбу, и не могу выразиться по приличеству. А право, охоты у меня довольно и, дай срок, привыкну.

Ну, девка, полно хныкать, к чему дуешься, коли я подхожу?

Последнее было сказано sotto voce и имело следствием заставить Марту броситься стремглав из комнаты; жених побежал за нею успокаивать ее. Мисс Мэтти заплакала от чистого сердца и объяснила это тем, что мысль о скором замужестве Марты совершенно ее поразила, и что она никогда не простит себе, что заставила бедняжку поспешить. Я кажется, больше сожалела о Джиме; но обе мы с мисс Мэтти оценили хорошие расположения доброй четы, хотя говорили об этом мало, а напротив того, очень много о выгодах, невыгодах и опасностях брака.

На следующее утро, очень рано, я получила записку от мисс Поль, так таинственно-сложенную и столькими печатями запечатанную, что не могла распечатать и должна была разорвать бумагу. Что же касается до содержания, я с трудом могла понять его – до того оно было запутано и загадочно. Я успела, однако, понять, что мисс Поль просит меня к себе в одиннадцать часов; *одиннадцать* было написано и прописью и числами, а утром два раза подчеркнуто, как будто я могла вздумать прийти в одиннадцать часов ночи, между тем, как весь Кренфорд обыкновенно лежит в постели и спит глубоким сном в десять часов. Подписи не было, исключая начальных букв имени и фамилии мисс Поль; но так как Марта, подавая мне записку, сказала: «мисс Поль приказала кланяться», то не требовалось колдовства, чтоб узнать, кто прислал ее; а так как имя особы, написавшей записку должно

было оставаться в тайне, то хорошо случилось, что я была одна, когда Марта подала ее.

Я отправилась к мисс Поль. Дверь отворила мне её маленькая служанка, Лидзи, в праздничном наряде, как будто какое-нибудь важное происшествие предстояло в этот будничный день. Гостиная была убрана сообразно с этой мыслью. Стол был накрыт лучшей скатертью с нужными материалами для письма. На небольшом столике стоял поднос с только что откупоренной бутылкой настойки из скороспелок и несколькими бисквитами. Сама мисс Поль была в торжественном уборе, как будто для приема гостей, хотя было только одиннадцать часов. Мистрисс Форрестер, которая была тут, плакала тихо и грустно, и мой приход вызвал новые слезы. Прежде чем мы кончили обычные приветствия, произнесенные с плачевной таинственностью, раздался новый стук и явилась мистрисс Фиц-Адам, покрасневшая от ходьбы и волнения. Казалось, что все это были гости приглашенные, потому что мисс Поль сделала разные приготовления, чтоб приступить к открытию митинга, поправила огонь, растворила и затворила дверь, прокашлялась и высморкала нос. Потом посадила нас всех вокруг стола, позаботившись поместить меня напротив себя, и напоследок осведомилась у меня, справедливо ли, как она того опасалась, грустное известие, что мисс Мэтти лишилась всего своего состояния?

Разумеется, я могла отвечать только «да», и никогда не

приводилось мне видеть более неподдельной печали, как та, которая выразилась теперь на лицах трех женщин, сидевших передо мной.

– Я желала бы, чтоб мистрисс Джемисон была здесь, сказала наконец мистрисс Форрестер; но, судя по лицу мистрисс Фиц-Адам не разделяла этого желания.

– Но и без мистрисс Джемисон, сказала мисс Поль, с выражением оскорбленного достоинства в голосе: – мы, кренфордские дамы, собравшиеся в моей гостиной, можем решить что-нибудь. Я полагаю, что ни которая из нас не может назваться богатой, хотя все мы обладаем приличным состоянием, достаточным для особ со вкусом изящным и утонченным, которые, если б даже имели возможность, не предались бы пошлому чванству.

Тут я заметила, что мисс Поль взглядывает на небольшую бумажку, скрытую в руке её, на которой, я полагаю, она сделала некоторые отметки.

– Мисс Смит, продолжала она, обращаясь ко мне (более известную предстоящему собранию, как «Мэри»; но это был торжественный случай, я совещалась с этими дамами), я сочла нужным сделать это вчера, узнав о несчастье, приключившемся с нашей приятельницей, и все мы согласились, что если у нас есть излишек, то это не только обязанность, но и удовольствие, истинное удовольствие, Мэри... голос её несколько тут прервался и она должна была вытереть свои очки прежде, чем стала продолжать: – сделать все, что мы

можем, чтоб помочь мисс Матильде Дженкинс. Но в уважение чувств деликатной независимости, существующей в мыслях каждой благовоспитанной персоны из числа дам (я заметила, что она опять обратилась к своей бумажке) мы желаем помочь ей нашими крохами тайным и скрытным образом, чтоб не оскорбить чувств, о которых я упоминала. Предмет нашей просьбы к вам, пожаловать ко мне сегодня утром, состоит в том, что, считая вас дочерью... что ваш отец, её доверенный советник во всех финансовых случаях, мы полагали, что, посоветовавшись с ним, мы можем придумать какой-нибудь способ, по которому наше содействие может показаться законным правом, получаемым мисс Матильдой Дженкинс от... вероятно, отец ваш, зная, где вложены её деньги, может дополнить пропуск.

Мисс Поль заключила свой адрес и осмотрелась кругом, ища одобрения и согласия.

– Я выразила ваши мысли, милостивые государыни, не так ли? и пока мисс Смит обдумывает ответ свой, позвольте мне предложить вам небольшую закусочку.

Мне нечего было придумывать ответ; я чувствовала в сердце слишком много благодарности за их добрую мысль, чтоб выразить ее громкими словами; поэтому я только пробормотала что-то в роде, что «я уведомя батюшку о том, что сказала мисс Поль и, если можно, что-нибудь устроить для милой мисс Мэтти...» Здесь я должна была совершенно остановиться и освежиться стаканом воды прежде, чем

могла скрыть слезы, накопившиеся в эти последние два или три дня. Хуже всего было то, что все мы плакали. Плакала даже мисс Поль, говорившая раз сто, что выказывать волнение перед кем бы то ни было она считает знаком слабости и недостатком самообладания. Она пришла в себя с некоторого рода досадою, направленною против меня, как зачинщицы, и, кроме того, я думаю, ей было прискорбно, что я не могла отплатить ей речью такою блистательною как её речь, если б я знала наперед, что будет сказано, и если б у меня была бумажка с приготовленными выражениями насчет чувств, которые должны были возбудиться в моем сердце, я попробовала бы сделать ей удовольствие. Как бы то ни было, мистрисс Форрестер заговорила первая, когда мы пришли в себя.

– Я не затрудняюсь сказать между друзьями, что я... нет! я собственно не бедна, но не думаю, чтоб могла считаться тем, что называется богатая женщина. Я желала бы быть богатой ради мисс Мэтти... но позвольте, я напишу в запечатанной бумажке, что могу дать. Я желала бы большего, право желала бы, милая Мерп.

Теперь я увидела, зачем были приготовлены перья, бумага и чернила. Каждая дама написала сумму, которую могла давать ежегодно, подписала бумагу и запечатала ее таинственно. В случае принятия их предложения, отец мой должен был распечатать бумажки под обязательством хранить тайну. Если нет, они должны быть возвращены по принад-

лежности.

Когда эта церемония окончилась, я стала прощаться; но каждая дама, казалось, желала иметь со мною тайное совещание. Мисс Поль задержала меня в гостиной, изъясняя, как в отсутствие мистрисс Джемисон она взяла на себя управлять «ходом этого дела» (как ей было угодно это называть) и так же уведомить меня, что она слышала из верного источника, что мистрисс Джемисон возвращается домой в состоянии величайшего неудовольствия против своей невестки, которая немедленно выезжает из её дома и, как кажется, едет в Эдинбург сегодня же. Разумеется, это известие не могло быть передано мне при мистрисс Фиц-Адам, особенно потому, как предполагала мисс Поль, что брак леди Гленмайр с мистером Гоггинсом не мог состояться теперь, по причине негодования мистрисс Джемисон. Дружеские расспросы о здоровье мисс Мэтти заключили свидание мое с мисс Поль.

Спускаясь с лестницы, я нашла мистрисс Форрестер, ожидающую меня при входе в столовую; она отвела меня в сторону и, заперев дверь, пробовала несколько раз начать разговор, до того далекий от настоящего предмета, что я стала отчаиваться, пойдем ли мы наконец друг друга. Наконец она объяснилась; бедная старушка дрожала все время, как будто объявляла о великом преступлении, уведомляя меня, как мало, ужасно-мало имела она средств к жизни; она сделала это признание из опасения, чтоб мы не подумали, будто небольшое приношение, написанное на её бумажке, сораз-

мерялось с её любовью и уважением к мисс Мэтти. И однако, эта сумма, которую она с таким жаром уступала, была на самом-деле более, чем двадцатая часть из того, чем она должна была жить, содержать дом, девочку для прислуги – все, что было прилично для урожденной Тиррелль. А когда весь доход не простирается до ста фунтов, то для того, чтоб отдавать из него двадцатую часть, сколько потребуется заботливой экономии, сколько самоотвержения, героизма, ничтожного и незначительного в расчетах света, но имеющего огромную цену в другой счетной книге, о которой я слыхала. Она так хотела бы теперь быть богатой и повторяла беспрестанно это желание без всякой мысли о самой себе, а единственно с сильнейшим, горячим расположением быть в состоянии увеличить меру удобств мисс Мэтти.

Нескоро я могла на столько ее утешить, чтоб решиться ее оставить; и, выходя из дому, нашла подстерегавшую меня мистрисс Фиц-Адам, которая также хотела сообщить мне по секрету нечто совершенно противоположное. Ей не хотелось написать все то, что она может и готова предложить: ей казалось, что она не будет в состоянии взглянуть в лицо мисс Мэтти, если она осмелится дать ей столько, сколько бы ей хотелось.

– Мисс Мэтти, продолжала она: – такая была благородная барышня, когда я была ничто иное, как деревенская девушка, ходившая на рынок с яйцами и маслом и тому подобными принадлежностями. Батюшка, хотя зажиточный человек,

всегда заставлял меня ходить на рынок, как до меня ходила матушка; я отправлялась в Крэнфорд каждую субботу прицениваться, и так далее. Раз я, помню, встретилась с мисс Мэтти в переулке, который ведет в Кумгёрст; она шла по тропинке, которая, вы знаете, гораздо выше большой дороги, а за нею шел какой-то господин и говорил ей что-то, а она глядела на цветы, только что ею сорванные и ощипывала их, и мне показалось, будто она плакала; а потом, пройдя мимо, она вернулась и подбежала ко мне спросить, да как ласково, о моей бедной матери, лежавшей на смертном одре; а когда я заплакала, она взяла меня за руку, чтоб успокоить, а господин ждал ее все время. Её бедное сердечко было полно чем-то. Для меня казалось такой честью, что дочь пастора, бывшая в Арлей-Галле, разговаривает со мною так ласково. Я полюбила ее с-тех-пор, хотя, может быть, не имею на это права; но если вы можете придумать, каким бы образом я могла дать ей побольше и чтоб этого никто не знал, я буду вам очень обязана, моя душечка, а брат мой будет так рад считать ее даром, доставлять лекарства и пиявки, и все. Я знаю, что он и её сиятельство... (душечка! я уж никак не думала в то время, о котором я вам говорила, что буду когда-нибудь свояченицей сиятельной дамы)... и её сиятельство будет рада сделать что-нибудь для неё. Все мы будем рады.

Я сказала ей, что совершенно в этом уверена и согласилась на все, чего ей хотелось, чтоб воротиться скорее домой к мисс Мэтти, которая могла удивиться, что сделалось со

мною, уходившею из дома на два часа, однако она не заметила, сколько прошло времени, потому что занималась бесчисленными приготовлениями к великому шагу – перемене квартиры. В сокращении своих расходов она находила очевидное облегчение, потому что, говорила она, когда воспоминание о бедном мызнике с его пропавшим пятифунтовым билетом приходило ей на ум, она чувствовала себя лишенной чести: если это так ее беспокоило, то как же должны были беспокоиться директора банка, которым гораздо более известны бедственные последствия этого банкротства? Она почти рассердила меня, разделяя свое сочувствие между этими директорами (которые, как она воображала, верно поражены упреками совести за дурное управление чужими делами) и теми, кто пострадал подобно ей. Действительно, из двух этих зол, она считала бедность ношей не столь тяжелой, как упреки совести; но я тайно сомневалась, чтоб директора были согласны с нею.

Старые вещи были пересмотрены и оценены; к счастью, ценность их оказалась не велика, так что и продавать их было бесполезно; иначе мисс Мэтти горько было бы расстаться с такими вещами, как, например, обручальное кольцо матери, или странная грубая пряжка, которой отец её обезобразивал свою манишку и проч. Однако мы привели вещи в порядок, сообразно их ценности, и были совершенно готовы к приезду батюшки на следующее утро.

Я не буду утомлять вас подробностями наших деловых за-

нятий, и одна из причин, по которым я этого не рассказываю, состоит в том, что я тогда не понимала, что мы делали, и теперь не могу припомнить. Мы с мисс Мэтти сидели погруженные в счета, проекты, доклады и документы, в которых ни одна из нас не понимала ни слова. Батюшка мой был проницателен и решителен, как необыкновенно деловой человек; и если мы делали какие-нибудь вопросы или выражали малейшее желание понять в чем дело, он всегда резко отвечал:

– Э, это ясно, как Божий день. Что вы хотите возразить?

А так как мы не понимали ничего из того, что он предлагал, то нам казалось несколько затруднительно излагать наши возражения; сказать по правде, мы сами не знали, есть ли тут что возражать. Поэтому мисс Мэтти пришла в некоторое нервное состояние соглашения и говорила: «да» и «конечно», при каждой паузе, кстати или нет; но когда я раз присоединила и свое согласие к «решительно» произнесенному мисс Мэтти дрожащим, сомневающим тоном, батюшка накинулся на меня с вопросом:

– Что тут ты решаешь?

Я и до сих пор не знаю, что... Но я должна отдать ему справедливость, что он приехал из Дрёмбля помочь мисс Мэтти, хотя не мог терять времени и хотя собственные его дела находились в весьма плачевном состоянии.

Пока мисс Мэтти вышла из комнаты отдать приказания для завтрака в грустном недоумении между желанием по-

читать батюшку каким-нибудь деликатным блюдом и убеждением, что теперь, потеряв все свое состояние, она не имеет права предаваться этому желанию, я рассказала ему о собрании крэнфордских дам у мисс Поль. Он все потирал глаза рукою, пока я говорила; а когда я дошла до предложения Марты взять мисс Мэтти в жилицы, он отошел от меня к окну и начал барабанить пальцами по стеклу. Потом вдруг обернулся и сказал:

– Видишь, Мэри, как добродетельная, невинная жизнь приобретает друзей. Эх, черт побери! будь я пастор, вывел бы из этого прекраснейшее нравоучение; жаль, что не хочу сказать, только путаюсь всегда; но я уверен, ты чувствуешь, что я хочу сказать. Мы пойдем с тобою прогуляться после завтрака и поговорим побольше об этих планах.

Завтрак состоял из горячей сочной бараньей котлетки и остатка от холодного льва. От этого последнего блюда не осталось ни одного кусочка, к великому удовольствию Марты. Потом батюшка сказал прямо мисс Мэтти, что желает поговорить со мной одной и что он побродит немножко и посмотрит на старые знакомые места, а я потом расскажу ей, что мы придумали. Когда мы уходили, она воротила меня, говоря:

– Помните, душенька, я осталась одна... я хочу сказать, что никто не осрамится от моих поступков. Я желаю сделать все, чего требует справедливость и честность, и не думаю, что если Дебора узнает о моих поступках там, где она теперь,

то будет стыдиться меня за поступки, не совсем приличные благовоспитанной даме, потому что, видите, она будет все знать, душенька. Только дайте мне посмотреть, что я могу сделать, дайте заплатить бедным людям сколько я могу.

Я с чувством ее поцеловала и побежала за батюшкой. Следствия нашего разговора были таковы: если все будут согласны, Марта и Джим женятся как можно скорее и будут жить в теперешней квартире мисс Мэтти; сумма, которую ежегодно жертвуют крэнфордские дамы, будет достаточна, чтоб заплатить за квартиру, давая Марте возможность употребить часть денег, получаемых от мисс Мэтти на доставление ей некоторого комфорта.

Что касается продажи вещей, то сначала батюшка несколько сомневался. Он сказал, что старая пасторская мебель, хотя старательно сбереженная, весьма немного доставит денег и что это немногое будет как капля в море в долгах городского банка. Но когда я представила, как деликатная совесть мисс Мэтти успокоится чувством, что она сделала все, что могла, он уступил, особенно после того, как я ему сказала о происшествии с пятифунтовым билетом, хотя порядком побранил меня, зачем я это допустила. Потом я намекнула на мою идею о том, что она могла бы увеличить свой доход, продавая чай, и, к великому моему удивлению (потому что я почти отказалась от этого плана), батюшка схватился за него со всей энергией торговца. Я полагаю, что он стал считать цыплят прежде, чем они вывелись, потому что тот-

час насчитал выгоду, которую она может получить от продажи более чем в двадцать фунтов в год. Небольшая столовая должна превратиться в лавку, без всяких унижительных её принадлежностей; стол будет прилавком; одно окно останется в своем виде, а из другого сделается стеклянная дверь. Я очевидно поднялась в его уважении за то, что придумала такой великолепный план. Я только боялась, что нам не удастся уговорить мисс Мэтти.

Но она была послушна и довольна всеми нашими распоряжениями. Она знала, говорила она, что мы устроим для неё все как можно лучше, и только надеялась, только полагала непременно условием, что она заплатит до последнего фартинга все, что она должна, для чести памяти своего отца, который был так уважаем в Крэнфорде. Мы с батюшкой условились как можно меньше говорить о банке, даже вовсе не упоминать о нем, если только это возможно. Некоторые из планов очевидно приводили ее в недоумение, но она видела, какой выговор я получила утром за недостаток понимания, и не отваживалась теперь на слишком многочисленные расспросы. Все кончилось прекрасно, с изъявлением надежды с её стороны, что никто не поторопится заключить брак ради её. Когда мы дошли до предложения, чтоб она продавала чай, это несколько ее поразило, не по причине унижения личного достоинства, но единственно потому, что она не доверяла своим силам в деятельности на новом поприще жизни, и робко предпочитала лишения всякому занятию, к

которому считала себя неспособной. Однако, когда она увидела, что батюшка хочет этого непременно, то сказала, что попробует; и если не пойдет хорошо, то, разумеется, оставит это дело. Одно было для неё приятно: она не думала, чтоб мужчины когда-нибудь покупали чай; она боялась особенно мужчин: они всегда так шумят и пересчитывают сдачу так скоро! Если б она только могла продавать конфеты детям, она была уверена, что дети остались бы ею довольны!

IV. Счастлиное возвращение

Прежде, чем я оставила мисс Мэтти в Крэнфорде, все было устроено для неё самым комфортабельным образом; даже одобрение мистрисс Джемисон на продажу чая было получено. Этот оракул затруднялся несколько дней решением: потеряет ли мисс Мэтти этим поступком права свои на преимущества в крэнфордском обществе. Думаю, что мистрисс Джемисон отчасти намеревалась досадить леди Гленмайр данным наконец ею решением, то есть «между тем, как замужняя женщина принимает звание мужа по строгим законам этикета, незамужняя удерживает положение, которое занимал её отец». Итак Крэнфорду дано было позволение ездить к мисс Мэтти, а он и без позволения намеревался ездить к леди Гленмайр.

Но каково было наше удивление, наше смущение, когда мы узнали, что мистер и *мистрисс Гоггинс* возвращаются в следующий четверг. Мистрисс Гоггинс! Итак она решительно отказалась от своего титула и из хвастовства отрешилась от аристократии, чтоб сделаться Гоггинс – она, которая до самой своей смерти могла называться леди Гленмайр! Мистрисс Джемисон радовалась. Она сказала, что это окончательно убедило ее в том, что она знала с самого начала: у этой женщины были самые низкие вкусы. Но «эта женщина» казалась такою счастливою в воскресенье в церкви! Мы не со-

чли нужным опустить наши вуали с той стороны наших шляпок, с которой сидели мистер и мистрисс Гоггинс, как сделала это мистрисс Джемисон, лишившаяся через это случая видеть улыбку блаженства на его лице и милый румянец на её щеках. Я не уверена, казались ли более счастливы даже Марта и Джим, когда после обеда они также явились глазам нашим в первый раз. Мистрисс Джемисон утишила волнение своей души, спустив шторы у окон, как будто для похорон, в тот день, когда мистер и мистрисс Гоггинс принимали посещение, и с некоторым затруднением решилась продолжать подписываться на «Сен-Джемскую Хронику» – в таком была она негодовании за то, что в этой газете было напечатано извещение о браке Гоггинсов.

Распродажа вещей мисс Мэтти шла бесподобно. Она оставила мебель в гостиной и в спальне; первую она должна была занимать до тех пор, пока Марта найдет жильца, который может пожелать купить ее; и эту гостиную и спальню она должна была набить разными вещами, которые (как уверил ее аукционист), были куплены для неё при распродаже неизвестным другом. Я всегда подозревала в этом мистрисс Фиц-Адам; но у ней, должно быть, был помощник, знавший, какие предметы особенно были дороги для мисс Мэтти по воспоминаниям юности. Остальная часть дома казалась несколько пуста, разумеется, исключая одной крошечной спальни, которой мебель батюшка позволил мне купить для моего собственного употребления, в случае болез-

ни мисс Мэтти.

Я издержала свой небольшой запас денег, накупив всякого рода конфет и лепешечек, чтоб привлечь малюток, которых мисс Мэтти так любила, приходиться к ней. Чай красовался в ярких зеленых цибуках, а конфеты в банках; мы с мисс Мэтти почти возгордились, осматривая все вечером накануне открытия лавки. Марта вымыла дощатый пол до необыкновенной чистоты; он украсился блестящим куском клеенки, на котором должны были становиться покупатели перед прилавком. Свежий запах штукатурки и извести проник всю комнату. Мелкие буквы вывески: «Матильда Дженкинс имеет позволение продавать чай» были скрыты под косяком новой двери и два ящика чаю с кабалистическими надписями стояли, готовые опорожнить свою внутренность в чайники покупательниц.

Мисс Мэтти, как бы мне должно было упомянуть прежде, чувствовала некоторое угрызение совести продавать чай, потому что в городе был уже мистер Джонсон, включавший и этот предмет в список своих бесчисленных товаров; и прежде чем она могла совершенно примириться с своим новым занятием, отправилась она в его лавку, ничего мне не сказав, порассказать ему о замышляемом проекте и узнать, не может ли это повредить его торговле. Батюшка назвал этот поступок её «великой глупостью» и пожелал узнать, что случилось бы с торговцами, если б они беспрестанно совещались об интересах друг друга; не остановило ли бы это всякое

конкуренцию? Может быть, это не годилось бы в Дрёмбле, но в Крэнфорде имело прекрасные следствия, потому что не только мистер Джонсон ласково уничтожил всякое сомнение у мисс Мэтти о возможности повредить его торговле, но, как я знаю наверно, постоянно посылал к ней покупателей, говоря, что чай, который он держит, самого простого сорта, а у мисс Дженкинс находятся всевозможные отборные сорта. Дорогой чай составляет любимую роскошь торговцев и жен богатых мызников, пренебрегающих обыкновенным фамильным чаем, который водится у многих порядочных людей, и берут непременно только цветочный и желтый.

Но воротимся к мисс Мэтти. Истинно-приятно было видеть, как её бескорыстие и простой здравый смысл пробуждали те же самые качества и в других. Она никогда не предполагала, чтоб кто-нибудь вздумал обмануть ее, потому что ей самой было бы так прискорбно обмануть других. Я слышала, как она остановила клятвенное уверение человека, принесшего ей уголья, сказав спокойно:

– Я уверена, что тебе будет жаль, если ты принес мне не полную меру.

И если в угольях была утайка на этот раз, я не думаю, чтоб она случилась в другой раз. Всякий стыдился обмануть её доверие, как бы стыдился сделать это с ребенком. Но батюшка говорил: «такая простота может существовать в Крэнфорде, но в свете никуда не годится». И я воображаю, как должен быть дурен свет, когда, при всем подозрении батюшки к

каждому, с кем он имеет дело, и несмотря на его многочисленные предосторожности, он потерял более тысячи фунтов вследствие чужого плутовства, не далее, как в прошлом году.

Я оставалась на столько, чтоб утвердить мисс Мэтти в её новом образе жизни и уложить библиотеку, купленную пастором. Он написал любезное письмо к мисс Мэтти, говоря о том, «как он рад иметь библиотеку, составленную с таким прекрасным выбором, какая была у покойного мистера Дженкинса, за какую бы то ни было цену». И когда она согласилась, с чувством грустной радости, чтобы эти книги опять воротились в пасторский дом и снова стояли на знакомых стенах, он прислал сказать, что боится, достанет ли у него для них места, и что, может быть, мисс Мэтти будет так добра, оставит у себя несколько томов. Но мисс Мэтти сказала, что у ней есть Библия и лексикон Джонсона, и что она опасается иметь мало времени для чтения. Однако я оставила несколько книг, из уважения к любезности пастора.

Деньги, заплаченные им и вырученные от продажи мебели, частью были издержаны на покупку чая, а частью отложены на черный день, то есть старость или болезнь. Сумма, правда была небольшая и послужила причиною нескольких уклонений от правды и невинных обманов (которые я считала всегда очень дурными в теории, и желала бы не употреблять на практике), потому что мы знали, в какое мисс Мэтти придет недоумение относительно своей обязанности, если узнает, что для неё отложена небольшая сумма, между тем

как долги банка не заплачены. Кроме того, ей никогда не говорили о том, что друзья её платили за наем. Мне хотелось бы сказать ей об этом; но таинственность придавала интерес их доброму делу, и дамы не хотели бы от неё отказаться; сначала Марта должна была уклоняться от многих вопросов относительно её способов и средств жить в таком доме; но мало-помалу благоразумное беспокойство мисс Мэтти перешло в уступчивость существующему устройству дел.

Я оставила мисс Мэтти в хорошем расположении духа. Продажа чая в первые два дня превзошла самые ревностные мои ожидания. Целому городу, казалось, вдруг показалась нужда в чае. Я желала бы изменить в мисс Мэтти только то, чтоб она не умоляла так жалобно некоторых покупателей не брать зеленого чаю, называя его медленным ядом, расстраивающим нервы и производящим всякого рода бедствия. Упорство их в покупке его, несмотря на все предостережения, так ее огорчало, что я, право, думала не бросит ли она продавать его и лишится таким образом половины своих покупателей; я ломала голову, придумывая примеры долголетия происходившего от постоянного употребления зеленого чаю. Но окончательный аргумент, решивший вопрос, была удачная моя ссылка на ворвань и сальные свечи, которые эскимосы не только любят есть, но даже едят с пользой для здоровья. После этого она созналась, что «пища одного человека может быть для другого ядом», и довольствовалась только случайными нравочениями, когда считала покупа-

теля слишком молодым и невинным, не знакомым с вредными действиями зеленого чая на некоторые организации, или привычным вздохом, когда люди довольно пожилые, которые должны бы поступать благоразумнее, предпочитали этот чай.

Я уезжала из Дрёмбля раз в три месяца, чтоб пересмотреть счета и деловые письма. Когда я говорю о письмах, мне становится очень стыдно при воспоминании о моем письме к Аге Дженкинсу, и я рада, что никогда не упоминала никому о моем послании. Я надеялась, что письмо затерялось. Ответа не являлось, никаких признаков, что оно дошло по назначению, не было.

Около года после того, как мисс Мэтти открыла лавку, я получила одно из иероглифических посланий Марты, просившей меня приехать в Крэнфорд как можно скорее. Я боялась, не занемогла ли мисс Мэтти, отправилась в тот же день и чрезвычайно удивила своею поспешностью Марту, отворившую мне дверь. Мы пошли в кухню, по обыкновению, для тайных совещаний, и там Марта сказала мне, что она ожидает в скором времени своих родов, через неделю или две, и не думает, чтоб мисс Мэтти это знала и желает, чтоб я уведомила ее об этом.

– Право, мисс, продолжала Марта с истерическими слезами: – я боюсь, что ей это не понравится, и не знаю, кто будет ухаживать за нею так, как следует, когда я слягу в постель.

Я успокоила Марту, сказав, что я останусь пока она опра-

вится, и жалею только, зачем она прежде не объяснила мне причины своего внезапного вызова, потому что тогда я привезла бы необходимый запас одежды; но Марта была так слезлива, чувствительна и непохожа на самоё себя, что я как можно меньше говорила о себе, и старалась только разуверить Марту во всех вероятных и возможных несчастьях, которые толпились в её воображении.

Я потом проскользнула в главную дверь и явилась, как покупательница, в лавку, чтоб сделать мисс Мэтти сюрприз и посмотреть, какова она в своем новом положении. Был теплый майский день и потому затворена была только половинка двери; мисс Мэтти, сидя за прилавком, вязала затейливую пару подвязок; затейливы показались они мне, но трудный узор не отягощал её голову, потому что она тихо пела, быстро шевеля спицы. Я назвала это пением, но смею сказать, что музыкант не употребил бы такого выражения для нескладного, хотя нежного жужжанья чуть слышного избитого голоса. Я поняла скорее из слов, нежели из покушения на тон, что она пела про-себя церковный псалом, но спокойный звук говорил об удовольствии и внушил мне приятное чувство, совершенно гармонизировавшее с этим нежным майским утром. Я вошла. Сначала она не узнала кто это, и встала спросить, что мне нужно; но через минуту бдительная кошка схватила вязанье, выпавшее из её рук, от радости при моем виде. Я нашла после небольшого разговора, что Марта сказала правду: мисс Мэтти вовсе не подозревала о приближающемся до-

машнем событии. Я подумала, что лучше предоставить дела идти своим чередом, будучи уверена, что когда я приду к ней с малюткой на руках, то легко получу Марте прощение, в котором напрасно она сомневалась, полагая, что мисс Мэтти подумает, будто новорожденный потребует от матери попечение, которые будут изменой службе мисс Мэтти.

Но я была права. Думаю, что это качество наследственное, потому что батюшка говорит, что он редко ошибается. В одно утро, через неделю после моего приезда, я явилась к мисс Мэтти с свертком фланели в руках. Она чрезвычайно была поражена, когда я показала ей, что это, сыскала очки на уборном столике и рассматривала с любопытством, с каким-то нежным удивлением его крошечные члены его тела.

Она не могла опомниться от изумления целый день, но ходила на цыпочках и была очень молчалива. Она отправилась к Марте и обе заплакали от радости. Она начала поздравительную речь Джиму, не знала, как из неё выпутаться и освободилась от своего затруднения только звуком колокольчика, облегчившим также застенчивого, и гордого Джима, который так сильно сжал мне руку, когда я поздравляла его, что, кажется, будто мне еще больно и теперь.

Я была ужасно занята, пока Марта лежала. Я ухаживала за мисс Мэтти, приготовляла ей кушанье, поверяла счета и рассматривала состояние её цибиков и ящиков. Иногда помогала ей в лавке; и наблюдение затем, так она там поступает, забавляло меня, а иногда и несколько тревожило. Если

ребенок приходил спрашивать унцию миндальных конфет – а четыре такие конфеты весили несколько больше – она всегда прибавляла одну лишнюю, чтоб «дополнить весы», как она это называла, хотя вес и без того перетягивал. Когда я возражала против этого, она отвечала:

– Малютки так любят конфеты!

Говорить ей, что пятая конфета весила четверть унции и составляла в каждой продаже убыток для её кармана – не было никакой пользы. Я припомнила зеленый чай и хотела поразить мисс Мэтти её собственным оружием. Я сказала ей, как не здоровы миндальные конфеты и как вредны они для маленьких детей. Этот аргумент произвел некоторое действие: с-тех-пор, вместо пятой конфеты она всегда заставляла протягивать их крошечные ручонки и всыпала в них или имбирные или мятные лепешки, как предохранительное средство от опасностей, могущих произойти от проданного вредного товара. Торг, производимый на этих основаниях, не обещал большего вознаграждения; но я рада была узнать, что она получила более двадцати фунтов в прошлый год от продажи чая, и, сверх того, привыкнув, полюбила свое занятие, которое ставило ее в дружеские сношения с многими из окрестных жителей. Если она прибавляла им весу, они, в свою очередь, приносили разные сельские подарочки старой пасторской дочери: сыр, свежие яйца, пучок цветов. «Прилавок бывает иногда совершенно покрыт этими подарками», говорила она мне.

Что касается до Крэнфорда вообще, то все в нем шло как обыкновенно. Вражда Джемисонов и Гоггинсов все еще продолжалась, если можно назвать враждой, когда только одна сторона поддерживает ссору. Мистер и мистрисс Гоггинс были очень счастливы вместе, и, как многие очень счастливые люди, были совершенно расположены жить в мире со всеми, и действительно, мистрисс Гоггинс желала войти снова в милость к мистрисс Джемисон, восстановить с нею прежнюю короткость; но мистрисс Джемисон считала их счастье оскорблением для гленмайрской фамилии, к которой она имела еще честь принадлежать, и упорно отвергла всякий шаг к сближению. Мистер Мёллинер, как верный вассал, принял сторону своей госпожи. Если он встречал мистера или мистрисс Гоггинс, то переходил на другую сторону улицы и казался погружен в созерцание жизни вообще и своего пути в особенности, покуда не проходил мимо них. Мисс Поль забавлялась желанием узнать, что будет делать мистрисс Джемисон, если она, или мистер Мёллинер, или кто-нибудь из домашних, заболеют; как она решится призвать мистера Гоггинса после выражений своего презрения к ним. Мисс Поль почти с нетерпением ожидала нездоровья, или какого-нибудь приключения с мистрисс Джемисон, или с её слугами, чтоб Крэнфорд мог видеть, как она будет действовать в таких затруднительных обстоятельствах.

Марта начала оправляться и я уже назначила срок, не очень отдаленный, моему отъезду, когда, в один день, сидя в

лавке с мисс Мэтти (я помню, что погода была теперь холоднее чем в мае, за три недели перед тем, камин был разведен и дверь плотно притворена), мы увидели мужчину медленно-прошедшего мимо окна и потом остановившегося прямо против двери, как бы отыскивая имя, так старательно-скрытое. Он взял лорнет и несколько времени отыскивал его; наконец отыскал. Вдруг меня, как молния, поразила мысль, что это сам Ага! Одежда его была странного, чужеземного покроя, а лицо чрезвычайно смугло, как будто загорело и перегорело от солнца. Цвет лица его составлял странную противоположность с густыми, белыми, как снег, волосами; глаза его были темны и пронизательны; он как-то странно щурил их, как-то странно съёживал щеку в бесчисленные морщины, когда пристально присматривался к предметам. Он посмотрел так на мисс Мэтти, когда вошел. Взгляд его сначала остановился на мне, потом обратился с особенным испытующим выражением на мисс Мэтти. Она несколько смутилась, но не более того, как случалось с нею всегда, когда какой-нибудь мужчина входил в лавку. Она подумала, что у него, верно, билет или по крайней мере соверен, с которого ей придется давать сдачи, чего она весьма не жаловала. Но покупатель стоял прямо против неё, не спрашивая ничего, только смотря на нее пристально и барабаня пальцами по столу, точь-в-точь, как делывала это мисс Дженкинс. Мисс Мэтти собиралась спросить его, что ему нужно (как она сказывала мне после), когда он вдруг обернулся ко мне с вопросом:

– Вас зовут Мэри Смит?

– Да, отвечала я.

Все мои сомнения касательно его личности рассеялись и я только желала знать, что он скажет или сделает, и как мисс Мэтти перенесет радостное волнение при известии, которое он должен ей сообщить. Очевидно он не знал, как объявить о себе, потому что осмотрелся кругом, как бы отыскивая, что купить ему, чтоб выиграть время; случилось, что глаза его упали на миндальные конфеты и он смело спросил фунт «этих вещей». Я сомневаюсь, чтоб у мисс Мэтти был целый фунт в лавке, и кроме необычайной огромности требования, ее смутила мысль о расстройстве желудка, какое произведут они, употребляемые в таком неограниченном количестве, и подняла голову, чтоб сделать возражение. Что-то нежное в его лице поразило ее в самое сердце. Она сказала:

– Это... о, сэр! не Питер ли вы? и задрожала с головы до ног. В минуту он обежал кругом стола и схватил ее в объятия, с бесслезными рыданиями старости. Я принесла ей стакан вина, потому что она побледнела так, что и я и мистер Питер испугались. Он повторял:

– Я испугал тебя, Мэтти, испугал, моя крошка!

Я предложила, чтоб она сейчас прилегла в гостиной на диван; она пристально взглянула на брата, которого крепко держала за руку, хотя была готова упасть в обморок; но, при его уверениях, что он ее не оставит, она позволила ему повести ее наверх.

Я подумала, что ничего лучше не могу сделать, как побежать приготовить чаю и потом заняться лавкой, оставив брага и сестру размениваться друг с другом бесчисленными рассказами. Я поспешила также рассказать новость Марте, которая приняла ее с потоком слез, почти заразившим меня. Опомнившись, она спросила меня, точно ли я уверена, что это брат мисс Мэтти? Ведь я говорю, что у него седые волосы, а она всегда слышала, что он был красивый молодой человек. Это приводило и мисс Мэтти в недоумение за чаем, когда она сидела в большом покойном кресле против мистера Дженкинса, чтоб досыта на него наглядеться. Она с трудом могла пить, все смотря на него; а что касается до еды, то о ней не было и речи.

– Я полагаю, что жаркие климаты очень скоро стареют людей, сказала она, как бы сама-себе. – Когда ты уехал из Крэнфорда, у тебя не было ни одного седого волоса на голове.

– А сколько этому лет? спросил мистер Питер, улыбаясь.

– Ах, да! правда! Я знаю, что мы с тобой состарились, но я все-таки не думала, чтоб мы были так уж стары! Белые волосы очень к тебе идут, Питер, продолжала она, несколько испугавшись, не оскорбила ли его замечанием, как его наружность поразила ее.

– Кажется, что и я тоже забываю время, Мэтти. Что, ты думаешь, я привез тебе из Индии? В моем чемодане, в Портсмуте, есть для тебя платье из индийской кисеи и жемчужное ожерелье.

Он улыбнулся, забавляясь несообразностью подарка с наружностью сестры; но это сначала не так ее поразило, как изящество привезенных ей вещей. Я видела, что с минуту её воображение самодовольно покоилось на мысли видеть себя в таком наряде; инстинктивно поднесла она руку к шее, к этой нежной шее, которая (как мисс Поль мне говорила) составляла в юности одну из её лучших прелестей; но рука встретилась с складками мягкой кисеи, закрывавшими ее всегда до самого подбородка, и это ощущение возвратило ее к чувству несовместности жемчужного ожерелья с её возрастом.

– Я боюсь, что я уж слишком стара, сказала она: – но как ты добр, что подумал об этом. Как бы мне это понравилось прежде... когда я была молода!

– Я так и думал, моя милая Мэтти. Я вспомнил твой вкус; он был так похож на матушкин.

При этом имени брат и сестра еще нежнее пожали друг другу руки, и хотя они хранили совершенное молчание, я подумала, что, может быть, они найдут что сказать, когда мое присутствие не будет стеснять их, и собиралась пойти приготовить мою комнату для мистера Питера, намереваясь сама разделить постель с мисс Мэтти. При моем движении он вскочил.

– Я должен пойти занять комнату в гостинице Сен-Джорджа. Мой дорожный мешок уже там.

– Нет! сказала мисс Матти, в сильном беспокойстве: – не

уходи, пожалуйста, милый Питер... пожалуйста, Мери, не уходи!

Она была так взволнована, что мы оба обещали исполнить все, чего она желает. Питер опять сел и протянул ей руку, которую, для большей верности, она схватила обеими руками, а я вышла из комнаты, чтоб сделать распоряжения по хозяйству.

Долго, долго ночью, поздно, поздно утром разговаривали мы с мисс Мэтти. Ей так много надобно было рассказать мне о жизни брата и приключениях, которые он сообщил ей, когда они оставались одни. Она сказала, что все было для неё совершенно ясно; но я ничего не могла понять из всей истории; и когда, в следующие дни, перестала бояться мистера Питера и решилась расспросить его сама, он засмеялся моему любопытству и рассказал мне истории до того похожие на «не любо не слушай, а лгать не мешай», что я была уверена, что он насмехается надо мною. То, что я слышала от мисс Мэтти, состояло в том, что он служил волонтером при осаде Рангуна, был взят в плен, вошел в милость и получил наконец свободу, пустив кровь начальнику небольшого племени в какой-то опасной болезни; что, освободившись после нескольких лет рабства, он получил назад письма свои из Англии с зловещей подписью: «Возвращается за смертью», и, считая себя последним в роде, поселился плантатором индиго и располагал провести остаток жизни в стране, к образу жизни и к обитателям которой он начал при-

выкать. Получив мое письмо, он с странной пылкостью, отличавшей его и в старости, как в юности, продал свою землю и все свои владения первому покупателю и вернулся домой к бедной старухе-сестре, которая считала себя счастливее и богаче всякой принцессы, когда глядела на него. Она говорила до тех пор, покуда я не заснула. Я вскоре была пробуждена легким стуком в дверь, в чем она попросила у меня прощения, с раскаянием, добравшись до постели; но когда я перестала утверждать ее в мысли, что пропавший любимец был действительно тут, под одной кровлей с нею, она начала бояться, не вообразила ли она себе все это: может быть Питер вовсе не сидел с нею в этот благословенный вечер, он, может быть, лежал мертвый далеко под морскими волнами, или каким-нибудь странным восточным деревом. И так было сильно её опасение, что ей захотелось встать и пойти убедиться, действительно ли он тут, прислушиваться сквозь дверь к его правильному дыханию (мне не хочется назвать это храпением, но я сама слышала его дыхание сквозь две запертые двери); наконец мало-помалу мисс Матти успокоилась и заснула.

Не думаю, чтоб мистер Питер воротился из Индии миллионером-Набобом, он даже считал себя бедным; но ни он, ни мисс Мэтти не очень заботились об этом. По крайней мере он имел довольно, чтоб жить «очень прилично» в Крэнфорде вместе с мисс Мэтти. Через несколько дней после его приезда, лавка была заперта и группы маленьких мальчишек

радостно ждали дождя конфет и лепешек, падавшего на них время от времени, когда они стояли, глаза на окошки мисс Мэтти. Иногда мисс Мэтти говорила им, полузакрытая занавесами: «милые деточки, не заболейте», но сильная рука тянула ее назад и начинался еще сильнее дождь. Часть чаю была подарена крэнфордским дамам, а остальное роздано старикам, помнившим мистера Питера в дни его шаловливой юности. Платье из индийской кисеи было оставлено для милой Флоры Гордон (дочери мисс Джесси Броун). Гордоны были за границей эти последние годы, но их вскоре ожидали, и мисс Мэтти, в своей сестринской гордости, заранее восхищалась, как она покажет им мистера Питера. Жемчужное ожерелье исчезло и вскоре после того множество красивых и полезных подарков явилось в жилищах мисс Поль и мистрисс Форрестер; некоторые редкие и деликатные индийские вещицы украсили гостиные мистрисс Джемисон и мистрисс Фиц-Адам, и я не была забыта. Между прочим, я получила в красивейшем переплете лучшее издание сочинения доктора Джонсона; и милая мисс Мэтти, со слезами на глазах, просила меня считать это подарком от её сестры столько же, как от неё. Словом, никто не был забыт, и скажу более, каждый, как бы ни ничтожен ни был, кто только показал дружбу к мисс Мэтти, мог быть уверен в дружеском уважении мистера Питера.

V. Мир Крэнфорду

Неудивительно, что мистер Питер сделался любимцем Крэнфорда. Дамы соперничали друг с другом, кто больше будет им восхищаться, и неудивительно: их спокойная жизнь была так оживлена приезжим из Индии, особенно потому, что приезжий рассказывал более удивительных историй, чем Синдбад мореходец, и, как мисс Поль говорила, точь-в-точь, как из «Тысяча Одной Ночи». Что касается меня, я странствовала всю свою жизнь между Дрёмблем и Крэнфордом, и почитала весьма возможным, что истории мистера Питера были справедливы, хотя удивительны; но потом я открыла, что если мы проглотили анекдот довольно порядочного размера на одной неделе, то на следующей чудеса значительно увеличивались, и начала сомневаться, особенно, когда заметила, что в присутствии сестры рассказы об индийской жизни значительно смягчались не потому, чтоб она знала больше нас, напротив, может быть, потому именно, что она была слишком простодушна. Я заметила также, что когда приходил пастор, мистер Питер гораздо скромнее говорил о тех местах, в которых был. И я не думаю, чтоб крэнфордские дамы считали его удивительным путешественником, если бы слышали только его спокойные разговоры с пастором. Они любили его больше всего за то, что он был, как они называли, настоящим жителем Востока.

Однажды на избранной вечеринке в честь его, которую давала мисс Поль и из которой, так как мистрис Джемисон почтила ее своим присутствием и прислала даже мистера Мёллинера служить, мистер и мистрис Гоггинс и мистрисс Фиц-Адам, разумеется, были исключены – на этой вечеринке у мисс Поль мистер Питер сказал, что он устал сидеть на беспокойных жестких стульях, и спросил не может ли сестра положив ноги крест-накрест. Согласие мисс Поль было дано с жаром и он воспользовался им с величайшею важностью. Но мисс Поль спросила меня внятнм шепотом: «не напоминает ли он мне азиатского муллу», и между тем, как мистрисс Джемисон пространно рассуждала об изяществе и удобстве этой позы, я припоминала, как мы все следовали примеру этой дамы, осуждая мистера Гоггинса за пошлость, потому что он просто клал ноги крест-накрест, когда сидел на своем стуле. Многие из привычек мистера Питера в еде были несколько странны при таких светских дамах, как мисс Поль, мисс Мэтти и мистрисс Джемисон, особенно, когда я припоминала неотведанный зеленый горошек и двухзубцовые вилки на обеде бедного мистера Гольбрука.

Имя этого господина напоминает мне разговор между мистером Питером и мисс Мэтти в один летний вечер. День был очень жарок; мисс Мэтти было очень душно от жару, которым брат её наслаждался. Я помню, что она была не в состоянии нянчить ребенка Марты, что сделалось её любимым занятием в последнее время, и которому было так же ловко

у ней на руках, как у матери. В тот день, о котором я говорю, мисс Мэтти казалась более обыкновенного слаба и томна, и оживилась только, когда солнце закатилось и диван её подвинулся к открытому окну, сквозь которое, хотя оно выходило на главную крэнфордскую улицу, вылетал, время от времени, душистый запах, приносимый с соседнего сенокоса нежным ветерком, волновавшим душный воздух летних сумерек и замиравшим вдали. Безмолвие знойной атмосферы терялось в глухом шуме, выходявшем из открытых окон и дверей; даже дети возились на улице, несмотря на позднее время, одиннадцатый час вечера, наслаждаясь игрою, к которой не были расположены во время дневного жара. Для мисс Мэтти было источником наслаждения видеть, как немного свечей было зажжено даже в тех домах, из которых выходили самые веселые признаки жизни. Мы все, мистер Питер, мисс Мэтти и я, сидели тихо, задумавшись каждый о своем; вдруг мистер Питер сказал:

– Знаешь ли ты, Мэтти, я готов бы поклясться, что ты была на дороге выйти замуж, когда я уезжал из Англии! Если б кто-нибудь сказал мне тогда, что ты проживешь и умрешь старой девой, я засмеялся бы ему в лицо.

Мисс Мэтти не отвечала. Я напрасно придумывала, как бы дать другой оборот разговору; по я как будто оглупела и не успела ничего изобрести; он продолжал:

– Я думал, что мою Мэтти возьмет Гольбрук, тот прекрасный юноша, что жил в Уддлее. Вы не поверите теперь, Ме-

ри, по моя сестрица была некогда прехорошенькой девушкой, по крайней мере я так думал и знаю, что думал так и бедный Гольбрук. Очень нужно было ему умереть прежде, чем я вернулся домой поблагодарить его за все его ласки к такому негодному мальчишке, каким я был тогда! Вот что заставляло меня думать, что он занят тобою: на всех наших рыбных ловлях мы говорили только о Мэтти и о Мэтти. Бедная Дебора! Какое нравоучение она прочитала мне, когда я привел его к нам завтракать однажды, а она увидела экипаж мистрисс Арлей и думала, что миледи заедет к нам. Ну, с того времени прошло много лет, прошло более, чем полжизни, а кажется, будто все было только вчера! Я не знаю человека, которого более желал бы иметь зятем. Ты, верно, дурно повела свою игру, Мэтти – вот и жаль, что не было братца сватом. Э! прибавил он, протянув руку, чтоб взять её руку, лежавшую на софе: – что ж ты дрожишь, Мэтти? Верно, от этого проклятого окна. Закройте его, Мери, сию минуту!

Я так и сделала, и потом, нагнувшись, чтоб поцеловать мисс Мэтти, увидела, что действительно она была холодна. Она схватила мою руку и крепко ее сжала, но думаю, сжала бессознательно; минуту или две она говорила потом с нами совершенно обыкновенным голосом и рассеяла наше беспокойство; однако терпеливо покорилась нашим требованиям: легла в постель и выпила стакан слабого нигуса¹⁴. Я уезжала из Крэнфорда на следующий день и до отъезда удостовери-

---

¹⁴ Вино с водой, приправленное лимоном, сахаром и мушкетным орехом.

лась, что все вредное влияние действия открытого окна совершенно миновалось. Я надзирала за переменами в доме и по хозяйству в продолжении нескольких последних недель. Лавка опять превратилась в гостиную; пустые комнаты снова наполнились мебелью до самого чердака.

Были предположения поместить Марту с Джимом в другой дом, но мисс Мэтти не хотела об этом и слышать. Точно, я никогда не видала ее в таком волнении, как в то время, когда мисс Поль уверяла ее, что это будет прекрасное распоряжение. Пока сама Марта захочет остаться с мисс Мэтти, мисс Мэтти будет слишком рада иметь ее возле себя, и Джима тоже, потому что он очень приятный мужчина в доме, потому что она не видела его по целым неделям. А что касается до детей, если они все будут так милы, как крестница её, Матильда, то мисс Мэтти очень рада, если их будет и много, лишь бы Марта была тому рада. Кроме того, следующая дочь должна называться Деборой; мисс Мэтти с трудом уступила упорной решимости Марты, чтоб и первая непременно называлась Матильдой. Итак мисс Поль надо было уступить, и она сказала мне, что так как мистер и мистрисс Горн будут по-прежнему жить с мисс Матильдой, то мы, конечно, поступили благоразумно, наняв в помощницы им племянницу Марты.

Я оставила мисс Мэтти и мистера Питера спокойными и довольными; единственный предмет сожаления для нежного сердца одной и для кроткой природы другого была несчастная

ссора между мистрисс Джемисон и плебейями Гоггинсами и их последователями. Шутя, я предсказала однажды, что это продолжится только до первой болезни мистрисс Джемисон, или мистера Мёллинера, потому что тогда они сами будут рады сделаться друзьями мистера Гоггинса; но мисс Мэтти неприятно было видеть, что я ожидаю чьей-нибудь болезни таким легкомысленным образом; и прежде, чем прошел год, все устроилось самым удовлетворительным образом.

Я получила из Крэнфорда два письма в одно прекрасное октябрьское утро. Мисс Поль и мисс Мэтти приглашали меня приехать повидаться с Гордонами, которые воротились в Англию живы и здоровы, с двумя детьми, теперь уже почти-взрослыми. Милая Джесси Броун сохранила свой милый характер, хотя переменяла имя и звание, и написала, что она с майором Гордоном надеется быть в Крэнфорде четырнадцатого, и просят напомнить о себе мистрисс Джемисон (упомянутую прежде всех, как требовало её сиятельное звание), мисс Поль и мисс Мэтти... может ли она когда-нибудь забыть их доброе расположение к её бедному отцу и сестре?... также мистрисс Форрестер, мистер Гоггинс (тут опять следовал намек на доброту, оказанную покойным её родственником), его супруге, которая должна позволить мистрисс Гордон с ней познакомиться, и которая, кроме того, была знакома еще по Шотландии её мужу. Словом, было упомянуто о всех, начиная от пастора, поселившегося в Крэнфорде в промежуток времени между смертью капитана

Броуна и замужеством мисс Джесси, до мисс Бетти Баркер; все были приглашены к завтраку, в гостиницу Сен-Джорджа, все, исключая мистрисс Фиц-Адам, приехавшей в Крэнфорд после отъезда мисс Джесси Броун, которая была приведена в некоторое уныние этим исключением. Все удивлялись, как мисс Бетти Баркер включена в почетный лист; но мисс Поль сказала, что мы должны припомнить незнание приличий жизни, в каком бедный капитан воспитал дочерей своих, и ради этого изменить наши сомнения; а мистрисс Джемисон сочла даже комплиментом себе, что мисс Бетти её бывшую служанку поставила наравне «с этими Гоггинсами».

Но когда я приехала в Крэнфорд, намерения мистрисс Джемисон еще не были известны: поедет ли эта сиятельная дама, или не поедет? Мистер Питер объявил, что поедет непременно; мисс Поль покачала головой и не надеялась. Но мистер Питер был человек находчивый. Во-первых, он уговорил мисс Мэтти написать к мистрисс Гордон, уведомить ее о существовании мистрисс Фиц-Адам и попросить, чтоб особа такая добрая, такая радушная, такая великодушная, была включена в приятное приглашение. Ответ пришел по первой почте, с премиленькой записочкой к мистрисс Фиц-Адам и просьбой к мисс Мэтти, чтоб она сама ее вручила и изъяснила причину прежнего опущения. Мистрисс Фиц-Адам была ужасно-рада и бесконечно благодарила мисс Мэтти. Мистер Питер сказал: «предоставьте мне уговорить мистрисс Джемисон», и мы согласились, тем более, что не зна-

ли, как изменить решение, однажды ею принятое.

Ни мисс Мэтти, ни мы не знали, о положении дел, когда мисс Поль спросила меня накануне приезда мистрисс Гордон: как мне кажется, нет ли между Питером и мистрисс Джемисон чего-то похожего на брачное предположение, потому что мистрисс Джемисон едет завтракать в гостиницу Сен-Джорджа. Она послала туда мистера Мёллинера изъяснить желание, чтоб была приготовлена скамеечка на самом теплом месте в комнате, так как она намеревалась быть и знала, что там кресла очень высоки. Мисс Поль узнала эту новость и выводила из неё разные заключения и тужила еще больше:

– Если Питер женится, что станется с бедной мисс Мэтти? а мистрисс Джемисон...

Мисс Поль, казалось, думала, что в Крэнфорде были другие дамы, которые сделали бы больше чести его выбору, и мне кажется, она имела в предмете какую-то девицу, потому что повторяла беспрестанно: «Какой недостаток деликатности в женщине вдовой думать о таких вещах!»

Воротившись к мисс Мэтти, я точно начала думать, что Питер располагает жениться на мистрисс Джемисон, и была так же озабочена этим предположением, как и мисс Поль. Когда я вошла, Питер держал в руке корректуру огромной афиши. Синьор Брунони, чародей Великого Могола делийского, Раджи удского и великого тибетского Далай ламы, и проч. и проч. даст в Крэнфорде одно только представление в

следующий вечер; мисс Мэтти в восторге показала мне письмо Гордонов, обещавших остаться в Крэнфорде для этого представления, которым, как мисс Мэтти говорила, обязаны мы Питеру. Он написал, чтоб синьор приехал и брал на себя все издержки. Билеты будут даром розданы всем, и публики будет столько, сколько может поместиться в комнате. Словом, мисс Мэтти была в восхищении и говорила, что завтра Крэнфорд напомнит ей праздник, на котором она была в молодости, завтрак в гостинице Сен-Джорджа, с милыми Гордонами и представление синьора в зале собрания вечером. Но я... я только смотрела на роковые слова:

«Под покровительством её сиятельства мистрисс Джеми-сон.»

Итак она была выбрана покровительницей увеселений, которые дает городу мистер Питер; может быть, она заменит милую мисс Мэтти в его сердце и сделает жизнь её снова одинокой! Я не могла ожидать с удовольствием завтрашнего дня, и невинная преждевременная радость мисс Мэтти только увеличивала мою досаду.

В-сердцах, в раздражении, преувеличивая каждое мало-важное обстоятельство, которое могло действовать на мою раздражительность, я беспокоилась и тосковала до тех пор, как мы все собрались в гостиницу: мистер и мистрисс Гордон, и хорошенькая Флора, и мистер Людовик – все сияли и красотой и хорошим расположением духа; но я почти не обращала на них внимания, наблюдая за мистером Питером;

я заметила, что мисс Поль также была занята праздником. Я никогда не видала мистрисс Джемисон прежде в таком восторге: лицо её было исполнено участия к тому, что говорил мистер Питер. Я подвинулась ближе, чтоб послушать. Велика была моя радость, когда я услышала не слова любви, несмотря на его серьёзное лицо, он рассказывал ей о своих путешествиях в Индии и описывал удивительную высоту Гималайских Гор; каждое новое слово увеличивало их высоту и каждая новая фраза превосходила предыдущую неправдоподобием, но мистрисс Джемисон верила всему чрезвычайно искренно. Я полагаю, что она нуждалась в сильных ощущениях, чтоб выйти из своей апатии. Мистер Питер довершил рассказ свой, говоря, что, разумеется, на такой высоте не находится животных, какие существуют в нижних областях; дичь... и все совершенно там в другом роде. Выстрелив однажды в какое-то улетающее существо, в какое пришел он смущение, увидев, когда оно упало, что он застрелил Пери! Мистер Питер встретился глазами со мной в эту минуту и так лукаво мне подмигнул, что я удостоверилась с этой секунды, что он не думает жениться на мистрисс Джемисон. Она, казалось, была неприятно изумлена.

– Но, мистер Питер... убить Пери... как вы думаете... это не совсем хорошо!

Мистер Питер тотчас же состроил новую гримасу и выразил сожаление. Этот выстрел представился ему в новом свете в первый раз; но мистрисс Джемисон должна припомнить,

что он так долго жил между дикарями. Увидев, что подходит мисс Мэтти, он торопливо переменял разговор и, немного погодя, обернувшись ко мне, сказал:

– Не оскорбляйтесь, моя миленькая, скромная Мери, моими удивительными историями; я смотрю на мистрисс Джемисон, как на хорошую добычу и, кроме того, расположен умилоствить ее; а первый шаг к этому – разбудить ее хорошенько. Я приманил ее сюда, попросив принять под свое покровительство моего бедного фокусника; и не желаю оставлять ей ни минуты свободного времени помнить о нерасположении к Гоггинсам, которые входят теперь сюда. Я желаю, чтоб все были друзьями: Мэтти не может без огорчения слышать об этих ссорах. Я буду продолжать свои проделки с этой целью, и потому вы не должны оскорбляться. Я намерен войти в залу собрания сегодня вечером с мистрисс Джемисон под одну руку, а с мистрисс Гоггинс под другую. Вот посмотрите, исполню ли я это.

Уж не знаю, как он это сделал, только ввел их в разговор между собою. Мистер и мистрисс Гордон помогали доброму делу с совершенным неведением о существовавшей когда-то холодности между обитателями Крэнфорда.

С-этих-пор в крэнфордском обществе наступило прежнее общее дружелюбие, которому я очень рада, по любви милой мисс Мэтти к миру и дружбе. Мы все любим мисс Мэтти и мне кажется, что все мы становимся добрее, когда она с нами.